

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В.Г. БЕЛИНСКОГО»

На правах рукописи

ОСИПОВА
ТАТЬЯНА ВЯЧЕСЛАВОВНА

**Погребения с разрушенными костяками в средневековых
могильниках Окско-Сурского междуречья**

Исторические науки 07.00.06 – археология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Г.Н. Белорыбкин

ПЕНЗА 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. История изучения погребальных обрядов населения Окско-Сурского междуречья	9
§ 1. Достижения отечественной археологии в области изучения погребальных обрядов населения Окско-Сурского междуречья.....	10
§ 2. Изучение разрушенных захоронений в средневековых могильниках..	31
Глава II. Погребальный обряд разрушенных захоронений в могильниках Окско-Сурского междуречья	46
§ 1. Основные черты и динамика развития обряда вторичного захоронения	50
§ 2. Распространение обряда обезвреживания в могильниках Окско-Сурского междуречья	83
§ 3. Результаты взаимодействия различных способов захоронения.....	106
Заключение	125
Список использованных источников и литературы	135
Список сокращений	159
Приложение	160

ВВЕДЕНИЕ

На территории Окско-Сурского междуречья находится большое количество археологических памятников средневековья. Ценными в историческом плане источниками являются могильники, которые содержат важную информацию о жизни средневекового общества и открывают широкий спектр существовавших обычаев и ритуалов народов, населяющих данный регион.

Изучение археологических материалов, полученных в результате раскопок древних захоронений, помогает составить полное представление о погребальных традициях. Они, в свою очередь, позволяют выявить археологические признаки местных культур, проследить эволюцию их развития, выделить основные черты и внешние инновации. Для того чтобы получить наиболее полное представление о материальной и духовной жизни народа, оставившего тот или иной могильник, нужно подробно систематизировать и проанализировать все стороны погребального обряда.

Погребальные памятники Окско-Сурского междуречья давно являются предметом изучения, позволившего выделить несколько традиций обращения с телами умерших: трупоположение, трупосожжение, ритуальное разрушение тела покойного. Если погребения с обрядом трупоположения и трупосожжения достаточно хорошо классифицированы (П.П. Ефименко, П.С. Рыков, П.П. Иванов, А.П. Смирнов, А.Х. Халиков, А.Е. Алихова, Е.И. Горюнова, М.Ф. Жиганов, В.Ф. Генинг, Ю.А. Зеленева, Р.Ф. Воронина, О.В. Зеленцова, О.В. Букина и другие), то могилы с разрушенными костяками не получили должного внимания. Это связано, в первую очередь, с тем, что в археологической науке разрушенные погребения часто считаются ограбленными и не исследуются.

Но большое количество таких захоронений в могильниках Окско-Сурского междуречья предполагает существование какого-то особого обряда погребения умерших у населения данного региона в III-XIV вв.

Поэтому **объектом** данного исследования стали могильники Окско-Сурского междуречья, содержащие погребения с разрушенными костяками.

Предметом изучения является выделение особенностей погребального обряда захоронений с разрушенными костяками, выявление наиболее характерных черт этого обряда и их отражение в могильниках Окско-Сурского междуречья, а также хронологические и пространственные особенности погребального обряда в регионе.

Степень изученности проблемы. Изучение могильников Окско-Сурского междуречья начинается во второй половине XIX в. Раскопки проводились В.Н. Ястребовым, В.М. Терехиным, А.А. Спицыным. В XX в. велись активные археологические исследования, что позволило накопить большое количество материала по погребальным обрядам древнего населения. Среди наиболее крупных исследователей можно выделить А.Е. Алихову, В.Н. Мартьянова, И.М. Петербургского, В.Н. Шитова, Ю.А. Зеленева, В.В. Гришакова.

Наличие погребений с разрушенными костяками в данном регионе было отмечено М.Р. Полесских, Р.Ф. Ворониной, А.Х. Халиковым. В 80-х гг. XX в. появились теоретические исследования, интерпретирующие погребения с разрушенными костяками (В.С. Флеров, В.И. Мельник), но памятники Окско-Сурского междуречья остались за пределами внимания этих разработок. В связи со слабой изученностью ритуально разрушенных захоронений в настоящий момент назрела необходимость

классификации этих погребений и интерпретации мировоззрения, связанного с выполнением этих обрядов.

Поэтому **целью** работы является исследование погребений с разрушенными костяками, которое позволяет расширить представления о традициях, верованиях, материальной и духовной жизни древнего населения Окско-Сурского региона.

Для достижения этой цели поставлены следующие **задачи**:

- 1) Анализ истории изучения могильников, содержащих разрушенные погребения и эволюции взглядов на их трактовку;
- 2) Систематизация и корреляция в динамике развития основных групп погребений с разрушенными костяками;
- 3) Интерпретация семантики погребального обряда, связанного с разрушением захоронения.

В **хронологическом плане** исследуется период с III по XIV вв., что позволяет проследить эволюцию погребального обряда с момента формирования устойчивых элементов погребального обряда мордвы до времени их окончательного складывания (после XIV в. значительных изменений в погребальном обряде не фиксируется). Таким образом, охвачен период с момента генезиса и фиксации обряда разрушения захоронения до окончательного его формирования.

В **территориальном плане** исследование охватывает район Окско-Сурского междуречья с востока на запад и от Волги на севере до реки Узы на юге, где сосредоточены в основном памятники мордвы, что и обусловило выбор территории. В географическом отношении это лесостепная зона с умеренно-континентальным климатом. Природные условия благоприятны для земледелия, скотоводства, охоты, рыболовства.

Наличие больших рек (Ока, Сура, Мокша) позволяло использовать их в качестве торговых путей.

Регион находился между славянским и тюркским мирами, был заселен финскими племенами. В средние века область Окско-Сурского междуречья располагалась между Русью, где основным погребальным обрядом было трупосожжение, и Волжской Булгарией, где в этот период распространилось мусульманство, и Хазарским каганатом, в погребальных традициях которого в I тыс. н.э. как раз и наблюдался обряд ритуального разрушения погребений. Все это оказало влияние на содержание и формирование погребальных обрядов финно-угорского населения, проживающего в этом крае.

Источниковой базой данного исследования являются результаты археологических исследований, отраженные в отчетах, хранящихся в архивах Института археологии РАН, Пензенского объединенного краеведческого музея, учебных учреждений г. Пензы, Саранска, Казани, а также результаты собственных полевых исследований.

При изучении археологических источников привлечены материалы 52 могильников, в которых выделено 551 погребение с разрушенными костяками, что позволяет получить вполне достоверные данные о процессах, происходивших в истории Окско-Сурского междуречья в эпоху средневековья.

Помимо этого, использовались также данные средневековых письменных источников и результаты этнографических исследований по духовной культуре народов Восточной Европы.

Методология исследования. Теоретическую и методологическую основу диссертационного исследования составляют принципы научности, историзма, объективности и системности в изучении проблем по-

гребального обряда, а также диалектические принципы всеобщей связи явлений и процессов и динамика их развития.

Исходя из этого, в работе использовались такие **методы исследования**, как формализация исходных данных, типологический метод, метод подбора аналогий, картографический, а также статистический метод (метод выделения серий погребений с одинаковым или близким набором признаков), анализа и синтеза. В работе использовались методики изучения погребальных обрядов, разработанные В.Ф. Генингом, Г.Ф. Никитиной, Ю.А. Зеленевым.

Научная новизна работы состоит в первом специальном обращении к разрушенным погребениям как к предмету изучения, введению новых данных в научный оборот, обобщению знаний о них и привлечению к решению различных проблем истории данного региона. Впервые в научный оборот вводятся материалы, которые позволяют значительно уточнить существующие взгляды о погребальном обряде.

Практическое значение. Материалы диссертации могут быть использованы для исследования финно-угорской археологии периода средневековья. Возможно использование материалов в учебной работе преподавателей археологии исторических факультетов высших учебных заведений, а также в музейно-экспозиционной деятельности.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были изложены на Урало-Поволжской археологической студенческой конференции (г. Самара, 1999 г.; г. Пенза, 2004; г. Челябинск, 2005; Астрахань, 2006), на VIII Ключевских чтениях в Пензенском государственном педагогическом университете имени В.Г.Белинского (1999 г.), на Всероссийских научных конференциях в г. Саранске и г. Саратове (2000 г.), на III Международной археологической

конференции (г. Самара, 2001 г.), на Лебедевских чтениях в Пензенском государственном педагогическом университете имени В.Г. Белинского (2001 г.; 2004 г.), на конференции, посвященной советскому археологу А.Е. Алиховой (2003 г.).

Глава I. История изучения погребальных обрядов населения Окско-Сурского междуречья

Население Окско-Сурского междуречья характеризуется этнической пестротой, как во времени, так и в территориальном плане. Среди различных народностей, проживавших в этом крае, наибольшее количество погребальных памятников осталось от мордвы.

Мордовский народ является одним из древнейших народов Восточной Европы. Территория расселения мордовских племен занимала большое пространство в междуречьях Оки, Волги, Цны, Алатыря.

Древнейшее упоминание о мордовской народности встречаются у историка VI в. Иордана (Мокшин Н.Ф., 1993). Византийский император Константин Багрянородный (X в.) в сочинении «Об управлении империей» называет страну Мордия – Mordi (Мокшин Н.Ф., 1993). У восточных, в первую очередь, арабских авторов (Рашид-ад-Дин 1247-1318 гг.) и в трудах западноевропейских ученых XIII – XVI вв. находим уже более подробное описание быта и обычаев этого народа. Хотя эти материалы очень субъективны и скудны, они не дают представление о материальной и духовной культуре мордвы, тем более в них нет описания погребальных обрядов, кроме упоминания о том, что мордва – язычники, но не характеризуя конкретного существа мордовского язычества. Например, миссионер монах-доминиканец Юлиан дает описание «царства Мордванов», населенного язычниками. Западноевропейский путешественник Рубрук описывает существование двух народов, которые близки по своим обычаям, языку, культуре и проживают на обширной восточной территории (Аннинский С.А., 1957. С. 45). В XVI в., благодаря возросшему интересу европейских стран к Московскому государству, в

подробных посольских отчетах можно найти ряд сведений, касающихся истории, образа жизни и культуры мордовского народа.

В русских летописях, которые являются наиболее полными и достоверными письменными источниками, в период XII – XVI вв., есть только упоминание о мордве, например в «Повести временных лет». В Патриаршей или Никоновской летописи XVI в. уже более подробно описываются события, связанные с мордовско-русскими отношениями, с вторжением монголо-татар на Мордовскую землю.

Народный фольклор не сохранил вовсе или сохранил в сильно искаженном виде свидетельства о быте и культуре населения в средние века. Этнографические экспедиции, как источник изучения обычаев мордвы, при изучении погребальных обрядов не дают полного представления об обряде захоронения в ранний период развития мордвы, т.к. первые экспедиции состоялись лишь в конце XVIII в., не были регулярными и не охватывали большую часть территории расселения народа. Поэтому, учитывая то, что письменные, фольклорные, этнографические источники не имеют особой значимости в изучении обрядов захоронения мордвы в средние века, главными источниками в анализе этих процессов являются археологические раскопки погребальных памятников.

§ 1. Достижения отечественной археологии в области изучения погребальных обрядов населения Окско-Сурского междуречья.

Погребальные обряды формируются в каждой этнической группе на определенной стадии развития не только социально-экономических отношений, но и религиозного мировоззрения. Инстинкт выживания, боязнь таинства смерти, попытки представить существование человека в загробном мире привели к возникновению определенных ритуалов при

погребении. Причем часто, в отдельных общинах, даже принадлежащих к одной и той же этнической группе, возникали отличия в погребальных обрядах, хотя в основном, в пределах определенного этноса, установленные обряды захоронения соблюдались и передавались из поколения в поколение. Вера в загробную жизнь заставляла наших предков снаряжать покойников всеми необходимыми, по их мнению, предметами домашнего обихода, производственным инвентарем, украшениями и другими вещами, вплоть до домашних животных, слуг, и жен. Развитие погребальных обрядов мордвы мало чем отличалось от развития ритуалов погребения других народов, но, как говорилось выше, отсутствие каких-либо других источников, кроме могильников, создает определенные трудности в изучении этих обрядов.

Первые сообщения о местонахождении древнемордовских погребальных памятников стали появляться только во второй половине XIX в. Раскопки производились исключительно любителями древностей. Естественно, систематические записи проведенных работ не делались. И только в отдельных небольших заметках периодической печати появлялись сообщения о найденных кладах с монетами, украшениями, орудиями труда. Первый научный материал по этнографии мордвы Пензенского края был собран в 1786 г. экспедицией Академии Наук под руководством П.С. Палласа. Но после этого исследования, лишь спустя сто лет, началось систематическое изучение мордвы.

В 1846 г. в Петербурге создается Археолого-Нумизматическое общество, а в 1864 г. – Московское археологическое общество, и при нем в 1883 г. открыт Московский исторический музей. Происходит объединение ученых и любителей археологии Российского государства, появляется возможность обмениваться археологическими находками, анализи-

ровать и систематизировать собранные материалы. Появились периодические издания материалов археологических исследований, стали организовываться раскопки древних памятников в ряде губерний страны, в том числе и в междуречье Оки и Волги (Жиганов М.Ф., 1976. С.5).

И хотя грунтовые могильники являются важным источником в изучении истории мордовского народа, их открытие было затруднено в силу того, что они не имеют никаких наземных признаков.

Одно из первых крупных археологических открытий было сделано при прокладке Тамбово-Саратовской железной дороги. В 1869 г. обнаружено 143 погребения, датированных IX – X вв. Это, так называемый, Лядинский (р. Ляда) могильник, он был классифицирован как мордовское захоронение. Его изучением занимались В.Н. Ястребов и И.Р. Аспелин.

В это же время В.Н. Ястребовым исследуется могильник у с. Новотомникова Шацкого уезда. При описании Лядинского и Томниковского могильников он выделяет составные элементы мордовского погребального обряда. Им было отмечено, что захоронения делятся на две группы: труположения и трупосожжения (или частичного трупосожжения). Кроме этого, он обращает внимание на ориентировку погребенных, указывая, что большинство из них положено головой на юг.

В 70-х гг. XIX в. в Нижегородской губернии краеведом-любителем П.Д. Дружкиным был раскопан могильник у с. М. Терюшево. Дружкин не имел специального образования, но многие детали обряда погребения им были зафиксированы и сейчас можно представить форму, характер, ориентировку костяков, положение бытовых вещей, оружия и украшений.

В 1871 г. на I Археологическом съезде в Москве обсуждаются мордовские погребения средневековых могильников, обнаруженные в Симбирской, Нижегородской и Казанской губерниях. В это же время появляются материалы о мордовских памятниках в специальных печатных изданиях, таких как «Записки Русского археологического общества», «Материалы по археологии России», «Известия», «Отчеты археологической комиссии» (Археология СССР, 1987. С.97).

В Пензенском крае изучением культуры мордвы занимаются преподаватели Пензенского Дворянского института В.А. Луновский и М.С. Киевский. В конце XIX в. начинается археологическое изучение мордовских могильников на территории Пензенского края. В 1890 г. В.М. Терехин производит обследование Ефаевского могильника, который находится в 15 км от г. Краснослободска. Отчет о раскопках был помещен в № 272 «Пензенских Губернских Новостях», но ни отчет, ни последующие публикации не давали полного представления об этом памятнике, и лишь работа экспедиции Мордовского НИИ в 1936 г. дала полную картину для изучения ритуала погребения. Погребения Ефаевского могильника не перекрывали друг друга, что говорит о существовании наземных признаков могил. Ориентировка покойников – головой на юг. Мужские и женские погребения четко различаются: мужские костяки покоились на спине с вытянутыми конечностями, женские – на правом боку, с подогнутыми ногами и согнутыми в локтях руками. Найденные в могильных ямах ювелирные украшения, предметы быта и производства позволили отнести эти захоронения к XII – XIII вв. (Горюнова Е.И., 1948а. С.112).

Наиболее значительную экспедицию по изучению археологических памятников Пензенской и Тамбовской губерний организовал в

1892 г. А.А. Спицин. Были исследованы Зубаревский, Ефаевский, Казбекский, Пичпандинский, Рыбинский могильники, два городища у с. Жуковка. Краткий отчет об этой экспедиции был опубликован в «Отчете археологической комиссии» в 1894 г. А.А. Спицин систематизировал археологические материалы, накопленные за предыдущие годы раскопок, составил карточки с подробной характеристикой археологических находок. Его датировка многих памятников до настоящего времени остается правильной. Он, совместно с В.Н. Поливановым, установил связь между могильниками мордвы-мокши XIV и XVII вв. и грунтовыми могильниками лядинского типа. Кроме этого по результатам раскопок он выпускает книги «Древности бассейнов Оки и Камы» (1901 г.) и «Древности Пензенской губернии» (1925 г.). В 1891 – 1895 гг. им исследован Кошибеевский могильник. И хотя А.А. Спицин относил этот памятник к пьяноборским племенам, последующие исследования материалов Кошибеевского могильника Н.В. Трубниковой в 1966 г. позволили сделать заключение о принадлежности данного памятника к мордовским могильникам северной группы первой половины I тыс. н.э. (Трубникова Н.В., 1965. С.53).

В 1890 – 1892 гг. В.Н. Поливанов исследует погребения Муранского могильника XIII – XIV вв. (Симбирская губерния). Было вскрыто свыше 400 могил и по результатам раскопок в 1896 году написана книга «Муранский могильник». В этой книге мы находим интересные факты по истории мордвы золотоордынского периода. Погребальные обряды этого могильника типичны для мордовских мокшанских захоронений XIV в. Кроме этого при раскопках обнаружено много бытовых предметов и орудий труда, женских украшений, которые характеризуют общественное положение умершего (Алихова А.Е., 1954. С. 132).

В Нижегородской губернии в эти же годы активно работает член губернской ученой комиссии А.В. Снежневский. Он производит раскопки Сергачского могильника. И хотя было выявлено только 5 погребений, эти захоронения считаются одними из самых древних мордовских памятников относящихся к II – III вв. В этом могильнике умершие в четырех погребениях из пяти, ориентированы головой на северо-восток, один на запад. Такое трупоположение характерно для могильников северной группы первой половины I тыс.н.э. (Жиганов М.Ф., 1976. С. 7).

В конце XIX в. ведутся раскопки рязанских могильников, имеющих большое значение для истории мордовских племен I тысячелетия н.э. А.С. Уваровым, А.И. Черепниным, А.В. Селивановым производятся раскопки Кузьминского, Борковского, Пальновского, Тырновского, Курманского могильников. В 1899 г. выходит обобщающая работа по этим памятникам «О рязано-окских могильниках. Труды десятого археологического съезда». Основываясь на различиях погребального обряда в Борковском и Кузьминском могильников, А.И. Черепнин предполагает существование разноплеменного состава древнего населения. Он отмечает, что в могильниках среди погребений с трупосожжением возможны и славянские захоронения. Такой же точки зрения придерживался и А.В. Селиванов (Ледяйкин В.И., 1975. С.38).

В Пензенской губернии принимает деятельное участие в археологических работах, а также в сборе коллекции древних предметов В.М.Терехин. В 1893 г. он раскапывает Ефаевский могильник, публикует статьи об археологических памятниках Краснослободского уезда в «Пензенских губернских ведомостях», в «Сборнике Пензенского губернского статистического комитета» и других изданиях (Белорыбкин Г.Н., Кишинская С.А., 1995. С. 20).

В 1902 г. в Пензе был образован церковно-археологический статистический комитет при духовной семинарии, который ставил своей целью «дать подробное описание Пензенской епархии в прошлом и настоящем состоянии... разных достопримечательностей в отношении церковно-историческом, археологическом и статистическом» (Белорыбкин Г.Н., Кишинская С.А., 1995. С. 21).

В 1905 г. в г. Пензе был открыт краеведческий музей, благодаря чему обеспечивается сохранность коллекций древностей, представляющих большую научную ценность. Но серьезного развития в Пензенской губернии изучение древностей мордовского народа не получило.

В том же году, членом Тамбовской ученой комиссии А.Н. Нарцевым был собран ценный материал о многих археологических памятниках Темниковского уезда (Старокадомский могильник XV в.). И хотя А.Н. Нарцевым был опубликован подробный отчет о находках, он не смог сделать вывода о племенной принадлежности данного могильника (Шитов В.Н., 1988в. С.23), но, проведя большую работу по поиску древностей, он составил историко-археологическую карту Тамбовской области.

В 1908 г. Д.С. Шереметьевым производились раскопки Томниковского могильника. Было обнаружено богатое захоронение женщины-литейщицы VI-VIII вв. Находки этого захоронения представляют большую ценность для науки и хранятся в Государственном Эрмитаже. Кроме этого, из 58 захоронений Томниковского могильника девять погребений оказались с трупосожжением, в 4-х погребениях костяки ориентированы головой на запад. А так как для мордвы того времени было характерно обычное трупоположение, можно было предположить, что захоронения с трупосожжением принадлежат славянам, т.к. такой обряд за-

хоронения был обычен для славянских народов VI – VIII вв. Обряд кремации возникает одновременно с появлением большого количества древнеславянских вещей, что позволяет сделать вывод о проникновении славянской культуры в быт и погребальные обряды мордвы, начиная с VI – VII вв.

Таким образом, в период с середины XIX до начала XX в. в изучении истории мордовского народа все большее внимание стало уделяться археологическим источникам, исследованиям на местах поселений древних племен. Производится сопоставление письменных и этнографических источников с материалом, собранным при раскопках археологических памятников. В последующие годы в связи с бурными событиями, происходившими в России, археологические работы не производились.

Возобновляются раскопки памятников мордовской культуры лишь к середине 20-х гг. XX в. Раскопки мордовских памятников стали проводиться крупнейшими научными центрами страны: Государственной Академией истории материальной культуры, Центральным музеем народов СССР, Институтом антропологии при Московском государственном университете, а также краеведческими музеями городов Саранска, Пензы, Тамбова, Саратова и других.

В 20-х гг. XX в. в Саратовском университете и Нижневолжском краевом музее ведет активную научную деятельность археолог П.С. Рыков. Под его руководством ведутся исследования курганов, могильников, селищ, городищ на реке Узе. В 1926 г. его экспедицией велись работы на Армиевском I могильнике VI-VII вв. По окончании работы им была составлена подробная хронологическая классификация материала (Рыков П.С., 1930).

Благодаря таким ученым, как П.С. Рыков, Б.М. Соколов, А.А. Герасимов и других, г. Саратов становится крупным научным центром Поволжья по изучению истории мордовского народа. Были разработаны университетские курсы по истории, археологии и этнографии мордвы, началась подготовка молодых ученых, велась просветительская работа среди населения. Молодые археологи М.Т. Маркелов, П.Д. Степанов, Н.К. Арзютов исследовали древнемордовские памятники. Н.К. Арзютов работает на финском могильнике XIII – XIV вв. близ г. Аткарска. Аткарский могильник был обнаружен в 1916 г. В 1927-28 гг. ученые продолжают его разработку. Ими вскрыто 40 погребений, в результате исследования которых обнаружено, что детали погребального ритуала аналогичны Гагинскому, Муранскому, Сарлейскому могильникам и позволяют датировать его XIII-XIV вв. (Горюнова Е.И., 1948г. С.17).

В других городах Поволжья: Пензе, Самаре, Нижнем Новгороде, Тамбове – ведутся работы по археологии местного края.

В Самаре экспедицией госуниверситета изучается Барбашинский могильник, расположенный на левом берегу реки Волги, недалеко от г. Самары. Он является одним из самых крайних мордовских могильников на юго-востоке.

В 1925-1926 гг. Нижегородской губернской археолого-этнологической экспедицией были обследованы Коринский и Сарлейский могильники. Раскопки велись под руководством Е.И. Горюновой. Оба эти могильника курганного типа, хотя там обнаружено и несколько ямных погребений. Причем, более поздний курганный могильник (XVI-XVII вв.) покрывает более ранние погребения XII-XIII вв. Под одним из курганов Коринского могильника были найдены исключительно кости домашних животных, на поверхности почвы видны следы от костров, на

которых сжигались жертвенные животные (Горюнова Е.И., 1948б,г. С.6, 48).

В Пензенском крае проводились археологические экспедиции пензенских ученых-краеведов и археологов из других городов Поволжья и Москвы. В 1922 г. появляется работа А.А.Хвощева, в которой автор, опираясь на археологические данные, прослеживает историю расселения мордвы по Пензенской губернии (Белорыбкин Г.Н., Кишинская С.А., 1995. С.22). В 1925 г. был открыт Старосотенский могильник XIV в., который давал информацию о развитии хозяйства мордвы-мокши.

В 1926 – 1929 гг. крупномасштабные исследования проводились антропологической комплексной экспедицией Московского государственного университета под руководством Б.С.Жукова. В состав этой экспедиции входили А.Е. Алихова, Е.И. Горюнова, М.В. Воеводский. Ими были обследованы могильники Б.Макателемский, I и II Борнуковские, Кардовильский, Тоторшевский и собраны обширные сведения о древних городищах и селищах арзамасской мордвы в средних веках I тысячелетия (Мартьянов В.Н., 2001. С.7).

Начиная с 1927 по 1936 г., экспедиция под руководством П.П. Иванова открыла и исследовала в общей сложности 866 погребений VIII – XI вв. в Крюково-Кужновском, Пановском, Елизавет-Михайловском могильниках на р. Цне. После обработки результатов раскопок А.Е. Алиховой и А.П. Смирновым были сделаны следующие выводы: у цнинской мордвы, помимо обычного обряда погребения – труположения, известен и обряд трупосожжения. Этот обряд появился примерно в VI в. Племенная группа мордвы, проживающая в моршанской части бассейна р. Цны, использовала в костюме, в производственном орудии, в воинских доспехах некоторые элементы, характерные для родственного

мордве племени муромы, жившего в соседних приокских районах. А.Е. Алиховой высказывается предположение, что большинство мордовских племен этого региона ассимилированы соседними народами, а позднее русским населением. Об этом можно судить по тому, как в начале XI в. появляются в указанных могильниках несколько захоронений с заметно изменившимся инвентарем и скорченные погребения, которые, начиная с этого времени, становятся характерным обрядом захоронения женщин (Алихова А.Е., 1969. С.4-13).

В 30-е годы происходит разгром краеведческих объединений, и создание национальных НИИ. Пострадали не только организации, но и такие знаменитые ученые как П.С. Рыков, А.А. Кротков, Н.К. Арзютов и другие. Изучение средневековой истории региона стало вестись в рамках того или иного народа.

В 1930 г. начинают систематическую работу экспедиции Мордовского научно-исследовательского института под руководством А.Е. Алиховой и Е.И. Горюновой в западных районах Мордовской АССР. Ефаевский, Сарлейский, Коринский, Старосотенский, Паньжинский могильники позволили изучить историю народа в период монголо-татарского ига. На примере Крюково-Кужновского могильника, имеющего погребения домонгольского периода XI-XII вв. и погребения золотоордынской эпохи можно отметить, что гнет, длившийся более двухсот лет, крайне отрицательно сказался на экономическом, политическом и культурном развитии мордовского народа. За период с VIII по XII вв. (более четырехсот лет), как показывает инвентарь этого могильника, не наблюдается изменения количества и качества украшений, а в могилах XIII-XIV вв. почти исчезают украшения, погребения поражают своей бедностью, несвойственной местному населению домонгольского пе-

риода. Кроме этого, в эти годы в мордовские земли происходит приток русского населения, возникают более тесные взаимоотношения с Русью. Поэтому объясним тот факт, что в этих могильниках обнаружено много изделий русских ремесленников (Жиганов М.Ф., 1976. С.74)

В 1940 – 1941 гг. были начаты археологические раскопки в долинах рек Алтыря, Вада, Мокши. Но события Великой Отечественной войны помешали научным изысканиям.

Возобновляется изучение мордовских средневековых памятников с начала 50-х гг. XX в. В эти годы публикуется много статей, книг, отчетов о полевых исследованиях, проведенных в 1939-40 гг. Выходят в свет печатные труды А.Е. Алиховой «Старосотенский могильник» (1948 г.), «Из истории мордвы конца I – начала II тыс. н.э.» (1959 г.), П.Д.Степанова «Пургасово городище», «Археологические работы в Мордовской АССР в 1940-41 гг. (1946 г.)».

В 1947-1948 гг. начинается изучение древнемордовских памятников Е.И. Горюнова. Она продолжает раскопки Ефаевского могильника, работает над материалами Сарлейского, Коринского, Погибаловского могильников (Горюнова Е.И., 1948).

В 1952 г. старший научный сотрудник Пензенского краеведческого музея М.Р. Полесских открыл Селиксинский могильник III – VIII вв., а вскоре Кармалейский могильник мордвы-мокши IX – XI вв. Раскопки Старшего Селиксинского могильника велись в течение многих лет, в нем было вскрыто 166 погребений одного этноса, но разного времени в пределах I тыс. н.э. В последующие годы археологическими экспедициями под руководством М.Р. Полесских был открыт и изучен целый ряд пензенских могильников древней мордвы: Шемышейский, Тезиковский, Селикс-Трофимовский, Армиевский и другие. Судя по большому

насыщению пензенских могильников богатым инвентарем, племена мордвы переживали, подъем в своей экономической жизни. На большом материале, собранном при раскопке этих могильников, М.Р. Полесских дает периодизацию пензенской группы мордовских памятников (Полесских М.Р., 1977. С.33-56).

С 1955 г. начинают свою работу экспедиции Мордовского краеведческого музея. Ими исследованы древнемордовские памятники в долине реки Теша. Большое количество материала свидетельствует о дальнейшем развитии культуры мордовского народа второй половины I тысячелетия (Археология СССР, 1987. С.98). Так, например, в Старшем Кужендеевском могильнике обнаружено большое количество предметов, характерных для мордвы-эрзи VII – VIII вв., тем не менее появляются единичные предметы, однотипные с находками в могильниках мордвы-мокши. Это говорит о том, что в целом материальная культура мордовских племен оставалась единой (Жиганов М.Ф., 1959).

Особый интерес представляют материалы могильника у пос. Заря, Zubovo-Полянского р-на Мордовской АССР. Наличие в могильнике большого числа различных украшений (не только в женских, но и в мужских погребениях) позволяет подразделить материалы могильника по хронологическим группам: VII – VIII вв. и IX – X вв. Характерен и следующий факт, что в могильнике у пос. Заря все богатые погребения сконцентрированы в основном в одном месте (в центральной части могильника) и имеют, по сравнению с основным количеством погребений, значительно большие размеры могильных ям. Следовательно, богатые погребения могильников резко отличаются от большинства рядовых погребений и являются примером исторического разделения общества.

С 1960-х гг. в поиски и исследования средневековых памятников мордвы включились экспедиции Мордовского государственного университета. С 1965 г А.В. Циркиным были продолжены исследования Кельгинского могильника, Zubovo-Полянский р-н Мордовской АССР и Шокшинского могильника (Теньгушевский р-н). Кельгинские захоронения типичны для мордвы-эрзи XI – XIII вв. Интересны находки женских украшений (бусы, браслеты) этого могильника, так как аналогичные типы этих украшений встречаются в раскопках Московской, Смоленской, Курской и других областей древней Руси (Циркин А.В., 1966. С.224).

Шокшинский могильник является к настоящему времени одним из наиболее полно изученных среди средневековых памятников Окско-Сурского междуречья. Погребения датируются с VI по начало XI в. Население этого памятника, судя по предметам могильника, имело экономические и культурные связи с рязанско-окскими племенами (Шитов В.Н., 1990. С.21).

В 1963 г. были завершены раскопки у с. Тезиково-Михайловское Пензенской обл., (могильник датируется IV – V вв.). Состав вещей этого могильника носит как бы двойственный характер: часть вещей можно отнести исключительно к силиксенскому типу, другие к кошибеевскому. Можно предположить, что ядром древнего населения, оставившего тезиковские захоронения, были выходцы с низовий Мокши (Кошибеевский могильник) и из племен окско-рязанского региона. Переселенцы принесли на пензенские земли свои ритуалы погребального обряда, предметы быта, производственного инвентаря, украшения. Ориентация покойников – восточная и северо-восточная, не свойственна другим пензенским могильникам IV в, это подтверждает вывод о происхождении древнего населения (Полесских М.Р., 1966. С.268-278).

В Саранске в декабре 1964 г. состоялась научная сессия по этногенезу мордовского народа (Информационное сообщение. 1964 г. Саранск). Сессия явилась важным научным событием в изучении культуры мордвы. Она подвела итоги проделанной работы и наметила основные направления на ближайший отрезок времени. Были выработаны рекомендации по дальнейшему «развитию» научно-исследовательской работы по изучению истории, археологии, этнографии мордовского народа. На этой и последующих сессиях было отмечено, что необходимо решать существующие проблемы через совокупность всех видов источников, т.к. история всех народов Поволжья очень тесно переплетена между собой, элементы одной культуры можно обнаружить во многих других. Но фактически основная масса исследований по-прежнему ведется по отдельным направлениям (Белорыбкин Г.Н., 2003. С. 17-18).

Благодаря активным археологическим работам, развернувшимся во второй половине XX в., были продолжены различные периодизации в развитии мордовской материальной культуры. Была выдвинута на первый план идея о отдельных истоках формирования мокши и эрзи (Полесских М.Р., 1977, Степанов П.Д., 1980, Белорыбкин Г.Н., 2003).

В Пензенской области в 1960-1969 гг. М.Р. Полесских продолжает раскопки Армиевского могильника VI – VIII вв. (с. Армиево Пензенской обл.). Большое научное значение пензенских могильников мордвы I тыс.н.э. состоит в том, что они дают представление об эволюции материальной культуры, особенно ярко выраженной в женских украшениях. В Армиевском могильнике обнаружено большое количество предметов быта, орудия производства, оружия, украшений, которые позволяют сделать вывод о том, что истоками армиевской культуры явилась селиксинская культура III – IV вв. н.э. В первой половине I тыс.н.э. происхо-

дило становление мордовского этноса с единой языковой основой, но с различиями в материальной культуре. Это различие выразилось в культуре памятников кошибеевского типа (эрзя) и в культуре памятников селиксинского типа (мокша) (Полесских М.Р., 1979. С.53).

В период 1970 – 1980 гг. ведутся обширные археологические изыскания древних памятников мордвы. Продолжают изучаться ранее обнаруженные могильники, открываются новые: Старокадомский (VI – VII вв.), Журавкинский II (IV – X вв.), Старобадиковский I и II (VII – XIV вв.), Абрамовский (VI – VIII вв.) и другие. Все эти могильники принадлежат домонгольскому периоду развития мордвы, кроме Старобадиковского I, и поэтому в них много богатых украшений, предметов производства и быта, что нельзя сказать о Старобадиковском I могильнике, в котором вещевой материал довольно однообразен, в могилах почти не встречаются серебряные изделия. Журавкинский и Старобадиковский могильники изучала в 1972 – 1982 гг. группа молодых ученых под руководством И.М.Петербургского (Петербургский И.М., 1979). Оба могильника, судя по вещевому материалу, принадлежат мордве-мокше. В Старобадиковском I обращает на себя внимание то, что мужские и женские захоронения сосредоточены в разных частях раскопа. В погребальных обрядах этого захоронения нашел яркое отражение культ огня. В заполнении ям часто встречались в большом количестве угли и зола. Иногда при совершении погребения над захоронением разжигался костер.

Старокадомский могильник, раскопки которого были начаты еще в конце XIX в., с 1970 по 1977 г. изучался экспедицией Мордовского НИИ под руководством В.Н. Шитова (Шитов В.Н., 1988в). Абрамовский могильник исследовался в 1972 – 1975 гг. экспедицией Мордовского госуниверситета под руководством М.Ф. Жиганова (Жиганов М.Ф.,

1973-1975). Анализ этих могильников дает много информативного материала важного для изучения сложных этнокультурных процессов племен проживающих в бассейне р. Ока.

В 1970 – 1972 гг. Р.Ф.Воронина продолжает раскопки Иваньковского могильника, одного из самых значительных погребений V – VII вв. нижнесурской мордвы. По характеру погребальной обрядности Иваньковский могильник не отличается от могильников среднего течения Оки, бассейнов Мокши и Суры. Некоторую особенность захоронений составляет ориентировка, которая сближает их с более поздними захоронениями поречья Оки, принадлежавшими древним племенам муромской группы. Но по составу материальных находок могильник имеет мало общего с муромскими древностями и примыкает к более южным памятникам западного Поволжья (Армиевский могильник) (Воронина Р.Ф., 1972).

В 80-е гг. XX столетия продолжается изучение неопубликованных археологических материалов, ведутся раскопки на известных могильниках, обнаружено несколько новых захоронений. Так именно в это время В.Н. Шитов изучает материалы Кошибеевского могильника, раскопки которого производились в 1895-1901 гг., и который является одним из ключевых для изучения истории финно-угорских племен Среднего Поволжья. Но вещевой материал, обнаруженный в этом могильнике, вызывает споры ученых по поводу происхождения народа, которому принадлежат эти захоронения. Ученый делает предположение о генетической связи кошибеевского и рязано-окского населения. Он выделяет в истории этих племен три периода: кошибеевский (III – IV вв.), борковско-кузьминский (V – VII вв.) и курманско-шокшинский (VIII – XI вв.). Первый период характеризуется формированием культуры этого населения, на второй период приходится наиболее широкое расселение рязано-

окских племен по бассейну Средней Оки и в Нижнем Примокшанье, в третий период территория, занятая рязано-окскими племенами, сокращается (Шитов В.Н., 1988а. С.23).

В 1982 г. экспедицией Мордовского госуниверситета начинаются раскопки Тенишевского могильника (VIII – IX вв.), расположенного в Краснослободском р-не Мордовской АССР. Изучение материалов этого могильника и других, относящихся ко второй половине I тысячелетия н.э. (Шокшинский, Казбек, Абрамовский, Погибаловский и ряд других), позволяет включить Среднее Примокшанье в область расселения северной группы древнемордовских племен. Большой интерес представляют раскопки могильника Красное I (Горьковская обл.), начатые в 1984 г. Этот памятник относится к XII – XIII вв. и имеет характерные признаки, с одной стороны, для мордвы-мокши, с другой – для мордвы-эрзи. Все это говорит о сложной этнической ситуации в северной части Окско-Сурского междуречья накануне монголо-татарского нашествия (Мартьянов, 1988б. С.80-84).

В 90-х гг. прошлого столетия произошло сокращение количества раскопок по сравнению с предшествующим периодом, но тем не менее ведется активное изучение мордовской истории по отдельным проблемам. Полевые работы ведут профессионально подготовленные специалисты. Накоплено большое количество археологического материала, которое хранится в фондах музеев и НИИ. Значительные раскопки, начиная с 90-х годов прошлого столетия, проводятся в Нижегородской обл. Там ведут работы экспедиции под руководством Ю.А. Зеленева (Марийский госуниверситет) и В.Н.Мартьянова (Арзамасский ГПИ). Ими были исследованы могильники: Заречное, Стексово, Красное, Личадеево и многие другие. Погребальные памятники в долинах рек Теша и ее пра-

вобережных притоков представлены грунтовыми и курганными могильниками и располагаются поблизости от одноименных поселений. По времени они охватывают промежуток от рубежа начала I тыс. н.э. до XVII в. Вновь полученные материалы позволяют восполнить пробел в истории мордвы-эрзи в I и начале II-го тысячелетия (Мартьянов В.Н., 2001).

В 1994 – 2000 гг. экспедиции Мордовского НИИ под руководством И.М.Петербургского проводились раскопки могильника у с. Степановка Атюрьевского р-на Республики Мордовия. Характерной чертой погребального обряда этого могильника является наличие в отдельных мужских захоронениях «дарственных» женских украшений. Погребальный инвентарь представлен ювелирными украшениями, орудиями труда, посудой, вооружением. Сравнивая материалы и погребальный обряд Степановского могильника и захоронений, расположенных на Средней Цне, следует отметить, что в VIII – XI вв. в бассейнах рек Мокши и Цны проживала однородная группа мордвы-мокши, но наличие ювелирных украшений салтовского типа указывает на тесные связи мордовских племен с населением степной зоны (Петербургский И.М., Дивлишов А.В., Охотина Т.Н., Седышев О.В., 2002. С.136-140).

В Пензенской области в 1993 г А.В. Растороповым был открыт и частично исследован могильник XI – XIII вв. у села Татарская Лака Вадинского р-на. В 2002 г. работы по изучению этого могильника были продолжены экспедицией ПГПУ под руководством Г.Н. Белорыбкина. Основное количество захоронений сделано в домоногольский период, хотя встречаются и золотоордынские предметы и предметы (посуда, орудия труда и т.п.), привозимые из Руси и Волжской Булгарии. С этого же времени ведутся раскопки раннемордовского могильника у с. Усть-

Уза. Работы ведутся Мордовским пединститутом под руководством В.В. Гришакова. Исследования этого могильника продолжаются и по настоящее время.

В итоге можно сделать вывод о том, что первые упоминания о духовной культуре населения Окско-Сурского междуречья относятся ко второй половине I тыс. н.э. и отражены в письменных источниках европейских и арабо-персидских авторов. Также информация о погребальном обряде сохранилась до нашего времени и в этнографических материалах мордвы и марийцев.

Изучение могильников на территории Окско-Сурского междуречья началось во второй половине XIX в. учеными из Москвы, Тамбовской и Нижегородской губернии. В конце XIX в. к ним присоединились исследователи Пензенской губернии. Первые же раскопки позволили выявить особенности мордовских и рязано-окских захоронений. По результатам исследований выходят различные публикации. Активное участие в исследовании средневековых памятников принимали как отдельные ученые, так и общественные организации, среди которых выделяются губернские ученые архивные комиссии.

В 20-х гг. XX в. начинается новый этап в изучении могильников Окско-Сурского междуречья. Создаются специальные комплексные экспедиции, в рамках которых работают ученые из Москвы, Пензы, Самары, Тамбова и других городов Поволжья. Наибольший вклад в исследование региона внесли такие ученые как П.С. Рыков, Е.И. Горюнова, А.Е. Алихова, П.П. Иванов.

В 30-е гг. XX в. на территории региона возникают научно-исследовательские институты, которые переходят к планомерному и системному изучению средневековых могильников. В результате актив-

ных исследований был накоплен большой археологический материал, на базе которого, начиная с 40-х гг. XX в. появляются многочисленные публикации, как по отдельным могильникам, так и по истории региона в целом. Благодаря этому в 1950-60-х гг. были открыты совершенно новые страницы истории региона, в частности, М.Р. Полесских на территории Пензенской области открыл большой массив памятников ранней мордвы.

Важным научным событием 60-х гг. XX в. явилась научная сессия по этногенезу мордовского народа, где были подведены итоги предшествующих исследований и намечены задачи на будущее.

Но наибольший всплеск в исследовании могильников Окско-Сурского междуречья приходится на 70-80 е гг. XX в. Экспедициями под руководством М.Ф. Жиганова, И.М. Петербургского, В.Н. Шитова, М.Р. Полесских, Р.Ф. Ворониной было исследовано большое количество могильников, таких как Абрамовский, Иваньковский, Кошибеевский, Тенишевский. В результате в это время появились обобщающие работы, как по истории отдельных народов, так и по истории региона в целом.

В настоящее время стали появляться исследования, посвященные как отдельным аспектам истории Окско-Сурского междуречья, так и общетеоретические работы. При этом все большее внимание стало уделяться особенностям погребального обряда как на отдельных могильниках, так и по региону в целом.

Таким образом, благодаря широкому охвату в изучении средневековых памятников Окско-Сурского междуречья создана серьезная база для исследования погребального обряда на средневековых могильниках. И если такие погребальные обряды, как трупоположения и трупосожже-

ния, являются хорошо изученными в археологической науке, то погребения с разрушенными костяками оказались практически неизученными.

§ 2. Изучение разрушенных захоронений в средневековых могильниках.

Благодаря открытию большого числа погребальных памятников появилась возможность полноценного изучения средневековой истории Окско-Сурского междуречья, что нашло отражение в многочисленных трудах ученых из Саранска, Казани, Пензы, Москвы и др. В этих работах большое внимание уделялось в первую очередь самому обряду захоронения и материальной культуре. Но несмотря на это, в вопросах, связанных с изучением погребальных традиций, в настоящее время накопилось много противоречивых проблем, связанных с личными взглядами исследователей на объяснение сути того или иного обряда. И одной из таких проблем является вопрос об интерпретации разрушенных захоронений.

До недавнего времени разрушенные захоронения считались ограбленными и попросту выбрасывались из массива погребений, пригодных для изучения. Это привело к тому, что большое количество ценного материала, который помог бы в понимании религиозных взглядов и погребальных обрядов, осталось без должного внимания специалистов. Однако, в настоящее время появляются работы, проливающие свет на эту проблему.

И одной из таких работ является статья Н.Ю. Кузьмина «Ограбление или обряд?», вышедшая в 1991 г. и посвященная разрушенным захоронениям. Она не рассматривает конкретно обряд вторичного захоронения или обезвреживания, но дает исчерпывающие доказательства суще-

ствования традиций ритуального разрушения покойных (Кузьмин Н.Ю., 1991. С.146-155).

В своей статье Н.Ю.Кузьмин пишет о том, что при рассмотрении так называемых ограбленных погребений следует обратить внимание на два фактора:

1. Когда произошло разрушение погребения: в древности или в позднее время.

2. В чем цель разрушения, хотя бы предположительно.

Далее он приводит некоторые причины разрушения могил в древности, которые можно определить как совершение определенных обрядов:

1. Это ритуал изъятия вещей из могилы и возвращение их представителям рода (подобный обряд мог существовать у скифов).

2. Ограбление-осквернение могил во время войн.

3. Могилы вскрывались во время проведения каких-то погребальных обрядов.

Также он рассматривает примеры существования обрядов обезвреживания и вторичного захоронения у разных народов мира (племен Приамурья, корейцев, тибетцев и т.д.).

Погребения с обрядом вторичного захоронения встречаются и в могильниках Окско-Сурского междуречья, но специальных исследований, посвященных проблеме разрушенных захоронений на этой территории, нет. Однако упоминания о подобного рода захоронениях встречаются в работах некоторых авторов, изучающих этот край. В их исследованиях разрушенные погребения получили название вторичных захоронений.

Погребения с обрядом вторичного захоронения, по мнению Ю.А. Зеленева (Зеленев Ю.А., 1987. С.96), чаще всего встречаются в пензенской и северной группах могильников VI-VII вв., активное изучение которых начинается с первой четверти XX в. П.П. Ефименко, Е.И. Горюновой, А.Е. Алиховой и др. Особое внимание могильникам мордвы в этот период уделял П.С. Рыков. Так в 1926-1927 гг. им был исследован Армиевский могильник, где были зафиксированы подобные захоронения (Рыков П.С., 1927). Однако в это время должного внимания погребениям с вторичным обрядом захоронения не уделялось. Их относили к разрушенным и не изучали.

И такая ситуация продолжалась вплоть до 50-х гг. XX в., когда исследованием могильников поволжских финнов начал активно заниматься М.Р. Полесских, в публикациях которого погребения с разрушенными костяками, сложенными в кучу или разбросанными по дну ямы, определяются как вторичные захоронения. Он отмечает наличие таких захоронений в Армиевском, Селикса-Трофимовском, Селиксинском, Тезиковском и др. могильниках мордвы (Полесских М.Р., 1966, 1974, 1977, 1979,). Однако М.Р. Полесских лишь констатировал их присутствие на могильнике. Кроме того, к вторичным захоронениям он иногда относил и те погребения, где некоторые кости все же лежали в анатомическом порядке, что характерно скорее для обряда обезвреживания (Полесских М.Р., 1952, 1954, 1956, 1957, 1959, 1968).

Присутствие погребений с обрядом вторичного захоронения отмечала при раскопках в 1970-1972 гг. Ивановского могильника Р.Ф. Воронина. В отчетах полевых исследований к погребениям с вторичным обрядом ею были отнесено семь захоронений, где кости были сильно перемешаны (Воронина Р.Ф., 1970-72 гг.; Воронина Р.Ф., Колышницына

О.М. 1972. С.181-182.). Однако и в данном случае эти погребения не получили дальнейшего изучения.

В 1980-1986 гг. при раскопках Армиевского курганно-грунтового могильника на наличие там погребений с обрядом вторичного захоронения обратил внимание А.Х. Халиков (Халиков А.Х, Валиуллина С.И., 1984, с.172; Халиков А.Х., 1990. С.88-97). Он одним из первых указал на то, что под обрядом вторичного захоронения следует понимать погребение расчлененных и очищенных от соединительных тканей костей. Также А.Х. Халиков попытался проследить истоки этого обряда и сделал предположение, что данный вид захоронений был достаточно распространенным явлением в Средней Азии, особенно в Хорезме до конца VIII в. и связан он с зороастризмом (Халиков А.Х., 1990. С.88-97).

В 1987 г. выходит статья Ю.А. Зеленева «Элементы погребального обряда мордвы VI-XI вв.» (Зеленев Ю.А., 1987), в которой он выносит обряд вторичного захоронения как один из элементов погребального обряда. В частности, он относит к обряду вторичного захоронения 1,52 % погребений мордвы VI-VII вв., и считает, что аналоги этому обряду имеются в материалах Маяцкого могильника. Однако В.С. Флеров, исследовавший в 1993 г. этот могильник салтово-маяцкой культуры связал традицию разрушать кости покойных с обрядом обезвреживания (Флеров В.С., 1993).

Некоторое внимание погребальному обряду при изучении истории мордвы-мокши уделил В.И. Первушкин (Первушкин В.И., 1995). В его исследовании к вторичным захоронениям были отнесены погребения, кости в которых находились кучками на дне могилы, причем череп, кости рук и ног лежали отдельно друг от друга (Первушкин В.И., 1995). Данные захоронения были обнаружены им и другими исследователями

при раскопках Стародевического могильника в 1987-1990 гг. (Петербургский И.М., Аксенова Т.В., Гришаков В.В., Первушкин В.И., 1990. С.64-99; Петербургский И.М., Первушкин В.И., 1992. С.69-104).

В 2005 г. В.В. Гришаков в работе «Население верховьев Мокши и Суры накануне средневековья» публикует материалы раскопок Шемышейского, Ражкинского и Алферьевского могильников, изученных в 50-70-х гг. М.Р. Полесских. В.В. Гришаков также подтверждает наличие в мордовских могильниках разрушенных захоронений, но считал их не вторичными, а обезвреженными (Гришаков В.В., 2005. С.6-7). Однако, в своем исследовании автор проводит параллели с работой Ю.А. Краснова «Безводинский могильник» (Краснов Ю.А., 1980. С.11), в которой разрушенные захоронения интерпретируются несколько иначе и называются вторичными.

При изучении погребальных обрядов марийцев на наличие у них обряда вторичного захоронения обратила внимание Т.Б. Никитина (Никитина Т.Б., 1999. С.11; 2000. С.68-70), называя их частичной ингумацией (захоронения черепов) и вторичными захоронениями (погребения сложенных в кучу костей).

Она считает, что частичная ингумация в эпоху средневековья была достаточно распространенным явлением и отмечает то, что подобные захоронения встречались в материалах Младшего Ахмыловского могильника, на Чортовом городище, в могильнике Нижняя Стрелка и др. При первоначальном обзоре материалов Младшего Ахмыловского могильника большинство этих захоронений было отнесено к разряду разрушенных. Однако более пристальный анализ позволил изменить взгляд на указанные погребения. Часть из них имеют ненарушенные контуры могильных ям, а часть содержат украшения в непо потревоженном состоя-

нии или достаточно ценные вещи. Эти обстоятельства позволяют признать существование особого обряда захоронения (Никитина Т.Б., 2000. С.69).

Ю.А. Краснов при изучении материалов Безводинского могильника древней муромы также отметил там наличие вторичных захоронений (Краснов Ю.А., 1980. С.30-32). Он считал, что такие погребения могли получиться лишь в том случае, если первоначально умерший был захоронен в ином месте, вероятно, на открытом воздухе, и лишь через значительный промежуток времени, когда ткани тела полностью истлевали, а кости могли быть частично растащены зверями и птицами, остатки умершего переносились в грунтовую могилу (Краснов Ю.А., 1980. С.11). Подобной трактовки вторичного захоронения придерживался В.И. Мельник, изучая погребальные обряды катакомбной общности: «Понятие «вторичное захоронение» в широком смысле заключается в том, что тело умершего подвергалось на первом этапе эскарнации или гниению, при этом *как бы* совершалось первичное погребение, и лишь на втором этапе – окончательное захоронение» (Мельник В.И., 1991. С.9). Однако с подобным толкованием обряда вторичного захоронения был не согласен В.С. Флеров, объясняя это тем, что в археологии нет подтверждения такой реконструкции обряда (Флеров В.С., 2005. С.397). Он выдвинул свою трактовку понимания термина «вторичное захоронение». Под данным обрядом он понимал перезахоронение/перенос всего скелета или части костей из одной могилы (место первоначального захоронения) в другую (Флеров В.С., 2005. С.394). При этом В.С.Флеров никак не пытается объяснить причины таких действий, говоря, что археологической науке это недоступно.

Другой исследователь древней муромы В.В. Бейлекчи так же отмечал наличие у этого народа вторичных захоронений (Бейлекчи В.В. 2005. С.100-102). Он считал, что у муромы этот вид погребального обряда был распространен в VI-XI вв. только среди женских захоронений. Однако, к вторичным захоронениям исследователь относил те погребения, где перезахоронению подвергались череп или отдельные кости погребенных или нарушался порядок залегания инвентаря. Кроме того, данные действия с костями покойных и инвентарем В.В. Бейлекчи объяснял попыткой обеспечения безопасности живых от покойных (Бейлекчи В.В., 2005. С.117-118), что характерно для обряда обезвреживания, а не вторичного захоронения.

Наличие у поволжских финнов обряда вторичного захоронения косвенно подтверждают и этнографические источники. В 1940 г. выходит в свет статья В.В. Гольмстен «Наземные погребения в Среднем Поволжье» (Гольмстен В.В., 1940. С.56-58), в которой она обратила внимание на то, что наряду с труположениями «часто у одного и того же народа или племени существуют и иные погребальные обряды: положение трупа на поверхности земли с расчетом, что он будет уничтожен зверями, положение умершего выше поверхности земли, иногда на специально для этого устроенном помосте, иногда на сучьях деревьев». При таком обряде захоронения кости либо вообще не попадали в могильную яму или попадали в сильно перемешанном состоянии, что и происходит при обряде вторичного захоронения.

Данные о подобном обряде захоронения сохранились и в мордовских сказках, в которых есть упоминания, что когда-то очень давно мордва хоронила умерших на деревьях. Об этом в частности говорится

в сказке «Дуболго Пичай», в песнях о девице Кемаль и «Луша, Лушенька» (Маскаев А.И., 1947; Смирнов И.Н., 2002. С.159-160).

Крупный знаток мордовских религиозных верований М.Т. Маркелов писал: «У мордвы все предания связаны с похоронами на деревьях. Деталей народная память уже не сохранила. В некоторых местах говорят, что погребения на деревьях носили временный характер, в иных местах уверяют, что трупы висели на деревьях до истления» (Маркелов М.Т., 1931).

Воспоминание о наличии у мордвы воздушных захоронений сохранились и в наше время. Так у эрзи села Давыдово Кочкуровского района Мордовии в зимнее время, когда земля была мерзлая, покойника в гробу подвешивали на деревьях и только когда земля оттаивала хоронили в землю (Мордва, 2004. С.438).

Таким образом, возможно, что именно традиция хоронить покойных на деревьях стала прообразом обряда вторичного захоронения (Полесских М.Р., 1977. С.46).

Как особый вид вторичных захоронений некоторые ученые выделяют погребения одних черепов (Воронина Р.Ф., 1970-1972; Беляев Я.В., 1988; Краснов Ю.А., 1980). Этот обряд был зафиксирован в области расселения прибалтийских финнов, у мордвы, мери, муромы, в области расселения пермско-финских племен, у угро-самодийского населения Западной Сибири (Седов В.В., 1992. С. 91-94). В этнографической науке этот обряд связывают в первую очередь с верой в возрождение души, обитающей в голове и в волосах и способной переходить к новорожденному ребенку (Седов В.В., 1992. С.94). Возможно, по этой причине при вторичном захоронении в могильную яму клали только череп, считая, что именно он поможет душе покойного возродиться вновь.

Наконец, из общих теоретических работ, посвященных обряду вторичного захоронения следует выделить статью О.В. Зайцевой и Д.И. Ражева «Тафономические индикаторы вторичности погребения», вышедшую в 2005 г. (Зайцева О.В., Ражев Д.И., 2005. С.9-11). В этой работе под обрядом вторичного захоронения авторы понимали преднамеренное перезахоронение человеческих останков. Они считали, что при совершении данного обряда умершего сразу после смерти помещали в место временного – «первичного» погребения, а через какое-то время останки хоронились повторно. Далее исследователи выделили два типа вторичных захоронений: полностью эскарнированные (полностью скелетированные трупы) и частично эскарнированные (захоронения останков, находящихся на самых разных стадиях разложения, сохранивших связки и мягкие ткани). Первый тип погребения, выделенный О.В. Зайцевой и И.Д.Ражевым, действительно относится к вторичным захоронениям. Однако второй тип противоречит самим традициям и религиозным взглядам, связанным с этим обрядом. Так, например, в зороастрийской религии авестийский кодекс Видевдет категорически предписывал очищать кости от тленных тканей (Рапопорт Ю.А., 2002. С.142). Поэтому второй тип захоронения скорее всего относится к обряду обезвреживания, при котором некоторые кости могли находиться в анатомическом порядке.

Другим видом разрушенных захоронений являются погребения с обрядом обезвреживания. Одним из первых на возможное ритуальное разрушение погребений обратил внимание еще в 1901 г. А.А. Спицын при раскопках Деменковского могильника (Генинг В.Ф., 1964. С.96). Однако еще долгое время такие погребения считали ограбленными.

Обезвреженные захоронения практически не изучались исследователями могильников Окско-Сурского междуречья. Есть лишь несколько

упоминаний о существовании этого обряда у мордовского населения. Так на существование обезвреженных захоронений у поволжских финнов обратила внимание еще в 1975 г. Р.Ф.Воронина в работе «О некоторых чертах верований средневековой мордвы VIII-XI вв.» (Воронина Р.Ф., 1975). Она отмечала, что «в ряде погребений прослеживается суеверный страх перед умершими, выраженный в связывании ног погребенного и разрушении в дальнейшем всего костяка».

Именно большим страхом перед умершими и стремлением убеждаться от их влияния объясняют многие ученые возникновение этого обряда.

Исследователь ранних форм религии С.А. Токарев отмечал, что «боязнь умершего, не биологический страх смерти, а в известной мере отражение зарождающегося социального расслоения. Отсюда в значительной степени объясняются и те обряды, которые направлены на мертвеца: связывание и ломание членов. Покойника боялись не потому, что он покойник, а прежде всего потому, что его боялись при жизни. Иногда боялись того покойника, которого сам род смерти поставил в особое положение. Таковы различные колдуны, самоубийцы, люди, погибшие насильственной смертью.

О том, что к умершим относились с суеверным страхом, особенно к тем, кто и при жизни внушал к себе страх (к предводителям общин, к выдающимся воинам, к искусным кузнецам, умелым врачевателям, к колдуну), отмечал и исследователь мордовских верований Н.Ф. Мокшин (Мокшин Н.Ф., 1998). Тела таких умерших, пишет он, стали наделяться сверхъестественными свойствами: верили, что мертвец может встать из могилы и прийти к живым.

Кроме Р.Ф. Ворониной обряд обезвреживания погребенных у мордовского населения отмечали К.Ю. Моржерин при исследовании Комаровского могильника (Моржерин К.Ю., 2000. С.60-63) и В.В. Гришаков при анализе материалов Шемышейского и Ражкинского могильников (Гришаков В.В., 2005. С.7, 31).

В.В. Седов как особый вариант обряда обезвреживания у финно-угорского населения выделял захоронение человека с отсеченной головой. В своей статье «Об одной особенности погребальной обрядности финно-угров» (Седов В.В., 1992. С.91-94) он приводит примеры существования данного обряда у муромы, релкинской культуры и т.д., и связывает этот обряд с верой в злых духов, которые обитали в голове и могли возродиться и навредить живым.

Но, в целом, в археологической науке этот обряд не остался без должного внимания, главным образом в силу того, что он был широко распространен у разных народов Восточной Европы.

В 1967 г. на обряд обезвреживания погребенных обратила внимание С.А. Плетнева при изучении Дмитриевского могильника салтовомаяцкой культуры (Плетнева С.А., 1967. С. 78,79, 80, 83, 84). Систематизируя погребения этого могильника она обратила внимание на то, что ноги покойных связывались при захоронении, а затем костяки полностью разрушались. Также она указала на тот факт, что разрушению в катакомбах подвергались не только скелеты людей, но и захоронения коней. Этот обряд С.А. Плетнева связывала с суеверным страхом живых перед умершими (также как и Р.Ф. Воронина). Однако, в 1989 г., при анализе погребений того же Дмитриевского могильника она выдвигает уже другую, общепринятую версию разрушения костяков покойных, и

считает, что некоторые погребения все же были ограблены (Плетнева С.А., 1989. С. 189, 191).

В 1985 г. при анализе погребений черняховской культуры Г.Ф. Никитина также писала об обряде обезвреживания погребенных и объясняла появление этой традиции страхом перед умершими. Его проявление она видела в обычаях класть камень на грудь покойного, вонзать острые орудия в остатки кремации и вторичного разрушения могил (Никитина Г.Ф., 1985. С. 84-85).

При исследовании Аверинского I могильника родановской культуры Р.Д. Голдина (Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989) также предположила, что тут присутствовал обряд ритуального разрушения. В частности она предположила, что намеренное разрушение костяков явилось переходным этапом от кремации к ингумации.

В 1997 г. на существование обряда обезвреживания у ранних болгар обратила внимание Г.И. Матвеева при изучении могильников новинковского типа на Самарской Луке (Матвеева Г.И., 1997). В этом исследовании она отрицает связь разрушенных захоронений с ограблением погребенных, объясняя это несколькими факторами: отсутствием грабительских вкопов, наличием в погребениях инвентаря и т.д. По ее мнению, обряд обезвреживания над покойными производился не на стороне, а непосредственно в могильной яме, после того как кости освобождались от мягких тканей и связок (Матвеева Г.И., 1997. С.52-53). Также в этой работе Г.И. Матвеева, ссылаясь на более ранние источники, выделяет два вида обряда обезвреживания. В первом случае покойника помещали в могилу и оставляли ее открытой до истления, после чего производилось разрушение грудной клетки и позвоночника. В другом случае труп разлагался не в могиле, а на специальном помосте или просто

на поверхности земли, после чего кости ссыпались в яму и разбрасывались по всему дну (Матвеева Г.И., 1997. С.55-56). Однако, этот вид погребения был присущ скорее для обряда вторичного захоронения, а не для обряда обезвреживания.

В дальнейшем, в другом докладе, посвященном могильникам Южного Приуралья и Среднего Поволжья, Г.И. Матвеева вновь обратилась к проблеме обезвреживания погребенных и отметила, что данный обряд был широко распространенным явлением у сармат, турбаслинской, бахмутинской и других культур этого региона в IV-VII вв. (Матвеева Г.И., 2003. С.210-212).

Наконец самый весомый вклад в изучение обряда обезвреживания внес В.С. Флеров при исследовании могильников салтово-маяцкой культуры (Флеров В.С., 1993, 2000а, б). Так в 1993 и 2000 гг. выходят его работы, полностью посвященные обряду обезвреживания Маяцкого могильника и могильника Клин-Яр III. В этих исследованиях он подробно реконструирует этапы обряда обезвреживания и указывает, что подобная традиция существовала у многих народов Восточной Европы от Урала и Волги до Болгарии, Югославии, Румынии, Венгрии, в славянском мире и т.д. (Флеров В.С., 2000а. С.86).

Далее он приводит доводы против ограбления могил и утверждает, что многие народы, в силу своих религиозных верований и обрядов, сами вскрывали захоронения, разрушали скелеты умерших родственников, а иногда даже забирали вещи из погребения. Грабить же могилы в древности не могли в силу большого страха перед мезтью умершего (Флеров В.С., 2000б).

Однако в 2005 г. В.С. Флеров, дав достаточно большой обзор памятников, где, возможно, присутствовал обряд разрушения и, отметив,

что не все ритуальные действия поддаются объяснению археологической наукой, предложил отказаться от термина «обряд обезвреживания погребенных» и ввел новый термин «постпогребальные обряды», отказавшись тем самым от трактовки данных явлений (Флеров В.С., 2005. С.385, 401). Однако, такой подход к разрушенным захоронениям является не совсем точным, потому что не ведет к пониманию сути данных обрядов.

Таким образом, первые упоминания о ритуальных разрушениях костяков относятся к первой половине XX в., но лишь в последнее десятилетие этому вопросу уделялось особенно много внимания. Благодаря различным исследованиям стало известно, что этот обряд широко применялся у многих народов Урала, Поволжья, Северного Кавказа и т.д. Существовал он и на территории Окско-Сурского междуречья, о чем упоминали в своих работах М.Р. Полесских, Р.Ф. Воронина, А.Х. Халиков, В.И. Первушкин, В.В. Гришаков и другие. Но, несмотря на это, до настоящего времени обобщающих работ о ритуально разрушенных погребениях данного района нет. Несколько более изучен этот обряд в других регионах Восточной Европы, например, в могильниках новинковского типа (Г.И. Матвеева), муромы (В.В. Бейлекчи), салтово-маяцкой культуры (С.А. Плетнева).

Наиболее подробными являются работы В.С. Флерова, который не только проанализировал обряд ритуального разрушения погребений салтово-маяцкой культуры, но и нашел аналоги этому обряду в могильниках других культур.

Благодаря исследованиям этих авторов были выделены основные признаки и поднят вопрос об интерпретации разрушенных захоронений. Однако интерпретировать такие захоронения довольно сложно, так как

зачастую погребения с одинаковыми признаками авторы называют то вторичными (М.Р. Полесских, А.Х. Халиков, Ю.А. Краснов), то обезвреженными (В.В. Гришаков, Г.И. Матвеева) или вообще применяют другую терминологию (В.С. Флеров). Такие расхождения в интерпретации разрушенных погребений в первую очередь связаны со слабой изученностью данной проблемы и отсутствием комплексных исследований на могильниках Окско-Сурского междуречья. В то же время подобная работа проделана на памятниках в других регионах, что позволяет использовать опыт этих исследований при изучении средневековых могильников Окско-Сурского междуречья.

Глава II. Погребальный обряд разрушенных захоронений в могильниках Окско-Сурского междуречья

В связи с тем, что средневековые погребения с разрушенными костями могильников Окско-Сурского междуречья не получили должного изучения и никогда специально не рассматривались в научной литературе, в исследовании пришлось опираться на те методы, которые были разработаны для погребений, совершенных по другим обрядам захоронения. К этим методам относятся: анализ исходных данных, типологический метод, метод подбора аналогий, статистический метод. Данные методы успешно использовались при изучении погребальных обрядов мордвы и достаточно подробно рассматривались в работах В.Ф. Генинга, Е.П. Бунятян, С.Ж. Пустовалова, Н.А. Рычкова (1990), Г.Ф. Никитиной (1985), Ю.А. Зеленева (1987, 1994), О.В. Букиной (1999).

В работе В.Ф. Генинга, Е.П. Бунятян, С.Ж. Пустовалова, Н.А. Рычкова достаточно подробно описаны формализационно-статистические методы, применяемые в археологии для изучения погребальных обрядов.

Также среди работ по погребальным обрядам мордвы следует выделить работы Ю.А. Зеленева, в одной из которых он разработал признаки для описания погребений (Зеленев Ю.А., 1976а). Среди них были выделены:

- 1) количество погребений;
- 2) форма и размеры могильной ямы (прямоугольная и округлая);
- 3) способ расположения костей в погребении;
- 4) ориентировка погребенного;
- 5) способ расположения вещей (в порядке ношения, разбросаны в беспорядке, кучкой);

- б) наличие костей жертвенных животных;
- 7) вид подстилки (дерево, луб, ткань, береста, войлок, нет подстилки).

В дальнейшем на основе этих признаков им были созданы типология и модели погребальных обрядов мордвы (Зеленеев Ю.А., 1986, 1987, 1990, 1992). Так на основе выделения сильных связей между элементами погребального обряда Ю.А. Зеленеев создал 17 моделей погребального обряда мордвы V-XI вв. Среди них им были упомянуты и вторичные захоронения (Зеленеев Ю.А., 1990. С.119). Но подробных данных об элементах данного обряда в работах Ю.А.Зеленеева нет. Он лишь констатирует присутствие обряда вторичного захоронения у мордвы в IV-XI вв. и выделяет как особенность данного обряда наличие костей жертвенных животных.

В диссертационной работе, посвященной культуре мордвы-мокши XII-XVI вв., анализом погребальных обрядов занимался В.И. Первушкин (Первушкин В.И., 1995). В своей работе он также выделил ряд признаков, на основе которых благодаря формализованно-статистическому методу было выделено 17 типов погребальных обрядов. Среди них под типом 15 значится вторичное захоронение:

«Вторичное захоронение. Длина могильных ям распределяется в пределах 150-250 см, ширина и глубина не превышает 100 см.

Вариант А. Череп, кости рук и ног разложены кучками как правило, череп в южном конце могильной ямы, кости рук – в центре, ног – в северном конце могилы. Вещи расположены кучками соответственно месту ношения.

Вариант Б. Череп, кости рук и ног сложены вместе в какой-либо части могильной ямы, что обусловлено совместным размещением пер-

вичных и вторичных захоронений в одной могильной яме. Инвентарь сложен кучкой рядом с костями» (Первушкин В.И., 1995. С. 151).

В работе В.И. Первушкина выделяются варианты вторичных захоронений, также достаточно подробно описано размещение инвентаря в погребении. Однако, к сожалению, из данной работы мы не можем выяснить количественный состав данных погребений на могильниках мордвы-мокши.

По мнению Г.Ф. Никитиной, погребальный обряд является сложной системой, состоящей из взаимосвязанных элементов и обладающей определенной структурой (Никитина Г.Ф., 1985. С. 4). Поэтому одним из важных моментов в первичной обработке данных является выделение признаков или элементов, характеризующих погребальный обряд. Для того, чтобы правильно выявить все признаки, необходимо иметь сведения о количестве захоронений, совершенных по данному погребальному обряду и точное описание всех известных погребений.

Таким образом, опираясь на вышеназванные работы, для характеристики разрушенных захоронений был выделен ряд признаков, который помог систематизировать разрушенные погребения. Все данные по этим признакам заносились в таблицы, которые позволили достаточно наглядно проанализировать захоронения и выделить два вида таких погребений: вторичные и обезвреженные захоронения. Кроме того, в отдельную категорию вошли захоронения, которые по ряду причин невозможно было отнести к тому или иному виду разрушенных захоронений (например, в силу очень плохой сохранности костей). Такие погребения в данной работе именуется как неопределенные разрушенные захоронения.

Для выделения локальных особенностей обрядов все могильники были разделены на 7 групп по территориальному признаку: Верхнесурскую, Примокшанскую, Цнинскую, Тешскую, Нижнесурскую, Алатырскую, Поволжскую.

В *Верхнесурскую группу* вошли Пензенский, Селиксенский, Селикса-Трофимовский, Степановский (Пензенский), Алферьевский, Шемышейский, Армиевский I, Кривозерский, Армиевский курганно-грунтовой могильники; в *Примокшанскую* – Тезиковский, Ражкинский, Пурдошанский, Мордовско-Козловский, Мещанский Лес, Старозубаревский, Тенишевский, Степановский, могильник у пос.Заря, Журавкинский I и II, Куликовский, Кельгининский, Старобадиковский I и II, Луговской, Кармалейский, Малоижморский, могильники Красный Восток, Татарская Лака II, Саровский, Стародевиченский, Мордпаркинский, Ефаевский, Черемисский, Сядемский, Волгапинский, Калиновский, Пичпандинский, Беднодемьяновский, Паньжинский, Старосотенский, «Казбек», Кармалейский, Долгоруковский, Чернозерский могильники; в *Тешскую* – Стексовский, Абрамовский, Погибловский, Старший Кужендеевский, Перемчалкинский, Хохловский, Личадеево V, Заречное II, Сыресево II, Выползово II, I и IV, Пятницы VII, Стексово II, Красное I и III, Младший Кужендеевский, Сарлейский, Ичалковский, Борнуковский, Гагинский, Коринский могильники; в *Поволжскую* – Комаровский, Аткарский, Покровский, Черемшанский, Муранский, Усинский II, Барабашский могильник; в *Нижнесурскую* – Ивановский, Волчихинский, «Святой ключ», «Кожина слобода», Таутовский могильники; в *Алатырскую* – Большеигнатовский, Дубровский, Кендянский, Папулевский, Киржеманский, Мамадышский, Васильевский, Вертелимский (рис. 1-4).

Из погребений этих могильников нами было выделено 551 разрушенное захоронение, пригодное для изучения (табл. I, II, XXI, XLII).

§ 1. Основные черты и динамика развития обряда вторичного захоронения

В археологической науке под обрядом вторичного захоронения некоторые авторы подразумевали погребение не трупа, а костей, очищенных от соединительных тканей (Халиков А.Х., Валиуллина С.И., 1984. С.172).

Содержание этого обряда состоит в том, что кости умершего перед захоронением очищались каким-либо путем (естественным или механическим), а затем уже погребались в яму. Вероятней всего практиковался обряд первоначального положения трупа на каком-то помосте для естественного очищения, а затем кости вместе с инвентарем укладывались в могилу. Поэтому кости попадали в могильную яму в сильно перемешанном состоянии, а некоторые из них вообще не попадали вследствие разрушения от долгого пребывания на открытом воздухе или их сознательно выбрасывали из могильной ямы.

Разрабатывая типологию мордовского погребального обряда, В.И. Первушкин (Первушкин В.И., 1995. С.151) отнес к обряду вторичного захоронения те погребения, в которых кости погребенных находятся компактными кучками на дне могилы. На этот же фактор при определении обряда вторичного захоронения указывал М.Р. Полесских при исследовании Селиксо-Трофимовского могильника (Полесских М.Р., 1967, 1968). Р.Ф. Воронина отнесла к обряду вторичного захоронения не только погребения, где кости были сложены кучами на дне могилы, но и за-

хоронение одних черепов (Воронина Р.Ф., 1970, 1971, 1972; Воронина Р.Ф., Колышницына О.М., 1972. С.181-182).

Таким образом, под обрядом вторичного захоронения следует понимать погребения, где кости находились в сильно перемешанном состоянии на дне могильной ямы. Как правило, их складывали в отдельные кучки, но в некоторых случаях кости могли просто ссыпать на дно, и тогда они лежали в беспорядке. Но при этом и кости, и инвентарь в таких захоронениях должны были находиться на одном уровне. Этот же признак в своей работе выделяли О.В. Зайцева и И.Д. Ражев при характеристике вторичных захоронений (Зайцева О.В., Ражев И.Д., 2005. С.10). Поэтому эти критерии стали основными при отборе данных, характеризующих обряд вторичного захоронения.

Данные о наличии погребений, совершенных по обряду вторичного захоронения, присутствуют лишь в некоторых публикациях и отчетах полевых исследований могильников, где этот обряд наблюдается: Армиевском I, Селикса-Трофимовском, Селиксенском, Старобадиковском, Ивановском, Стародевическом, Армиевском курганно-грунтовым могильниках (Полесских М.Р., 1952-1975; Беляев Я.В. 1988; Воронина Р.Ф., 1970-1972; Петербургский И.М., Аксенова Т.В., Гришаков В.В., Первушкин В.И., 1990; Петербургский И.М., Первушкин В.И., 1992; Халиков А.Х., 1980-1986). В основной же массе источников данные захоронения относят к разграбленным, нарушенным вследствие деятельности грызунов или просто разрушенным. Поэтому, кроме фиксации присутствия таких захоронений на могильнике, других выводов не делалось.

Этот погребальный обряд составляет 24,3 % (134 п.) из рассмотренных нами разрушенных погребений могильников Окско-Сурского региона.

На территории Окско-Сурского междуречья обряд вторичного захоронения впервые встречен в III-IV вв. в *Верхнесурской группе* (рис.1, табл. I, II). К этому обряду отнесены 8 погребений Шемышейского могильника (Полесских М.Р., 1958, 1971; Гришаков В.В., 2005. С.5-28): 7 одиночных и 1 парное. Возможно, что вторичные захоронения появляются в это же время и в Селиксенском могильнике (Полесских М.Р., 1952, 1954, 1956, 1957, 1959, 1968), также относящемся к Верхнесурской группе. Здесь нами выделено 23 вторичных погребения и одно захоронение черепов (табл. I, VIII). Но так как хронологические рамки этого могильника достаточно широки, с III по VII в., то сказать точно о времени появления этого обряда в Селиксенском могильнике невозможно.

Ориентировка могильных ям (табл. III). Семь погребений Шемышейского могильника были ориентированы по линии С-Ю. Ориентировка одной могильной ямы осталась неизвестной (Полесских М.Р., 1958, 1971).

Форма могильных ям и внутримогильные конструкции (табл. V). Вторичные захоронения Шемышейского могильника были совершены в ямах прямоугольной (2 погребения), овальной (1 погребение) и круглой (1 погребение) формы. В четырех погребениях форма могильной ямы не определена. Дно было ровным в трех случаях и корытообразное в пяти случаях. Одно погребение имело отвесные стенки, в одном случае стенки сужались ко дну. Однако в шести захоронениях стенки могильной ямы не прослежены (Полесских М.Р., 1958, 1971).

Внутримогильные конструкции отсутствуют. В одном из захоронений встречена подстилка из луба (табл. XI).

Размеры могильных ям (табл. IV). По ширине, глубине и длине могильных ям погребения с обрядом вторичного захоронения в Шемышейском могильнике не отличались от погребений с обрядом труположения (Полесских М.Р., 1958, 1971).

Три погребения совершены в ямах длиной 101-150 см, одно в яме длиной 200 см и четыре погребения в яме свыше 201 см. По ширине погребения делились следующим образом: шесть захоронений – 51-100 см и два – свыше 101 см. Глубина во всех восьми погребениях была больше 101 см.

Расположение костей во вторичных захоронениях (табл. VII). Кости в этих погребениях находились в сильно смешанном состоянии, но при этом располагались на дне могильной ямы. В пяти погребениях они были разбросаны по всему дну захоронения, в одном располагались компактной кучкой в северном конце ямы и в одном были сложены в центре могилы. В парном погребении кости лежали кучками в противоположных концах ямы.

Ориентировка (табл. IX) погребенных во всех восьми погребениях определить невозможно, так как кости были сильно перемешаны.

По полу и возрасту (табл. X) покойные распределялись следующим образом: четыре мужских, одно женское и два неопределенных захоронения. Парное захоронение принадлежало мужчине и женщине.

Инвентарь (табл. XII) в погребениях располагался среди перемешанных костей в 6 погребениях и в одном погребении он был разбросан по всему дну могильной ямы. Встречено также одно безинвентарное захоронение (табл. XVI).

По своему составу инвентарь в погребениях с обрядом вторичного захоронения Шемышейского могильника ничем не отличался от погребений, совершенных по обряду трупоположения (Полесских М.Р., 1958, 1971). Он представляет собой конское снаряжение (удила), оружие (топор-кельт), орудия труда (кресало, ножи), украшения (височные подвески, бусы, гривны, нагрудные бляхи, браслеты) и детали одежды (пряжки, поясные накладки и бляшки) (табл. XIII, XIV, XVI).

Встречаются в этих захоронениях и глиняная посуда (табл. XVII). В двух погребениях горшок располагался в ногах покойного, в одном в головах и в одном захоронении развал сосуда находился среди перемешанных человеческих костей.

К деталям данного обряда можно отнести наличие керамики (табл. XVIII) и костей животных (табл. XX) в засыпке и на дне погребений.

В IV-V вв. количество вторичных захоронений увеличивается. Они появляются в Степановском (Пензенском) (Полесских М.Р., 1970, 1972, 1973, 1975) и Селикса-Трофимовском могильниках (Полесских М.Р. 1967, 1968; рис.8,9) *Верхнесурской группы*, Тезиковском могильнике (Полесских М.Р., 1958, 1963, 1970; 1966. С.268-296; Вихляев В.И., 1970; рис.5-6) *Примокшанской группы*, и возможно в Иваньковском могильнике *Нижнесурской группы* (Воронина Р.Ф., 1970-1972; Воронина Р.Ф., Колышницына О.М., 1972. С.181-182) (рис.1, 7, табл. I, II). Однако последний могильник функционировал с V по VIII в., поэтому определить точно время появления этого обряда в Нижнесурской группе невозможно. В Иваньковском могильнике вторичные захоронения встречены в восьми погребениях и одно погребение содержало захоронение черепа (Воронина Р.Ф., 1972) (табл. VIII).

Верхнесурская группа. В IV-V вв. вторичные погребения в этой группе составляют 28 захоронений: 5 погребений Степановского могильника и 20 одиночных, 1 парное и 1 коллективное погребение Селикса-Трофимовского могильника (Полесских М.Р., 1967, 1968, 1970, 1972, 1973, 1975). Также в Селикса-Трофимовском могильнике встречено захоронение одного черепа (табл. I, II, VIII) (Полесских М.Р., 1967).

Ориентировка могильных ям (табл. III). Все могильные ямы погребений с обрядом вторичного захоронения Степановского могильника были ориентированы по линии СВ-ЮЗ. В Селикса-Трофимовском могильнике могильные ямы были ориентированы по линии СВ-ЮЗ – в 21 погребении, по линии В-З в 1 погребении, по линии СЗ-ЮВ – в 2 погребениях (Полесских М.Р., 1967, 1968, 1970, 1972, 1973, 1975).

Форма могильных ям и внутримогильные конструкции (табл. V). По форме могильных ям погребения с обрядом вторичного захоронения Степановского и Селикса-Трофимовского могильника распределялись следующим образом: 10 погребений Селикса-Трофимовского могильника совершены в ямах прямоугольной формы, 2 погребения Степановского и 6 погребений Селикса-Трофимовского могильника в ямах овальной формы, 1 погребение Степановского и 1 погребение Селикса-Трофимовского могильника в ямах круглой формы. В 4-х Селикса-Трофимовского могильника ямы были неправильной формы. А в двух погребениях Степановского и в двух погребениях Селикса-Трофимовского могильников форма могильной ямы неизвестна. Дно в 15 погребениях Селикса-Трофимовского могильника было ровным. В Степановском могильнике у всех 5 погребений дно было неровным, также как и у 7 погребений Селикса-Трофимовского могильника. В одном погребении (Селикса-Трофимовский могильник) дно не прослежи-

валось. В 13 погребениях Селикса-Трофимовского могильника стенки могильной ямы были ровными, в 9 погребениях (3 погребения Степановского могильника и 6 погребений Селикса-Трофимовского могильника) стенки сужались ко дну. В 7 погребениях стенки могильной ямы не прослежены (Полесских М.Р., 1967, 1968, 1970, 1972, 1973, 1975).

Внутримогильные конструкции отсутствовали. В двух погребениях Селикса-Трофимовского могильника зафиксирована подстилка из луба (табл. XI) (Полесских М.Р., 1967).

Размеры могильных ям (табл. IV) были следующими:

Длина в одном погребении Селикса-Трофимовского могильника была равна 100 см, еще в одном погребении этого же могильника – 101-150 см, в 12 погребениях (3 погребения Степановского и 9 погребений Селикса-Трофимовского могильника) – 151-200 см, в 11 погребениях (2 погребения Степановского и 9 погребений Селикса-Трофимовского могильника) – 201-250 см. В трех погребениях Селикса-Трофимовского могильника длина не зафиксирована (Полесских М.Р., 1967, 1968, 1970, 1972, 1973, 1975).

Ширина в 8 погребениях Селикса-Трофимовского могильника равнялась 50 см, в 17 погребениях (5 погребений Степановского и 12 погребений Селикса-Трофимовского могильника) – 51-100 см. В одном погребении Селикса-Трофимовского могильника ширина составляла свыше 101 см и еще в двух погребениях ширина не зафиксирована (Полесских М.Р., 1967, 1968, 1970, 1972, 1973, 1975).

Глубина в 10 погребениях (3 погребения Степановского и 7 погребений Селикса-Трофимовского могильника) составляла 50 см, в 14 погребениях Селикса-Трофимовского могильника – 51-100 см. В двух погребениях Степановского и одном погребении Селикса-Трофимовского

могильника глубина не зафиксирована (Полесских М.Р., 1967, 1968, 1970, 1972, 1973, 1975).

Расположение костей во вторичных захоронениях (табл. VII). В IV-V вв. кости в погребениях с обрядом вторичного захоронения Верхенсурской группы раскладывались несколькими способами. В двух погребениях Селикса-Трофимовского могильника кости были сложены в кучку в центре могильной ямы. В одиннадцати погребениях (1 погребение Степановского и 10 погребений Селикса-Трофимовского могильника) кости располагались компактной кучкой в северной и северо-восточной частях могильной ямы, в трех погребениях Селикса-Трофимовского могильника кости располагались в южной и юго-западной частях ямы. В двух погребениях (1 погребение Степановского и 1 погребение Селикса-Трофимовского могильника) кости находились в противоположных концах могилы, а еще в двух погребениях были сложены в центре и в одной из частей ямы. В восьми погребениях (2 погребения Степановского и 6 погребений Селикса-Трофимовского могильника) кости были разбросаны по всему дну, но при этом их не было в засыпке (Полесских М.Р., 1967, 1968, 1970, 1972, 1973, 1975).

Также надо отметить, что в погребении № 5 Селикса-Трофимовского могильника был найден один череп, захороненный в небольшой ямке (табл. VIII) (Полесских М.Р., 1967).

Ориентировка (табл. IX) погребенных определяется лишь в 2 погребениях, да и то условно, так как кости были сильно перемешаны. В обоих захоронениях покойные лежали головой на СВ. В 23 погребениях ориентировка не определяется.

Пол и возраст (табл. X) покойных определены в 19 погребениях: 7 мужских (2 погребения Степановского и 5 погребений Селикса-

Трофимовского могильника), 11 женских (3 погребения Степановского и 8 погребений Селикса-Трофимовского могильника). Одно погребения Селикса-Трофимовского могильника было коллективным: в нем были захоронены мужчина, женщина и ребенок. В 9 погребениях Селикса-Трофимовского могильника пол и возраст не определен (Полесских М.Р., 1967, 1968, 1970, 1972, 1973, 1975).

Инвентарь (табл. XII) во вторичных захоронениях как правило либо располагался компактными кучками на дне могильной ямы (в шести погребениях в центре и в одной из частей ямы, в одном погребении в центре), либо среди перемешанных костей – 11 погребений. Однако в IV-V вв. в этой группе встречаются три погребения, где инвентарь располагался в порядке ношения и два погребения, где он был разбросан по всему дну ямы.

Как и в предыдущий период, инвентарь всех вторичных захоронений представляет собой конское снаряжение (удила), оружие (стрелы, копья), орудия труда (ножи, пряслица), украшения (бусы, височные кольца, перстни, браслеты, нагрудные бляхи) и детали одежды (пряжки, сьюльгамы, поясные накладки, поясные кольца) (табл. XIII, XIV, XV, XVI) (Полесских М.Р., 1967, 1968, 1970, 1972, 1973, 1975).

В 2 погребениях Степановского и в 10 погребениях Селикса-Трофимовского могильника присутствовала глиняная посуда на дне захоронения: в двух погребениях она располагалась в ногах, в шести – в изголовье, в трех погребениях развалы сосудов находились среди перемешанных костей, а в одном погребении Степановского могильника фрагменты одного сосуда были разложены в противоположных концах могильной ямы (табл. XVII). В 6 погребениях Селикса-Трофимовского

могильника инвентарь отсутствовал (табл. XIII, XIV, XVI) (Полесских М.Р., 1967, 1968, 1970, 1972, 1973, 1975).

О наличии тризны у населения, оставившего эти могильники, свидетельствуют кости (табл. XX) и керамика (табл. XVIII) в заполнении и на дне могилы.

Также к деталям данного погребального обряда можно отнести уголь в заполнении и на дне могильной ямы (табл. XIX). Он присутствует в 9 погребениях Селикса-Трофимовского могильника (Полесских М.Р., 1967, 1968).

Примокшанская группа. В IV-V вв. вторичные захоронения появляются и в погребениях Примокшанской группы. Об этом свидетельствуют 6 погребений Тезиковского могильника (табл. I, II). Кроме того, также как и в Селикса-Трофимовском могильнике Верхнесурской группы, тут встречено захоронение одного черепа (погребение № 17) (табл. VIII) (Полесских М.Р., 1958).

Ориентировка могильных ям (табл. III). Для данной группы ориентировка могильной ямы была зафиксирована в 6 погребениях. Два погребения были ориентированы по линии СВ-ЮЗ и 4 по линии В-З. В одном случае (п.17) данные об ориентировке могильной ямы отсутствуют.

Форма могильной ямы и внутримогильные конструкции (табл. V). Форма могильной ямы в Тезиковском могильнике зафиксирована в 6 погребениях: 3 погребения были совершены в прямоугольных ямах и три погребения в ямах овальной формы. В погребении № 17 форму могильной ямы установить не удалось. Дно в шести погребениях этого могильника было неровным и в одном ровным. Стенки в двух погребениях определяются как отвесные, в трех сужаются ко дну и в одном не определяются.

В отличие от предыдущей группы в Тезиковском могильнике присутствуют внутримогильные конструкции в виде ямок на дне погребения (табл. VI). Подстилка на дне погребений отсутствовала.

Размеры могильных ям (табл. IV) распределились следующим образом:

Длина в 1 погребении – 200 см, в 6 погребениях – 201-250 см.

Ширина в семи погребениях составляла 51-100 см.

Глубина всех погребений была свыше 101 см.

Интересен тот факт, что в п.17 (захоронение черепа) размеры могильной ямы были такими же, как и при труположении.

Способы расположения костей в погребениях (табл. VII). В 3 погребениях кости были разбросаны по всему дну могильной ямы, но при этом лежали на одном уровне. В 2 погребениях кости были раскиданы по одной из частей ямы, но череп при этом находился в центре. В 1 погребении кости были сложены компактной кучкой в СЗ части могилы. В п.17 череп находился в северной части могильной ямы (табл. XVIII).

Ориентировка погребенного (табл. IX) определялась в 3 погребениях: 2 головой на В и одно головой на СЗ. В 4 погребениях ориентировка покойных осталась неизвестной.

Пол и возраст погребенных (табл. X): 5 мужских и 1 женское погребение. В п.17 пол и возраст не определен.

Инвентарь по составу такой же, как и в предыдущей группе: конское снаряжение (уздечные пряжки, удила), орудия труда (кресало, ножи), украшения (бусы), детали одежды (пряжки) (табл. XIII, XIV, XV) (Полесских М.Р., 1958, 1963, 1970). Располагался он следующим образом: в 3 погребениях инвентарь был разбросан по всему дну или в одной

из частей ямы, в 2 – в порядке ношения, в 1 – среди перемешанных костей (табл. XII). Одно погребение было безинвентарным (табл. XVI).

Глиняная посуда встречена в 4 погребениях. В двух она находилась в ногах и в двух – у головы (табл. XVII).

Фрагменты керамики зафиксированы лишь в 4 погребениях (табл. XVIII), уголь встречен в 5 погребениях (табл. XIX). Кости жертвенных животных встречены лишь в одном погребении (табл. XX).

В VI-VII вв. обряд вторичного захоронения, как и в предыдущие периоды, присутствует в погребениях Верхнесурской группы (однако их число резко сокращается) и появляется в Серповском могильнике, относящемся к Цнинской группе (рис.1,2, табл. I, II).

Верхнесурская группа. В VI-VII вв. погребения с обрядом вторичного захоронения составляют лишь 5 одиночных погребений Армиевского I могильника (Рыков П.С., 1930; Полесских М.Р., 1960, 1961, 1969; 1979. С.5-56; рис. 10).

Ориентировка могильных ям (табл. III) была зафиксирована в 4 погребениях, они были ориентированы по линии СВ-ЮЗ, в 1 погребении данных об ориентировке нет.

Форма могильной ямы и внутримогильные конструкции (табл. V). Три погребения с обрядом вторичного захоронения Армиевского I могильника были совершены в ямах прямоугольной формы с ровным дном и два в ямах овальной формы с корытообразным дном. В четырех погребениях стенки были отвесными и в одном сужались ко дну (Рыков П.С., 1930; Полесских М.Р., 1960, 1961, 1969).

В двух погребениях были найдены внутримогильные конструкции в виде уступок и ямок на дне захоронения (табл. VI). В одном погребении могильника на дне прослежен древесный тлен (табл. XI).

Размеры могильных ям (табл. IV). В четырех погребениях Армиевского I могильника длина могильных ям превышала 201 см, в одном погребении она была равна 151 см.

Ширина трех погребений составляла 100 см, одного погребения – 50 см и в одном она превышала 101 см.

Глубина четырех погребений превышала 101 см, а в одном была равна 51 см.

Способы расположения костей в погребениях (табл. VII). Кости четырех погребений Армиевского I могильника были сложены кучками на дне могильной ямы: в одном погребении – в центре ямы, в одном – в южном конце ямы, еще в одном кости находились в противоположных концах ямы. Также тут встречено очень интересное погребение, где кости были сложены на специально сделанную уступку. И лишь в одном погребении кости были разбросаны по всему дну (Полесских М.Р., 1960, 1961, 1969).

Ориентировка погребенных (табл. IX). Ориентировка определена лишь в двух погребениях: оба покойника лежали головой на ЮЗ. В трех погребениях она осталась неизвестной, так как кости были сильно перемешаны.

Пол и возраст погребенных (табл. X): три погребения Армиевского I могильника принадлежали мужчинам и два – женщинам (Полесских М.Р., 1960, 1961, 1969).

Инвентарь (табл. XII) присутствовал во всех вторичных захоронениях Армиевского I могильника. В трех погребениях он был разложен в порядке ношения и в двух среди перемешанных костей. Он, как и в предыдущих случаях, представлял собой оружие (стрелы, копья, кинжалы), орудия труда (ножи, долото), конское снаряжение (удила), украшения

(бусы, височные кольца, наконечники, браслеты, гривны) (табл. XIII, XIV). Из оружия в мужских захоронениях были найдены только стрелы, а копья и кинжалы зафиксированы в женских погребениях. Конское снаряжение также было только в женских погребениях (Рыков П.С., 1930; Полесских М.Р., 1960, 1961, 196).

Глиняная посуда найдена в двух погребениях (в одном случае она располагалась в ногах и в одном – у головы) (табл. XVII). Также во всех погребениях встречены фрагменты керамики (табл. XVIII). Уголь и кости животных присутствуют лишь в одном погребении (табл. XIX, XX).

Цнинская группа. В этой группе в VI-VII вв. погребения с обрядом вторичного захоронения встречены в четырех погребениях Серповского могильника (Алихова А.Е., 1959) (табл. I). Для них было характерно следующее:

Об ориентировке могильных ям (табл. III) данных нет.

Форма могильной ямы и внутримогильные конструкции (табл. 5). Форма могильных ям и стенки во всех четырех погребениях не прослеживались. Дно во всех погребениях было ровным.

Внутримогильные конструкции отсутствовали.

Размеры могильных ям (табл. IV). Длина и ширина всех четырех погребений не известна. Глубина всех погребений превышала 51-100 см.

Способы расположения костей в погребениях (табл. VII). В трех погребениях Серповского могильника кости были разбросаны по дну могильной ямы, в одном погребении кости были сложены в кучку в северной части ямы (Алихова А.Е., 1959).

Ориентировка погребенных (табл. IX) неизвестна.

Пол и возраст погребенных (табл. X): в Серповском могильнике было найдено два женских и одно детское погребение. В одном захоронении пол не определен.

Инвентарь по составу такой же, как и в предыдущей группе (височные кольца, браслеты, гривны, ожерелье, ножи, поясные кольца) (табл. XIV, XV, XVI). Располагался он следующим образом: в двух погребениях разбросан по всему дну ямы, в одном – под костями, в одном – рядом с черепом (Алихова А.Е., 1959) (табл. XII).

Глиняная посуда присутствовала только в 1 погребении (табл. XVII). Фрагменты керамики, уголь и кости животных отсутствуют.

В VIII-IX вв. погребения с обрядом вторичного захоронения присутствует только в погребении № 65 Пановского могильника (Иванов П.П., 1952; Алихова А.Е. 1969), относящегося к *Цнинской группе* (рис.2, табл. I, II).

Ориентировка могильной ямы (табл. III). Нет данных.

Форма могильной ямы и внутримогильные конструкции (табл. V). Это погребение совершено в прямоугольной яме с отвесными стенками и прямым дном.

Внутримогильные конструкции отсутствуют.

Размеры могильной ямы (табл. IV): длина этого погребения была равна 201 см, ширина и глубина превышала 101 см.

Расположение костей во вторичном захоронении (табл. VII). Очень интересное погребение. В нем кости человека были сложены кучкой возле черепа коня в северной части могилы. Причем костяк лошади был не разрушен.

Ориентировка (табл. IX) погребенного определить не удалось.

Пол и возраст покойного (табл. X) определить не удалось.

Инвентарь в этом погребении находился под костями покойного (табл. XII). Он представляет собой конское снаряжение (уздечные пряжки и удила), оружие (копье), орудия труда (топор), украшения (височные кольца и браслеты) (табл. XVI). Также в этом погребении найден деревянный ковш, который располагался справа от костей (Алихова А.Е. 1969) (табл. XVII).

Уголь и фрагменты керамики в погребении отсутствовали.

В могильнике Красный Восток (Полесских М.Р., 1963, 1964) (*Примокшанская группа*), относящемся к VIII-X вв., также есть одно погребение (№ 8) с обрядом вторичного захоронения, о котором данных очень мало (рис.2, табл. I, II).

Об ориентировке могильной ям (табл. III) сведений нет.

Форма могильной ямы (табл. V) не зафиксирована.

Внутримогильные конструкции отсутствуют (табл. V).

Размеры могильной ямы (табл. IV). Зафиксирована лишь глубина погребения – 50 см. Длина и ширина не прослежены.

Способы расположения костей в погребении (табл. VII). В этом погребении кости были сложены компактной кучкой на дне могильной ямы, а череп лежал отдельно.

Ориентировка погребенного (табл. IX) неизвестна.

Пол и возраст погребенного (табл. X). В могильнике Красный Восток по обряду вторичного захоронения была погребена женщина.

Инвентарь по составу такой же, как и в предыдущих погребениях с обрядом вторичного захоронения (Полесских М.Р., 1963, 1964). Располагался кучкой отдельно от костей (табл. XII) и состоял из орудий труда (ножи), украшений (височные кольца, браслеты, гривны) (табл. XIV).

Посуда и уголь в погребении отсутствует. Найден лишь один фрагмент керамики на дне захоронения (табл. XVIII).

Кости жертвенных животных отсутствуют.

В IX-XI вв. погребения с обрядом вторичного захоронения вновь появляются в *Верхнесурской группе* (рис. 2, табл. I, II). В это время тут функционирует Армиевский курганно-грунтовой могильник (Халиков А.Х. 1980-1986; Белорыбкин Г.Н., Халиков А.Х. 1983. С.138), в котором по обряду вторичного захоронения совершены 25 погребений: 24 одиночных и 1 парное.

Ориентировка могильных ям (табл. III). Основная масса могильных ям ориентирована по линии В-З (16 погребений), три погребения ориентированы по линии ЮВ-СЗ, одно по линии С-Ю и два по линии СВ-ЮЗ. О 3 погребениях данных по ориентировке могильной ямы нет.

Форма могильной ямы и внутримогильные конструкции (табл. V). Основная масса данных захоронений совершена в ямах прямоугольной или овальной формы (14 погребений). В 6 погребениях могильные ямы имели неправильную форму, а в 5 форму могильной ямы проследить не удалось. Дно было ровным во всех 25 погребениях. Стенки могильной ямы были отвесными в 9 погребениях, расширялись ко дну в 3 погребениях, сужались в 4 погребениях. В 9 погребениях стенки могильной ямы не прослежены.

В 6 погребениях этого могильника найдены внутримогильные конструкции в виде плах (3 погребения), уступов (2 погребения) и заплечиков (1 погребение) (табл. VI). Также следует отметить, что в 5 погребениях Армиевского курганно-грунтового могильника зафиксировано дерево на дне могильной ямы и остатки гробовища (Халиков А.Х. 1980-1986) (табл. XI).

Размеры могильных ям (табл. IV) распределились следующим образом:

Длина: 100 см – 1 погребение, 150 см – 2 погребения, 151-200 см – 5 погребений, 201-250 см – 11 погребений. В 6 погребениях длина не зафиксирована.

Ширина: до 50 см – 3 погребения, 51-100 см – 15 погребений, в 6 погребениях свыше 101 см и в 1 погребении ширина не зафиксирована.

Глубина: до 50 см – 10 погребений, от 51-100 см – 11 погребений, свыше 101 см – 4 погребения.

Способы расположения костей в погребениях (табл. VII). В 14 случаях кости были разбросаны по всему дну могильной ямы, но при этом лежали на одном уровне. Ко второму способу расположения костей можно отнести погребения, где кости были сложены компактными кучками в какой-либо части могильной ямы (7 погребений) и в центре ямы (3 погребения). И в одном погребении кости покойного лежали кучей на уступке.

Ориентировка погребенных (табл. IX). Ориентировка покойных была зафиксирована лишь в 2 погребениях. Оба покойных лежали головой на 3. В 23 погребениях ориентировку покойного зафиксировать не удалось.

Точно такая же сложность обстоит и с определением пола и возраста покойных (табл. X). В 23 погребениях из-за того, что кости сильно перемешаны, определить пол и возраст не удастся. В тех же погребениях, где пол и возраст фиксировался результаты распределились следующим образом: 1 женское захоронение и 1 детское.

Инвентарь по своему составу представлял собой оружие (стрелы, колчаны, фрагменты кольчуги), орудия труда (ножи), украшения (брас-

леты, височные кольца, серьги) и детали одежды (пряжки, поясные кольца, пуговицы, поясные накладки) (табл. XV, XVI). В 3 погребениях этого могильника инвентарь не обнаружен (табл. XVI) (Халиков А.Х. 1980-1986). Располагался он следующим образом: в центре и какой-либо из частей могильной ямы – 6 погребений, среди перемешанных костей – 4 погребения, разбросан по всему дну могилы – 11 погребений (табл. XII).

Глиняная посуда найдена в 23 погребениях (табл. XVII). Фрагментов керамики на дне и в засыпке могильной ямы в 21 погребении (табл. XVIII), уголь в 24 погребениях (табл. XIX), кости животных в 17 погребениях (табл. XX).

В XI-XIII вв. погребения с обрядом вторичного захоронения появляются в могильниках *Тешской группы* (рис.3, табл. I, II).

В этой группе такие погребения зафиксированы в могильниках Заречное II (4 погребения), Стексово II (1 погребение) и Красное I (1 погребение) (Мартьянов В.Н., 1988а. С.118-131; 1988б. С.80-100; 1992. С.53-68; 1998. С. 91-105; 2001. С.33-186). В могильнике Заречное II встречено одно коллективное захоронение (Мартьянов В.Н., 2001. С.53). В этом же могильнике и в могильнике Стексово II зафиксированы захоронения одних черепов (Мартьянов В.Н., 2001. С.56, 105) (табл. VIII).

Ориентировка могильных ям (табл. III). Для данной группы ориентировка могильной ямы была зафиксирована в 4 погребениях из 6. Одно погребение ориентировано по линии СВ-ЮЗ и 3 погребения по линии СЗ-ЮВ.

Форма могильной ямы и внутримогильные конструкции (табл. V). Форма могильной ямы в данной группе зафиксирована лишь в 4 погребениях как прямоугольная с отвесными стенками и ровным дном и в од-

ном как овальная с отвесными стенками и ровным дном. В одном погребении форма могильной ямы не прослежена.

Внутримогильные конструкции отсутствовали.

Размеры могильных ям (табл. IV) распределились следующим образом:

Длина: 150 см – 1 погребение, 150-200 см – 2 погребения, 201-250 см – 2 погребения. В одном погребении длина не зафиксирована.

Ширина: 50-100 см – 4 погребения, в одном погребении свыше 101 см и в одном погребении ширина не зафиксирована.

Глубина: до 50 см – 3 погребения, от 51-100 см – 3 погребения.

Способы расположения костей в погребениях (табл. VII). В одном погребении кости были разбросаны по всему дну могильной ямы, но при этом лежали на одном уровне. В трех погребениях кости были сложены кучкой на дне могильной ямы в центре. В могильнике Стексово II в п. 34 в небольшой ямке был захоронен один череп, а в п. 147 могильника Заречное II в различных частях могильной ямы были сразу два черепа (Мартьянов В.Н., 2001) (табл. VIII).

Ориентировка погребенных (табл. IX). Не определена в 5 погребениях. Лишь в одном случае зафиксирована северо-западная ориентировка покойного.

Пол и возраст погребенных (табл. X) определяется в коллективном захоронении могильника Заречное II. Там были захоронены мужчина, женщина и ребенок. В другом погребении этого же могильника был погребен мужчина. В 4 случаях пол и возраст не определены.

Инвентарь по составу такой же, как и в предыдущих группах (стрелы, бисер, браслеты, сьюльгамы) (Мартьянов В.Н., 2001) (табл. XIV,

XVI). Располагался среди перемешанных костей (табл. XII). В 2 погребениях этой группы инвентарь отсутствовал (табл. XIV, XVI).

Посуда и фрагменты керамики, уголь встречены лишь в погребениях могильника Заречное II (табл. XVII, XVIII).

В XIII-XIV вв. обряд вторичного захоронения вновь появляется в могильниках Примокшанской группы, а также на новой территории – в могильниках Поволжской группы (рис.4, табл. I, II).

Примокшанская группа. В этой группе погребения с обрядом вторичного захоронения зафиксированы в 5 погребениях Паньжинского (Степанов П.Д., 1959. С. 195-201) и в 1 погребении Беднодемьяновского могильника (Полесских М.Р., 1958).

Ориентировка могильных ям (табл. III). Сведения отсутствуют.

Форма могильных ям и внутримогильные конструкции (табл. V). В 2 погребениях этих могильников форму ямы проследить не удалось. В 2 погребениях Паньжинского могильника захоронения были совершены в ямах прямоугольной формы. Дно в 5 погребениях Паньжинского могильника было ровным, а в погребении Беднодемьяновского могильника проследить дно могильной ямы не удалось. Зафиксировать стенки не удалось во всех погребениях.

Внутримогильные конструкции отсутствовали.

Размеры могильных ям (табл. IV) распределились следующим образом:

Длина: 150 см – 1 погребение, 151-200 см – 1 погребение. В 4 погребениях длина не зафиксирована.

Ширина: 51-100 см – 2 погребения, в 4 погребениях ширина не зафиксирована.

Глубина: до 50 см – 4 погребения, от 51-100 см – 1 погребение. В одном погребении глубина не прослежена

Способы расположения костей в погребениях (табл. VII). В трех погребениях кости были разбросаны по всему дну могильной ямы, но при этом лежали на одном уровне. В двух – кости были сложены кучками на дне могильной ямы. В п. 30 Паньжинского могильника было захоронено два черепа (табл. VIII). Один лежал в южной части могилы, другой в центре.

Ориентировка погребенных (табл. IX) была зафиксирована в 4 погребениях. Во всех случаях покойного клали головой на юг.

Пол и возраст (табл. X) покойного. Не определяется в 4 погребениях. В двух погребениях были захоронены дети.

Инвентарь располагался следующим образом: в порядке ношения в одном погребении, в центре – в одном погребении, рядом с черепом – в 2 погребениях, разбросан по всему дну могилы – в 1 погребении (табл. XII). Одно детское захоронение было безинвентарным. (табл. XV). В других захоронениях были найдены украшения (бусы, браслеты, гривна) и детали одежды (сюльгамы) (Степанов П.Д., 1959; Полесских М.Р., 1958) (табл. XV, XVI).

Посуда и фрагменты керамики встречены в 2 погребениях Паньжинского могильника (табл. XVII, XVIII), уголь в погребениях отсутствовал, кости животных лишь в 2 погребениях Паньжинского могильника (табл. XX).

Поволжская группа. В этой группе погребения с обрядом вторичного захоронения зафиксированы в одном одиночном погребении Комаровского (Моржерин К.Ю., 2000. С.60-63) и в одном погребении Аткарского могильников (Африканов Ю.А., 1989).

Ориентировка могильных ям (табл. III) зафиксирована в погребении Комаровского могильника по линии СВ-ЮЗ, в погребении Аткарского могильника данных об ориентировке нет.

Форма могильных ям (табл. V) не прослежена. Можно отметить лишь то, что в погребении Комаровского могильника дно было неровным, а стенки сужались ко дну.

Внутримогильные конструкции отсутствовали (табл. V).

Размеры могильных ям (табл. IV). Лишь в погребении Аткарского могильника глубина равна 25 см. Других данных о размерах нет.

Способы расположения костей в погребениях (табл. VII). В погребении Комаровского могильника кости были сложены в противоположных концах могильной ямы (Моржерин К.Ю., 2000), а в погребении Аткарского могильника в черепной коробке были сложены ребра и фаланги пальцев рук (Африканов Ю.А., 1989).

Ориентировка погребенных (табл. IX) не определена.

Пол и возраст погребенных (табл. X). В погребении Комаровского могильника была захоронена женщина, а в погребении Аткарского могильника ребенок.

Инвентарь (браслеты, гривны, сьюльгамы) присутствовал только в погребении Комаровского могильника (табл. XV). Он был разбросан по всему дну могильной ямы (Моржерин К.Ю., 2000) (табл. XII).

Посуда и фрагменты керамики отсутствуют, уголь встречен в погребении Комаровского могильника (табл. XIX).

Кости жертвенных животных отсутствуют.

В XI-XIV вв. погребения с обрядом вторичного захоронения присутствуют в могильниках Старое Бадиково I (4 погребения, из них 3 содержат захоронения черепов) (Беляев Я.В., 1988. С.104-117), Стародеви-

ченском (3 погребения) (Петербургский И.М., Аксенова Т.В., Гришаков В.В., Первушкин В.И. 1990. С.64-99; Петербургский И.М., Первушкин В.И., 1992. С.69-104) и Ефаевском могильнике (1 погребение) (Горюнова Е.И., 1948а. С.112-172; Зеленева Ю.А., 1982) *Примокшанской группы* (табл. I, II). Однако хронологические рамки этих могильников затрудняют анализ погребений, так как точно невозможно определить, к какому времени относятся данные захоронения.

В целом можно сделать следующие выводы. Обряд вторичного захоронения на территории Окско-Сурского междуречья появился в III-IV вв. в Посурье, в эпоху начала Великого переселения народов (рис.1). На этом этапе для него были характерны следующие черты: захоронения в грунтовых ямах, ориентированных по линии С-Ю (как и в мордовских погребениях последующих периодов) без каких-либо внутримогильных конструкций. Иногда на дно клалась подстилка из луба. В целом по своим параметрам могильные ямы вторичных захоронений ничем не отличались от погребений, совершенных по обряду труположения. Уже в это время в Посурье встречались как одиночные, так парные вторичные захоронения. По данному обряду хоронили как мужчин, так и женщин. Кости в захоронениях были разбросаны по всему дну могильной ямы, и лишь в одном они были сложены кучкой.

Инвентарь во вторичных захоронениях, как правило, находился среди перемешанных человеческих костей. По своему составу он ничем не отличался от погребений, совершенных по другим обрядам. Этот факт свидетельствует о том, что по обряду вторичного захоронения погребались местные жители.

Также надо заметить, что в обряде вторичного захоронения большую роль играла поминальная тризна. Об этом свидетельствует наличие костей животных и керамики в засыпке и на дне погребений.

В IV-V вв. обряд вторичного захоронения кроме Посурья появляется и на территории Примокшанья (рис.1).

В Посурье количество вторичных захоронений в этот период резко возрастает. Встречаются как одиночные, так и парные, и коллективные погребения. Как и на предыдущем этапе, эти захоронения совершались в простых грунтовых ямах прямоугольной и овальной формы, ориентированных по линии С-Ю. Внутримогильные конструкции отсутствовали во всех вторичных погребениях. Также в некоторых захоронениях есть подстилка из луба. Как и в III-IV вв., в это время среди вторичных захоронений встречаются как мужские, так и женские погребения. Кроме того, именно в данный период появляются и детские погребения, а также захоронения одних черепов в небольших ямках. Ориентировка покойных оставалась неизвестной, так как кости были сильно перемешаны и раскладывались компактными кучками. Лишь в нескольких случаях разбрасывали по всему дну могильной ямы. Причем, как правило, на дне ям кости рук и ног старались разложить отдельно.

Погребальный инвентарь по своему составу остается таким же, как и в погребениях с труположениями. Однако если раньше он находился среди перемешанных костей, то теперь встречаются захоронения, где инвентарь складывали кучками отдельно от костей. Кроме того, в некоторых погребениях предметы одежды и быта старались разложить в порядке ношения, тем самым, воссоздавая обряд труположения. Также по-прежнему во время похорон совершалась поминальная тризна.

В Примокшанье в IV-V вв. обряд вторичного захоронения только начал зарождаться. Об этом свидетельствует небольшое количество таких погребений. Здесь данные захоронения совершались в простых ямах, ориентированных как по линии С-Ю, так и по линии В-З. В отличие от Посурья в некоторых вторичных захоронениях Примокшанья были найдены внутримогильные конструкции в виде ямок на дне могильной ямы. А вот подстилка в этих погребениях наоборот отсутствовала.

В Примокшанье по обряду вторичного захоронения преимущественно хоронили мужчин. Кроме того, и здесь встречены погребения черепов. Но в отличие от предыдущей группы могильная яма в этих захоронениях имела большие размеры (как для трупоположения). Кости в большинстве погребений с обрядом вторичного захоронения были разбросаны по дну могильной ямы и лишь в одном погребении сложены компактной кучкой.

Инвентарь в погребениях также по своему составу не отличался от погребений с обрядом трупоположения. Располагался он либо компактными кучками, либо был разбросан по всему дну могильной ямы. В нескольких погребениях украшения, орудия труда, детали одежды лежали в порядке ношения.

О наличии поминальной тризны свидетельствуют фрагменты керамики и кости животных в засыпке и на дне погребений. Также в захоронениях встречался уголь, что говорит о наличии погребального костра.

На следующем этапе, в VI-VII вв., обряд вторичного захоронения в Примокшанье исчезает. Скорее всего, это было связано не с полным отказом от данного обряда, а с исчезновением населения, практикующего

вторичные захоронения. Однако он продолжает существовать в Посурье и появляется на реке Цне (рис.2).

В Посурье после резкого всплеска количество вторичных захоронений уменьшается. Это было связано с тем, что прекращают свое существование Степановский (Пензенский) и Селикса-Трофимовский могильники, где данный обряд присутствовал и широко практиковался. Зато он появляется в Армиевском I могильнике, который функционировал как раз в VI-VII вв. По своим параметрам могильные ямы вторичных захоронений существенных отличий в этот период не претерпели. Единственное что надо отметить, это наличие в некоторых погребениях внутримогильных конструкций в виде уступок на дне захоронений, куда и были сложены кости покойного. Также в одном из погребений в могильной яме был найден древесный тлен. Эти черты погребального обряда были широко распространены у тюрков. По обряду вторичного погребения в этот период хоронили как мужчин, так и женщин. Кости раскладывали кучками на дне погребений.

Инвентарь в погребениях находился либо среди перемешанных костей, либо его пытались разложить в порядке ношения. Интересен тот факт, что из всего оружия, найденного в данных захоронениях копья, кинжалы и конское снаряжение находилось только в женских погребениях (женщины-всадницы). В мужских погребениях были найдены лишь стрелы. В погребениях также встречены глиняная посуда, фрагменты керамики, уголь и кости животных.

В захоронениях Цнинской группы в отличие от предыдущих групп по обряду вторичного погребения в этот период хоронили женщин и детей. Мужских вторичных погребений в этой группе в VI-VII вв. не найдено. Кости в данных погребениях преимущественно разбрасывали по

всему дну могильной ямы, лишь в одном случае они были сложены компактной кучкой в северной части могилы.

Инвентарь в данной группе представлял собой традиционный набор вещей, клавшихся в погребения с труположениями. Однако, в отличие от предыдущей группы, здесь он был либо разбросан по всему дну могилы, либо находился под костями покойного. В порядке ношения в погребениях Цнинской группы инвентарь не клали.

Вторичные захоронения этой группы по своим признакам полностью соответствовали погребениям III-IV вв. на территории Посурья.

В VIII вв. обряд вторичного захоронения на территории Окско-Сурского междуречья практически прекращает свое существование и присутствует только в одном погребении Пановского могильника Цнинской группы. Это довольно интересное захоронение. В нем встречен целый костяк лошади, а кости человека были сложены компактной кучкой возле конского черепа. Скорее всего, в данном случае местные традиции тесно переплелись с погребальными обрядами муромы или салтовцев, у которых бытовал обычай хоронить коней.

В IX-XI вв. обряд вторичного захоронения вновь появляется в Посурье, причем в данный период он претерпевает достаточно большие изменения, что связано с приходом какого-то нового населения, возможно, буртас (Халиков А.Х, 1990. С.88-97). Погребения Армиевского курганно-грунтового могильника совершаются преимущественно в ямах прямоугольной формы, ориентированных теперь по линии В-З. Только несколько захоронений имеют прежнюю традиционную ориентировку по линии С-Ю. Внутри могильных ям присутствуют конструкции в виде заплечиков и уступов. Также в погребениях с обрядом вторичного захоронения теперь встречаются плахи и остатки гробовищ, чего ранее не

наблюдалось. Из-за того, что кости были очень сильно перемешаны, определить пол покойных не удалось, однако, совершенно очевидно, что по обряду вторичного погребения совершались как одиночные, так и парные захоронения. Кости в погребениях либо были разбросаны по всему дну могильной ямы, либо складывались компактными кучками.

Инвентарь в захоронениях либо складывался компактными кучками, либо разбрасывался по всему дну. Погребений, в которых инвентарь был бы разложен в порядке ношения, встречено не было.

Практически во всех погребениях найдены фрагменты керамики, уголь и кости животных на дне и в засыпке могильной ямы.

В следующий период, с XI по XIII в., погребения с обрядом вторичного захоронения на территории Посурья исчезают. Это связано в первую очередь с исчезновением могильников на данной территории в этот период. Такая же картина наблюдается и на реке Цне (рис.3). Зато в это же время такие погребения появляются на реке Теша, где вторичные захоронения имеют те же черты, что и на других территориях в предыдущее время.

И, наконец, в XIII-XIV вв. обряд вторичного захоронения вновь появляется в погребениях Примокшанской группы и на новой территории в Поволжской группе (рис.4).

В Примокшанье в обряде вторичного захоронения никаких новых черт не появилось. Погребения были совершены в простых грунтовых ямах, кости либо складывали компактными кучками, либо разбрасывали по всему дну могильной ямы. Исключение составляет лишь одно погребение Паньжинского могильника, где было захоронено сразу два черепа.

Инвентарь в погребениях также был либо разбросан по всему дну могильной ямы, либо находился среди перемешанных костей.

Зато в Поволжской группе появляется вторичное захоронение с необычным расположением костей: в Аткарском могильнике было обнаружено детское захоронение, где кости покойного были сложены в черепную коробку. Такого способа захоронения костей до этого не было. В остальном данное захоронение по своим параметрам ничем не отличалось от других погребений с обрядом вторичного захоронения.

Таким образом, из всего выше сказанного видно, что обряд вторичного захоронения на территории Окско-Сурского междуречья существовал с III по XIV вв., но при этом не был широко распространенным явлением у населения данного региона.

Наибольшее применение этот обряд получил на территории Посурья, где он существовал с III по VII вв. Затем на данной территории этот обряд исчезает и появляется вновь в IX-XI вв. В распространении вторичных захоронений на территории Примокшанья также можно выделить два этапа: с IV по V вв. и с XIII по XIV вв. В других районах Окско-Сурского междуречья обряд вторичного захоронения широкого распространения не получил и встречался лишь в единичных погребениях.

Надо отметить, что наряду с мордвой обряд вторичного захоронения был известен и у других представителей финно-угорского населения. Так в V-XI вв. этот обряд присутствовал в захоронениях муромы (Кочкинский, Безводинский, Малышевский могильники) (Краснов Ю.А., 1980. С.30-32; Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987. С.84; Бейлекчи В.В., 2005. С. 100-102, 117-118), в VI-XII вв. у марийцев (Младший Ахмыловский, Черемисский, Дубовский могильники) (Никитина Т.Б., 1999. С.11; 2002. С.68-70), в VI-VIII вв. на территории Урала и Западной Сибири в памятниках молчановского типа (Перейминский мо-

гильник), макушинского типа (Макушенский могильник), релкинской культуры (могильник Релка) (Финно-угры..., 1987. С. 167, 221).

Однако определить причины возникновения этого обряда достаточно трудно. По версии А.Х. Халикова (Халиков А.Х., Валиуллина С.И. 1984. С.162-182; 1990. С.88-97) этот обряд на территорию Окско-Сурского междуречья пришел из районов Средней Азии и связан он был с зороастрийской религией, для которой характерно захоронение очищенных и расчлененных костей (Дорошенко Е.А., 1982; Рапопорт Ю.А., 1971, 1996, 2002).

По зороастризму особое место в поведении человека занимало отношение к огню, воде, земле. Эти стихии считались священными, и человек должен был соблюдать их чистоту. Смерть согласно зороастризму есть зло. Поэтому когда человек умирал, его труп становился выражением злого начала, был осквернен смертью. Чтобы не осквернить землю, труп помещали на специальную погребальную площадку (дахму). Под действием окружающей среды кости полностью очищались, тогда их собирали и складывали в костехранилища (астодану, оссуарии и т.д.) (Дорошенко Е.А., 1982). Известно, что в Средней Азии, в частности, в Маргиане, Северной Бактрии, в Согде и Хорезме этот обряд широко практиковался на рубеже нашей эры (Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, 1985. С.232, 265-266, 288-289, 331-333).

Вполне возможно, что со страхом осквернения земли нечистым трупом были связаны и представления мордвы о захоронении на деревьях, помостах и т.д. Известно, что на территории Окско-сурского региона погребальные памятники распределялись весьма неравномерно. Может быть, отсутствие могильников рядом с городищами и селищами как раз и свидетельствовали о наличии надземных погребений. Как уже говори-

лось ранее, этнографические источники косвенно подтверждают такой вид захоронений у населения Окско-Сурского междуречья (Гольмстен В.В., 1940. С.57; Полесских М.Р., 1977. С.46; Смирнов 2002. С.159-160).

Известный этнограф Д.К. Зеленин, изучая традиции и обряды славян отмечал, что у них существовал обычай «выбрасывания трупа в какое-либо пустынное место» (Зеленин Д.К., 1991. С.352). По этому обычаю людей, умерших насильственной смертью, в молодом возрасте, называли «заложными». Их не закапывали, а оставляли на земле, прикрыв сучьями. Как считает Д.К. Зеленин таким образом, восточные славяне стремились избежать осквернения земли нечистым трупом. Однако такого рода захоронения нечистых трупов, граничащие с полным отсутствием захоронения, по их мнению, имело скверные последствия. Покойники, лишенные обычного погребения, могли мстить живым, поэтому в дальнейшем такого покойного могли и захоронить (Зеленин Д.К., 1991. С.353). Именно такой же обряд существовал у зороастрийцев. Возможно, что и у мордвы покойных хоронили не в земле по той же причине.

Используя сведения Д.К. Зеленина, можно предположить, что таким видам захоронений у мордвы подвергались лишь отдельные категории лиц, например, самоубийцы, враги, преступники, наказанные за убийство. Именно такую картину наблюдал Ибн-Фадлан, путешествуя по Поволжью: «И если (один) человек (муж) из их среды убьет (другого) человека (мужа) намеренно, то казнят его за него (за убитого), а если убьет нечаянно, то делают для него ящик из дерева (материала) халанга (белого тополя), кладут его внутрь его, заколачивают его (гвоздями) над ним и кладут вместе с ним три лепешки и кружку с водой. Они ставят для него три куска дерева наподобие дышла (от плуга), подвешивают его

между ними... И он остается подвешенным, пока не износит его время и не развеют его ветры» (Гольмстен В.В., 1940. С.57).

Постепенно таких покойников все же стали хоронить в земле. Поэтому возможно, что обряд вторичного захоронения стал переходной формой от наземного обряда захоронения умерших к захоронениям в землю. Именно этой версии при изучении вторичных захоронений марийцев придерживается Т.Б. Никитина (Никитина Т.Б., 2002. С.70).

Несколько иной версии возникновения обряда вторичного захоронения придерживался В.И. Первушкин. При изучении погребальных обрядов мордвы-мокши он предположил, что вторичные захоронения возникли в результате отсутствия наземных сооружений на могильниках или совместного захоронения родственников (Первушкин В.И., 1995. С.153). Анализ таких погребений позволил отвергнуть эту версию, так как в основной массе все вторичные захоронения одиночные, а погребальные ямы не перекрывали друг друга.

Еще одну версию возникновения обряда вторичного захоронения выдвинул Н.Ю. Кузьмин. Опираясь на свидетельства других авторов, он привел версию, что у некоторых народностей существуют особые представления о связи физического состояния трупа со «степенью» смерти человека. «Разложение плоти покойника является одновременно тем, что логическое мышление определило бы как знак, как условие, как причину и даже как вторую стадию смерти. Когда разложение закончено, то законченной, завершенной является и смерть, то есть окончательно разрывается связь между личностью и ее общественной группой» (Кузьмин Н.Ю., 1991. С.151). Именно такое мировоззрение существовало у народов Юго-Восточной Азии (Бакшеев Т.С., 2005. С.4-5).

Однако, данное исследование подтверждает правоту взглядов Д.К. Зеленина и свидетельствует о глубоких местных корнях обряда вторичного захоронения.

§ 2. Распространение обряда обезвреживания в могильниках Окско-Сурского междуречья

Обряд обезвреживания погребенных – это система различных действий, направленных на разграничение мира живых и мира мертвых (Бражник О.И., 2003. С.190).

К данному погребальному обряду было отнесено 25,9 % (142) погребений. Эти захоронения подвергались различной степени разрушения: от смещения некоторых костей в погребении до полного разрушения костяка. Против обряда вторичного захоронения в данных погребениях говорит тот факт, что некоторые кости все же находились *in situ*. Кроме того, в заполнении могильной ямы иногда можно было встретить погребальный инвентарь и фрагменты костей, что, возможно, было при этом обряде, так как могилы вскрывались повторно.

Чтобы отвергнуть распространенную точку зрения об ограблении всех этих захоронений, приведем несколько факторов, которые могут свидетельствовать в пользу обезвреженных захоронений:

- во-первых, наличие инвентаря во многих захоронениях;
- во-вторых, массовое разрушение погребений в пределах одного могильника, при этом все могилы после «ограбления» оказывались вновь закопанными;
- в-третьих, поразительная осведомленность «грабителей» о погребенных в могилах. Так, например, в погребениях могильника Заречное II женские погребения разрушались в области головы и груди, а

мужские в области пояса (Мартьянов В.Н., 2001). При этом погребения коней этого могильника оставались нетронутыми, что также подтверждает вывод о том, что тут практиковался ритуал обезвреживания.

Кроме того, сам факт ограбления погребений в древности говорит уже о невозможности подобного рода действий, так как в ту пору к могилам сородичей относились с трепетом, их оберегали от возможных врагов и злых духов.

В силу выше приведенных фактов можно смело говорить о существовании обряда обезвреживания у населения Окско-Сурского междуречья.

Данный обряд был зафиксирован в Верхнесурской, Примокшанской, Тешской, Поволжской и Нижнесурской группах. Отсутствует этот обряд в Алатырской и Цнинской группах.

Впервые этот обряд появляется в III-IV вв. в Ражкинском могильнике (Полесских М.Р., 1956, 1957; Гришаков В.В., 2005. С.29-52) *Примокшанской группы* (рис.1, табл. I, XXI). Возможно также, что погребения с обрядом обезвреживания в это время присутствовали Селиксенском могильнике (Полесских М.Р., 1952, 1954, 1956, 1957, 1959, 1968) *Верхнесурской группы*, где зафиксировано 10 обезвреженных погребений (табл. XXI). Однако этот могильник функционировал с III по VII в., поэтому определить точное время появления этих захоронений нельзя.

В Ражкинском могильнике обряд обезвреживания встречен лишь в одном одиночном погребении, для которого характерно следующее:

Наземные сооружения (табл. XXII). Отсутствуют.

Ориентировка могильной ямы (табл. XXIII): нет данных.

Форма могильной ямы и внутримогильные конструкции (табл. XXV). Погребение было совершено в яме прямоугольной формы с отвесными стенками и ровным дном.

Внутримогильные конструкции отсутствуют.

Размеры могильной ямы (табл. XXIV). В Ражкинском могильнике обезвреженное погребение совершено в яме длиной 200 см, шириной 51 см и глубиной 100 см (что соответствует размерам могильных ям всех погребений этого могильника) (Полесских М.Р., 1956).

Способы и степень разрушения костей в погребении (табл. XXVIII, XXIX). Кости покойного были разрушены и перемешаны в области грудной клетки. Череп был раздавлен.

Ориентировка погребенного (табл. XXX). Покойный лежал головой на север.

Пол и возраст покойного (табл. XXVII, XXVIII). Погребение принадлежало взрослому мужчине.

Инвентарь по своему составу в обезвреженном погребении этого могильника ничем не отличался от погребений совершенных по обряду трупоположения. Он представляет собой оружие (топор-кельт), орудия труда (нож), украшения (браслеты) и детали одежды (пряжки) (табл. XXXIV) (Полесских М.Р., 1956). Располагался он в порядке ношения (табл. XXXIII). Кроме того, в этом захоронении присутствовали обломки неопределенных предметов, что, скорее всего, свидетельствует о ритуальном обезвреживании инвентаря.

Еще одной характерной чертой обезвреженного погребения Ражкинского могильника является отсутствие поминальной тризны, так как тут нет керамики и костей жертвенных животных. Также в данном захоронении нет угля, что говорит об отсутствии погребального костра в

момент захоронения. В других погребениях могильника керамика, кости животных и уголь встречались как на дне, так и в засыпке могильных ям.

В IV-V вв. обряд обезвреживания продолжает существовать в погребениях *Примокшанской группы* и появляется в *Верхнесурской группе*, что свидетельствует о некотором увеличении количества обезвреженных погребений в Окско-Сурском междуречье (рис.1).

В *Примокшанской группе* погребения с обрядом обезвреживания встречены в 3 одиночных погребениях Тезиковского могильника (Полесских М.Р., 1958, 1963, 1970; 1966. С.268-296; Вихляев В.И., 1970) (табл. XXI).

Для них характерны следующие черты:

Наземные сооружения (табл. XXII). Отсутствуют.

Ориентировка могильных ям (табл. XXIII). Нет данных.

Форма могильных ям и внутримогильные конструкции (табл. XXV). Все три погребения были совершены в ямах овальной формы. Дно в одном погребении было ровным, в двух имело неровную форму. Стенки во всех трех погребениях были отвесными.

Внутримогильные конструкции отсутствовали.

Размеры могильных ям зафиксированы во всех погребениях (табл. XXIV). Они характеризуются следующими параметрами:

Длина во всех погребениях составляла 201-250 см.

Ширина – 51-100 см.

Глубина в одном погребении была равна 51 см, в двух погребениях она превышала 101 см.

Способы и степень разрушения костей в погребениях (табл. XXVIII, XXIX). Один покойный (женщина) был обезврежен в области

головы, груди и рук, а двое (мужчина и женщина) – в области головы и ног. Причем в двух случаях кости перемешивались, а в одном погребении некоторые кости были изъяты.

Ориентировка погребенных была зафиксирована во всех погребениях (табл. XXX). Распределяется она следующим образом: один покойный лежал головой на З, а двое головой на В.

Пол и возраст покойных (табл. XXVII, XXVIII). Погребения принадлежали двум взрослым женщинам и одному мужчине.

Инвентарь представлял собой орудия труда (гвозди и ножи) в мужских захоронениях (табл. XXXIV) и орудия труда (ножи), украшения (бусы, височные кольца и подвески, браслеты, гривны), детали одежды (пряжки, поясные кольца) в женских (табл. XXXV) (Полесских М.Р., 1958, 1963, 1970). В двух погребениях он располагался в порядке ношения, в одном в центре ямы (табл. XXXIII).

Посуда найдена в одном погребении. Глиняный горшок располагался слева от костей (табл. XXXVIII).

Фрагменты керамики, уголь, кости животных в засыпке и на дне могильных ям отсутствуют, что свидетельствует об отсутствии поминальной трапезы и погребального костра во время похорон.

В *Верхнесурской группе* в это же время функционировал Селикса-Трофимовский могильник (Полесских М.Р. 1967, 1968) (табл. I, XXI). Здесь к обезвреженным захоронениям нами было отнесено 2 одиночных погребений, которые представлены следующими чертами:

Наземные сооружения (табл. XXII). Отсутствуют.

Ориентировка могильных ям (табл. XXIII). Одно погребение было ориентировано по линии СВ-ЮЗ, другое по линии ЮВ-СЗ.

Форма могильных ям и внутримогильные конструкции (табл. XXV). Оба погребения имели овальную форму могильной ямы. Дно было ровным в одном погребении, а стенки в этом же захоронении сужались ко дну. В другом погребении стенки могильной ямы не прослежены.

Внутримогильные конструкции отсутствуют. К деталям погребального обряда Селикса-Трофимовского могильника можно отнести наличие подстилок из луба на дне погребений (табл. XXXII).

Размеры могильных ям (табл. XXIV). В этих погребениях длина могильных ям была различной: в одном погребении она составляла 151 см, в другом – 201 см. А ширина и глубина была примерно одинаковой: ширина – 50 см, глубина – 51 см.

Способы и степень разрушения костей в погребениях (табл. XXVIII, XXIX). Женское погребение было разрушено в области головы, груди и таза, а мужское в области груди, рук и ног. Причем кости в обоих случаях частично перемешивались, а частично изымались.

Ориентировка погребенных (табл. XXX). Оба покойных лежали головой на СВ.

Пол и возраст покойных (табл. XXVII, XXVIII). Одно из погребений принадлежало мужчине, другое – женщине.

Инвентарь в обоих погребениях располагался в порядке ношения (табл. XXXIII). В мужском захоронении он состоял из конского снаряжения (уздечные пряжки), оружия (топор-кельт и колчан со стрелами), орудий труда (топор, нож, пряслице), деталей одежды (пряжки, поясные накладки) (Полесских М.Р. 1967, 1968) (табл. XXXIV). В женском погребении он был представлен следующими предметами: украшения (бусы, бисер) и детали одежды (пряжки) (табл. XXXV).

Кости животных, керамика и уголь в погребениях, как и в предыдущих случаях, отсутствуют.

В V-VIII вв. обряд обезвреживания на территории Окско-Сурского междуречья зафиксирован в *Нижнесурской группе*, где функционировал Ивановский могильник (Воронина Р.Ф., 1970-1972) (рис.1,2, табл. I, XXI). Здесь к обезвреженным захоронениям нами было отнесено одно погребение. Однако следует отметить, что в Нижнесурской группе это единственное погребение с признаками обезвреживания покойного.

В этом погребении наземные сооружения отсутствовали (табл. XXII).

Ориентирована могильная яма была по линии СЗ-ЮВ (табл. XXIII).

Погребение было совершено в яме овальной формы с отвесными стенками и ровным дном (табл. XXV).

Внутримогильные конструкции отсутствовали.

Размеры могильной ямы были достаточно большими (табл. XXIV). Длина превышала 200 см, ширина – 100 см, глубина – 101 см.

Способы и степень разрушения костей в погребении (табл. XXVIII, XXIX). Покойный был обезврежен в области головы и груди, причем кости были только перемешаны.

Ориентирован покойный был головой на СЗ (табл. XXX).

Пол и возраст покойного (табл. XXVII, XXVIII). Погребение принадлежало взрослой женщине.

Инвентарь в погребении был достаточно богат и представлял собой орудия труда (пряслица), украшения (бусы, височные кольца, браслеты), детали одежды (сюльгамы, поясные накладки) (Воронина Р.Ф.,

1970-1972) (табл. XXXV). При этом он был разбросан по всему дну могильной ямы (табл. XXXIII).

Также, в отличие от предыдущих групп, здесь присутствует уголь в заполнении могильной ямы, что свидетельствует о наличии культа огня в погребальном ритуале (табл. XXXI).

В VIII-X вв. обряд обезвреживания вновь появляется в погребениях *Примокшанской группы*. В это время тут функционировал могильник Красный Восток (Полесских М.Р., 1963, 1964), в котором впервые появилось парное обезвреженное захоронение (рис.2, табл. I, XXI). До этого ни в Примокшанской, ни в других группах парных обезвреженных захоронений не встречалось. Для него характерны следующие черты:

Наземные сооружения (табл. XXII). Нет данных.

Ориентировка могильной ямы (табл. XXIII). Нет данных.

Форма могильной ямы и внутримогильные конструкции (табл. XXV). Погребение совершено в яме овальной формы с отвесными стенками и ровным дном.

Внутримогильные конструкции отсутствуют.

Размеры могильной ямы (табл. XXIV). По ширине, глубине и длине могильных ям захоронение с обрядом обезвреживания не отличалось от погребений с обрядом труположения могильника.

Длина погребения составляла 201 см, ширина – 51 см, глубина – 100 см.

Способы и степень разрушения костей в погребении (табл. XXVIII, XXIX). В этом захоронении находилось два костяка: мужчина и ребенок, при этом обезвреживанию подвергся только мужчина. Покойный был обезврежен в области рук и ног, причем кости были сильно перемешаны.

Ориентировка погребенных (табл. XXX). Оба покойных лежали головой на юг.

Пол и возраст погребенных (табл. XXVII, XXVIII): мужчина и ребенок.

Инвентарь в погребении располагался в порядке ношения (табл. XXXIII). Он представлял собой орудия труда (топор, кресало, нож), украшения (браслет), детали одежды (поясные накладки) (Полесских М.Р., 1963, 1964) (табл. XXXIV). Слева от покойных на дне могильной ямы находился глиняный горшок (табл. XXXVIII).

Фрагменты керамики, уголь, кости животных в этом погребении отсутствуют.

В XI-XIII вв. обряд обезвреживания продолжал существовать в *Примокшанской группе* и впервые появился в *Тешской группе*.

Примокшанская группа. В этой группе обезвреженные захоронения зафиксированы в 19 из 32 погребений могильника Татарская Лака II (Расторопов А.В., 1993; Белорыбкин Г.Н., 2002; рис. 11,12,13,14), что свидетельствует об увеличении этого обряда в Примокшанье (рис.3, табл. I, XXI). Из всех обезвреженных захоронений 16 были одиночными, а 3 парными. Все парные захоронения принадлежали взрослым и детям.

О наземных сооружениях на данном могильнике сведений нет (табл. XXII).

Ориентировка могильных ям была следующая (табл. XXIII): 13 могильных ям ориентированы по линии С-Ю, 3 по линии СЗ-ЮВ, 3 по линии СВ-ЮЗ.

Форма могильных ям и внутримогильные конструкции (табл. XXV). В шестнадцати погребениях захоронения были совершены в ямах

прямоугольной формы и в трех – в ямах овальной формы. Дно во всех погребениях было ровным, стенки отвесные.

Внутримогильные конструкции найдены лишь в одном погребении (табл. XXVI). Они представляют собой уступы на дне могилы. Следует отметить, что это единственное обезвреженное захоронение с внутримогильными конструкциями. Также в одном погребении могильника зафиксирована подстилка из луба, а в двух захоронениях на дне могильной ямы прослежен древесный тлен (табл. XXXII).

Размеры могильных ям зафиксированы во всех погребениях (табл. XXIV).

Длина: 151-200 см – 6 погребений, 201-250 см – 13 погребений.

Ширина: до 50 см – одно погребение, 51-100 см – 14 погребений, в 4 погребениях свыше 101 см.

Глубина во всех погребениях не превышала 50 см.

Способы и степень разрушения костей в погребениях была различной (табл. XXVIII, XXIX). Впервые в Примокшанской группе отмечено обезвреживание детских захоронений. В одиночном погребении ребенок был обезврежен в области головы, груди и тазовых костей. В трех парных захоронениях дети были обезврежены в различной степени в области груди, таза и ног. Взрослые захоронения были обезврежены в области головы, груди, таза и ног. Три погребения были разрушены полностью. Причем в 13 погребениях кости частично перемешивались, а частично изымались, в 4 погребениях кости лишь перемешивались, но не изымались из могилы, а в 2 захоронениях кости наоборот были изъяты.

Ориентировка покойных была зафиксирована во всех погребениях (табл. XXX). Все покойные были ориентированы головой на Ю (18 погребений) и ЮЮВ (1 погребение).

Пол и возраст (табл. XXVII, XXVIII) не определен в трех случаях. Остальные погребения составляли семь мужских, пять женских и одно детское погребение. Также в этом могильнике встречены парные захоронения женщин и детей (3 погребения).

Инвентарь по своему составу в погребениях с обрядом обезвреживания этого могильника также ничем не отличался от погребений совершенных по обряду трупоположения (Белорыбкин Г.Н., 2002). Он представляет собой конское снаряжение (уздечные пряжки, стремяна), оружие (стрелы, мечи, колчаны), орудия труда (ножи, топоры, пряслица), украшения (бусы, кольца, наконечники, ожерелье) и детали одежды (пряжки, скульгамы, пуговицы) (табл. XXXIV, XXXV, XXXVI, XXXVII). Располагался он следующим образом (табл. XXXIII): в порядке ношения – в одном погребении, у ног – в двух погребениях, у головы и пояса – в двух погребениях, у головы и ног – в одном погребении, у ног и пояса – в двух погребениях, у головы, пояса и ног – в трех погребениях, у груди, пояса, ног – в двух погребениях, в засыпке и на дне могильной ямы – в одном погребении, в центре могильной ямы – в одном погребении, у груди – в одном погребении. В одном случае инвентарь находился в беспорядке и еще в одном захоронении инвентарь не обнаружен (табл. XXXV).

Глиняная посуда найдена в двух погребениях могильника (в одном захоронении горшок стоял у головы покойного, в другом, наоборот, у ног) (табл. XXXVIII). Фрагменты керамики встречены на дне в двух по-

гребениях данного могильника (табл. XL). Также в двух погребениях найдены кости и зубы лошади и крупного рогатого скота (табл. XLI).

В *Теишской группе* погребения с обрядом обезвреживания, возможно, появились еще в VIII в. в могильнике Красное III (Алексеев С.И., Зеленец Ю.А., Мартьянов В.Н., 1990. С.83-100; Мартьянов В.Н., 2001. С.239-246), где ритуальному разрушению подверглись 7 погребений (рис. 2, табл. I, XXI). Однако, достаточно широкие рамки функционирования могильника (VIII-XIII вв.) точно не позволяют определить время появления этих погребений. В XI-XIII вв. присутствовали в могильниках Погиблово, Заречное II (рис.15), Выползово II, VI, Пятницы VII, Личадеево V, Стексово II, Красное I (Горюнова Е.И., 1948в. С.88-111; Жиганов М.Ф., 1975; Мартьянов В.Н., 1988а. С.118-131; 1988б. С.80-100; 1990. С.53-63; 1992. С.53-68; 1998. С. 91-105., 2001. С. 33-98, 212-238, 196-204, 187-195, 99-186) (рис.2, 3, табл. I, XXI). Всего в этой группе нами было выделено 88 обезвреженных захоронений, из них 3 были парными. Это самая большая группа и именно с ней связан большой всплеск данного обряда на территории Окско-Сурского междуречья.

О существовании наземных сооружений у погребений этой группы, как и в предыдущих случаях, данных нет (табл. XXII).

Ориентировка могильных ям была зафиксирована в 86 погребениях (табл. XXIII). Основная масса погребений ориентирована по линии СЗ-ЮВ – 46, по линии ЮВ-СЗ – 33 погребения, по линии С-Ю – 2 погребения, по линии В-З – 5 погребений.

Форма могильных ям и внутримогильные конструкции (табл. XXV). Форма могильной ямы во всех погребениях этой группы прямоугольная с ровным дном и отвесными стенками. Лишь одно погребение могильника Выползово II имело овальную форму.

Внутримогильные конструкции отсутствуют во всех погребениях. В 40 погребениях встречены остатки лубяной подстилки (табл. XXXII).

Размеры могильных ям распределились следующим образом (табл. XXIV):

Длина 151-200 см зафиксирована в 19 погребениях, 201-250 см – 68 погребений. В одном погребении длина не зафиксирована.

Ширина в 84 погребениях составляла 51-100 см, в двух погребениях она не превышала 50 см и в одном была свыше 101 см. В погребении Погибловского могильника ширина не зафиксирована.

Глубина в 36 погребениях не превышала 50 см, 51-100 см она была в 43 погребениях, свыше 101 см в 9 погребениях.

Способы и степень обезвреживания костяков во всех погребениях различна (табл. XXVIII, XXIX). Так в шести погребениях могильника Заречное II и в одном погребении могильника Выползово II покойные были обезврежены в области груди и рук; в девяти погребениях могильника Заречное II, в двух погребениях могильника Выползово II, в одном погребении могильника Пятницы V, в десяти погребениях могильника Стексово II и в четырех погребениях могильника Красное I покойных обезвреживали в области головы, груди и таза; шесть погребенных могильника Заречное II, один погребенный могильника Выползово II, один погребенный могильника Стексово II и один погребенный могильника Красное I были обезврежены в области груди, таза и рук. В девятнадцати погребениях (в том числе, в двух парных) костяки покойных были разрушены полностью. Таким образом, самым распространенным способом обезвреживания являлось разрушение костяков в области головы, груди и таза. В некоторых случаях костяки разрушались лишь в области груди или ног и рук, но такие случаи единичны.

Кости в 49 погребениях частично изымались и частично перемешивались, в 36 погребениях кости изымались и лишь в одном погребения кости были перемешаны, но не изъяты.

Ориентировка погребенных была следующей (табл. XXX): на С и СЗ было ориентировано 55 погребений, 23 имели З и ЗСЗ ориентировку и 5 – ЗЮЗ. В 4 погребениях об ориентировке покойных нет данных.

О поле и возрасте погребенных были получены следующие сведения (табл. XXVII, XXVIII): 46 мужских и 33 женских захоронений, во всех парных погребениях были захоронены мужчина и женщина. Пол 6 покойных определить не удалось.

Инвентарь по составу такой же, как и в погребениях с обрядом трупоположения. Он представлял собой конское снаряжение (узdechные пряжки, удила, стремяна), оружие (стрелы, копья, топоры-кельты), орудия труда (топоры, гвозди, кресала, ножи, пряслица), украшения (бусы, височные кольца, перстни, наконечники, браслеты гривны, нагрудные бляхи, серьги), детали одежды (пряжки, поясные кольца, сьюльгамы, поясные накладки, пуговицы) (табл. XXXIV, XXXV, XXXVI, XXXVII). Также надо отметить, что только в этой группе в мужских захоронениях встречаются женские вещи (височные кольца и подвески). Кроме того, во многих погребениях этой группы найдены обломки неопределенных предметов, что может свидетельствовать о ритуальном обезвреживании инвентаря. Это же предположение подтверждает тот факт, что в могильниках Заречное II, Выползово II и Стексово II найдены ритуально обезвреженные ножи и серп (табл. XXXIX).

Располагался инвентарь следующим образом (табл. XXXIII): у головы – в 1 погребении, у пояса – в 6 погребениях, у ног – в 1 погребении, у головы и пояса – в 10 погребениях, у головы и ног – в 5 погребениях.

ниях, у ног и пояса – в 6 погребениях, в порядке ношения – в 31 погребении, в засыпке и на дне – в 12 погребениях, только в засыпке – в 4 погребениях, у головы, пояса, ног – в 1 погребении, у груди – в 1 погребении, у груди и пояса – в 2 погребениях. В 2 погребениях инвентарь был разбросан по всему дну ямы. Также в 3 погребениях инвентарь отсутствовал (табл. XXXIV, XXXVII).

В 22 погребениях встречены глиняная посуда, в 10 – медные котлы, в 4 погребениях – деревянные ковши (у головы и ног покойных) (табл. XXXVIII). В заполнении и на дне могильной ямы отмечены фрагменты керамики (в 41 погребении) (табл. XL), уголь (в 38 погребениях) (табл. XXXI) и кости животных (табл. XLI), что свидетельствует о наличии тризны у населения, оставившего эти могильники. В трех погребениях (могильники Заречное II и Выползово IV) найдены целые костяки лошади (табл. XLI).

В XIII-XIV вв. погребения с обрядом обезвреживания появляются в могильниках *Поволжской группы* (рис. 4).

Данные погребения присутствуют в Комаровском (2 одиночных и 1 парное захоронение) (Моржерин К.Ю., 2000. С.60-63) и Муранском (7 одиночных захоронений) (Алихова А.Е., 1954. С.259-301) могильниках (табл. I, XXI).

Наземные сооружения присутствовали в 6 из 8 погребений этих могильников (табл. XXII). Это является особенностью данной группы, так как больше нигде наземные сооружения не зафиксированы.

Ориентировка могильных ям (табл. XXIII) была определена в восьми погребениях: по линии СВ-ЮЗ - три погребения Комаровского могильника, по линии ЮВ-СЗ – четыре погребения и по линии СЗ-ЮВ –

одно погребение Муранского могильника. Об ориентировке могильных ям двух погребений Муранского могильника данных нет.

Форма могильной ямы и внутримогильные конструкции (табл. XXV). В Муранском могильнике форма могильных ям обезвреженных захоронений неизвестна. В Комаровском могильнике все три погребения были совершены в ямах прямоугольной формы с отвесными стенками и ровным дном.

Внутримогильные конструкции отсутствуют. К деталям обряда обезвреживания погребенных в Поволжской группе можно отнести наличие остатков гробовища в 1 погребении Комаровского и 3 погребениях Муранского могильника (табл. XXXII).

Размеры могильных ям (табл. XXIV). Длина и ширина во всех погребениях неизвестна. Глубина в пяти погребениях Муранского могильника составляла 51-100 см, в двух погребениях – 101 см. О глубине обезвреженных захоронений Комаровского могильника данных нет.

Способы и степень обезвреживания (табл. XXVIII, XXIX). Все погребения разрушены в области головы, груди и таза. Причем во всех случаях часть костей перемешивалась, а часть изымалась. В одном погребении Комаровского могильника ноги покойного предварительно связывались.

Ориентировка погребенных (табл. XXX). В Комаровском могильнике все три покойника были ориентированы головой на СЗ, в Муранском могильнике пять погребенных были ориентированы головой на ЮВ, один головой на ЮЮВ и один головой на Ю, в одном погребения ориентировка покойного не определена.

Пол и возраст погребенных (табл. XXVII, XXVIII). В Комаровском могильнике было совершено одно женское и одно мужское погребение

(Моржерин К.Ю., 2000). Парное захоронение принадлежало мужчине и ребенку, причем ребенок был не обезврежен. А в Муранском могильнике было обнаружено 2 женских, 2 мужских и 1 детское обезвреженное захоронение. В 2 погребениях этого могильника пол не определен (Алихова А.Е., 1954).

Инвентарь представлял собой орудия труда (пряслице), украшения (бусы, височные кольца, браслеты, серьги), детали одежды (сюльгамы, пряжки, поясные кольца, поясные накладки) (табл. XXXIV, XXXV, XXXVI, XXXVII). Располагался он у пояса (в трех погребениях), у головы и пояса (в двух погребениях), у груди пояса и ног (в двух погребениях) В трех погребениях инвентарь был разбросан по всему дну и найден также в засыпке (табл. XXXIII). В одном из погребений Комаровского могильника отмечено ритуальное обезвреживание серпа (табл. XXXIX), кроме того, во всех погребениях найдены обломки различных предметов, что также может свидетельствовать о ритуальном разрушении (Моржерин К.Ю., 2000).

В одном погребении Муранского могильника присутствует глиняная посуда (табл. XXXVIII). В заполнении встречен уголь (табл. XXXI) и кости животных (табл. XLI).

Таким образом, рассмотрев и проанализировав материалы об обряде обезвреживания на территории Окско-Сурского междуречья, можно сделать следующие выводы.

Впервые данный обряд появился на территории Примокшанья в III – IV вв. Скорее всего, в это же время он присутствовал и в Посурье. Однако точных данных об этом факте нет, так как обезвреженные погребения были отмечены лишь в Селиксенком могильнике, временные рамки

которого очень широки – III-VII вв., поэтому сказать точно, к какому веку относятся обезвреженные захоронения данного могильника, нельзя.

В этот период для погребений с обрядом обезвреживания в Примокшанье были характерны следующие черты. Захоронения совершались в простых прямоугольных могильных ямах, ориентированных по линии С-Ю, без каких-либо внутримогильных конструкций. Все это, а также размеры погребения и состав инвентаря ничем не отличались от захоронений с обрядом трупоположения. Данный факт свидетельствует о том, что обычай обезвреживать погребенного возник в результате каких-то местных религиозных традиций, а не пришедших откуда-то извне.

Характерной особенностью погребений с обрядом обезвреживания на этом этапе стало разрушение костей покойного в области грудной клетки, а так же черепа.

На следующем этапе, в IV-V вв., обряд обезвреживания, кроме территории Примокшанья, появляется еще и в Посурье.

В Примокшанье погребения с обрядом обезвреживания совершались теперь в ямах овальной формы с отвесными стенками. Покойных клали головой либо на З, либо на В. Ритуальное обезвреживание совершали как над мужчинами, так и над женщинами. Кроме того, разрушению теперь подвергались не только грудная клетка и череп, но еще ноги и руки покойного.

Инвентарь в погребениях с обрядом обезвреживания по-прежнему ничем не отличается от инвентаря в других захоронениях.

В Посурье обезвреженные погребения также совершались в овальных ямах с сужающимися ко дну стенками, ориентированных по линии СВ-ЮЗ и ЮВ-СЗ. Внутримогильные конструкции в этих погребениях

отсутствовали. На дне некоторых погребений встречались подстилки из луба. Покойных клали головой на СВ. Как и в Примокшанье на данной территории ритуальному разрушению подвергались мужчины и женщины, причем способ обезвреживания был таким же: покойных обезвреживали в области головы, грудной клетки и конечностей.

Инвентарь в обезвреженных захоронениях по своему составу не отличался от погребений, совершенных по обряду труположения, и располагался в порядке ношения.

В V-VII вв. на территории Примокшанья данный обряд исчезает. Зато он появляется в Ивановском могильнике (Нижнесурская группа), датированном V-VIII вв. В целом надо сказать, что по способу захоронения и инвентарю обезвреженные захоронения этого могильника ничем не отличались от обезвреженных погребений IV-V вв. Единственной отличительной чертой обряда обезвреживания Ивановского могильника стало то, что здесь кости при разрушении не изымались, а только перемешивались. Также во время ритуала захоронения использовали огонь, чего не наблюдалось ранее.

В конце VIII в. обряд обезвреживания вновь появился на территории Примокшанья и до X в. существовал только на этой территории. Главной отличительной чертой этого этапа стало то, что ритуальному обезвреживанию теперь подвергаются и парные захоронения, при этом разрушался только костяк взрослого человека, костяк ребенка оставался нетронутым. Несколько изменился и способ обезвреживания. Если раньше разрушалась грудная клетка, череп, кости рук и ног, то теперь у покойных отсекают и перемешивают только кости конечностей. Грудная клетка и череп остаются нетронутыми. Еще одним отличием стало то,

что в погребениях с обрядом обезвреживания покойных стали класть головой на юг, а раньше клали головой на север.

В XI в. данный вид погребений появляется не только в Примокшанье, но и на реке Теша (рис.2).

В Примокшанье обряд обезвреживания в этот период получает достаточно широкое распространение. При этом встречаются как одиночные, так и парные захоронения, ориентированные преимущественно головой на юг. По своим параметрам могильные ямы в этот период существенных отличий не имеют, хотя в некоторых захоронениях появляются уступы на дне. Также в погребениях с обрядом обезвреживания присутствует подстилка из луба и дерева. Главной отличительной чертой является то, что в XI в. в Примокшанье стали появляться детские обезвреженные захоронения. Расширились и способы разрушения: если раньше покойных обезвреживали в области головы, груди, рук и ног, то теперь встречаются полностью разрушенные захоронения. Причем кости как перемешивались, так и изымались из могильной ямы.

Также необходимо отметить, что по составу инвентарь данных погребений по-прежнему не отличается от захоронений, совершенных по другим обрядам.

Но наиболее широкое распространение обряд обезвреживания в это время получил в Тешской группе (рис.3). Погребения с ритуальным обезвреживанием на этой территории были совершены в прямоугольных ямах, ориентированных по линии С-Ю с небольшими отклонениями. Внутримогильные конструкции во всех погребениях отсутствовали. Размеры ям обезвреженных захоронений не отличались от других типов захоронений на могильнике. Обезвреживанию подвергались преимущественно мужчины, детских захоронений вообще не обнаружено.

Также в Тешской группе можно выделить большое количество способов обезвреживания: от разрушения грудной клетки и черепа до полного разрушения костяка. Однако преобладают погребения, где разрушены череп, грудная клетка и таз, и наоборот, резко сокращается разрушение костей рук и ног. Меняется и ориентировка обезвреженных погребенных. Если раньше хоронили преимущественно головой на юг, то теперь головой на север. Впрочем, это характерно для всех погребений данной территории.

Инвентарь, как и в предыдущие периоды, по составу не отличается от других погребений. Однако в мужских обезвреженных захоронениях присутствуют женские вещи (височные кольца). Кроме того, в этой группе найдены ритуально обезвреженные ножи и серпы, что, безусловно, является новой чертой обряда обезвреживания. Располагался инвентарь в большинстве погребений в порядке ношения.

Также практически во всех захоронениях найдена керамика, угли, кости животных, что говорит о наличии поминальной тризны и погребального костра в обряде захоронения. Это также стало новой чертой данного обряда.

И, наконец, в XIV в. обряд обезвреживания из Примокшанской и Тешской групп перемещается на территорию Поволжской группы (рис. 4).

Здесь обезвреженные захоронения совершались в грунтовых могилах преимущественно прямоугольной формы, ориентированных по линии С-Ю с небольшими отклонениями. Иногда в погребениях встречались остатки гробовищ, чего раньше не было. Обезвреживанию в могильниках данной группы подвергались и мужчины, и женщины, и дети. Исключение составляет парное захоронение, где ребенок не был обез-

врежен. Погребенные были ориентированы головой как на юг, так и на север. Способы обезвреживания, встреченные здесь, характерны для домонгольского времени Тешской группы: разрушение в области головы, груди и таза.

Инвентарь, как и в предыдущие периоды, по составу не отличался от других погребений. Надо лишь заметить, что здесь, как и в Тешской группе, были найдены ритуально обезвреженные серпы.

В целом об обряде обезвреживания в Окско-Сурском междуречье можно сказать следующее. Первоначально он появляется на территории Примокшанья, где и существует вплоть до XIII в. При этом можно предположить, что носителем этого обряда была небольшая группа населения, так как обряд обезвреживания последовательно переходил с одного могильника на другой. Отличительной чертой этого обряда в Примокшанье стало разрушение либо отдельных частей костяка, либо целиком.

В XI в. данный обряд появляется на Теше, где приобрел значительный размах и просуществовал вплоть до XIII в. Основным способом обезвреживания в этой группе стало разрушение головы, грудной клетки, таза, и распространение этого обряда на вещи.

После монгольского нашествия в расселении мордвы произошли некоторые изменения. Многие могильники прекратили свое существование. В то же время они появились на новых территориях.

Так на территории Поволжской группы появляются могильники с обрядом обезвреживания, имевшие, вероятно, истоки в Тешской группе.

Соответственно на Теше и на Мокше в золотоордынское время данный обряд не фиксируется. Также этот обряд практически не встречался на протяжении всего средневековья и в Верхнем Посурье. Все это может свидетельствовать о том, что обряд обезвреживания не был ши-

роко распространен в регионе и связан с жизнью небольшой группы населения.

Наибольший всплеск данного погребального обряда на территории Окско-Сурского междуречья приходится в основном на VIII-XIII вв. (88 %), в могильниках же III-V и XIV вв. данные захоронения составляют всего 11,97 % всех разрушенных погребений. Вполне возможно, что такое увеличение обряда обезвреживания в VIII-XIII вв. связан с влиянием салтово-маяцкой культуры, для которой этот обряд был характерен в I-VIII в.

Кроме Окско-Сурского междуречья, такие захоронения известны и на других территориях. Но ареал распространения этого обряда столь велик, что перечислить все области его существования очень трудно. Кроме древней мордвы, данный обряд получил достаточно широкое распространение и в среде финно-угров, и за ее пределами. Так в III-IV вв. обряд обезвреживания был известен сарматам (II Ахмеровский, Салиховский могильник), вплоть до VII в. он существовал у турбаслинских племен (Дежневский, Турбаслинский могильники), бахмутинской культуры (Бирский могильник), в VIII-X вв. у салтово-маяцкой культуры (Маяцкий, Салтовский, Рубежанский могильники), в VII-X вв. он присутствовал в погребениях мери (Хотимльский могильник, курганы близ Кинешмы), в IX-XI вв. у вымской культуры, в XII-XIV вв. в памятниках макушенского типа (Макушенский могильник), релкинской культуры (могильник Релка), у удмуртов, родановской культуры и т.д. (Матвеева Г.И., 2003. С.210-211; Флеров В.С., 1993, 2000а,б; Аксенов В.С, 2002; Финно-угры и балты...., 1987. С.74,78, 125, 221; Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989; Шутова Н.И., 2001).

Все это свидетельствует о широком распространении обряда обезвреживания погребенных, его эволюции во времени и возникновении локальных особенностей у населения Окско-Сурского междуречья.

§ 3. Результаты взаимодействия различных способов захоронения.

Существование обрядов, оставлявших после себя разрушенные погребения с течением времени приводило к появлению новых вариантов, многие из которых сегодня трудно определяемы. К данным захоронениям отнесены все те погребения, где присутствие обрядов вторичного захоронения и ритуального разрушения были подвергнуты сомнению. Это захоронения, где найдены лишь небольшие фрагменты костей, которые находились в сильно смешанном состоянии на дне и в засыпке могильных ям. Во всех этих погребениях определить точно, какой обряд захоронения практиковался, невозможно. Также к неопределенным разрушенным захоронениям отнесены погребения, где кости были смещены со своего первоначального положения по неизвестным причинам.

Данные погребения присутствовали в могильниках III-IV вв. Верхнесурской, Примокшанской, Тешской, Поволжской и Нижнесурской групп. Они составляют 49,9 % (275 погребений) от всех разрушенных погребений.

Первые неопределенные разрушенные погребения появляются в III-IV вв. в Верхнесурской и Примокшанской группе, то есть одновременно с появлением обрядов обезвреживания и вторичного захоронения (рис.1).

В *Верхнесурской группе* (табл. I, XLII) неопределенные разрушенные захоронения зафиксированы в Шемышейском могильнике (Полеских М.Р., 1958, 1971; Гришаков В.В., 2005. С.5-28). Скорее всего, в это

же время такие же погребения присутствовали и в Селиксенском могильнике (Полесских М.Р., 1952, 1954, 1956, 1957, 1959, 1968), где нами отмечено 11 неопределенных разрушенных захоронений (10 одиночных и 1 парное). Однако этот могильник существовал с III по VII в., поэтому точно датировать здесь разрушенные захоронения нельзя.

В Шемышейском могильнике исследователями было найдено два неопределенных разрушенных захоронения (Полесских М.Р., 1958, 1971), у которых наземные сооружения отсутствовали (табл. XLIII), а могильные ямы были ориентированы по линии С-Ю (табл. XLIV).

Форма могильной ямы была различной (табл. XLVI). Одно погребение было совершено в яме овальной формы с ровным дном. В другом форму могильной ямы проследить не удалось.

Внутримогильные конструкции отсутствовали. В одном из погребений была прослежена подстилка из луба (табл. LI).

Размеры могильных ям (табл. XLV). По ширине, глубине и длине могильных ям разрушенные погребения Шемышейского могильника не отличались от погребений с обрядом трупоположения.

Данные погребения совершены в ямах длиной 151-200 см, шириной 51-100 см и глубиной 101 см.

Степень разрушения костей в этих погребениях была различной (табл. XLIX). В одном погребении мелкие осколки костей находились на разной глубине. В другом погребении кости были сильно смещены с первоначального положения, но причина этого смещения непонятна, поэтому точно определить обряд невозможно. Скорее всего, в данном случае практиковался обряд трупоположения, а кости сместились в результате естественных причин.

Ориентировка погребенного была определена лишь в одном захоронении (табл. L). В нем покойный лежал головой на Ю, в другом погребении ориентировка неизвестна, так как кости были сильно разрушены, перемешаны и находились на разной глубине.

Пол и возраст покойных определялся в обоих случаях (табл. XLVIII). Погребения принадлежали женщинам.

Инвентарь по своему составу в неопределенных разрушенных погребениях Шемышейского могильника ничем не отличался от погребений совершенных по обряду труположения (Полесских М.Р., 1958, 1971). Он состоял из различных украшений (бусы, браслеты, гривны, нагрудные бляхи) (табл. LV). Также в обоих погребениях были найдены обломки неопределенных предметов (табл. LV).

Располагался инвентарь в одном погребении в порядке ношения, а в другом он был сильно перемешан и находился в засыпке и на дне могильной ямы (табл. LIII).

Также в обоих погребениях была найдена глиняная посуда в засыпке и на дне могильной ямы (у головы и в центре захоронения) (табл. LVIII).

Костей животных, керамики, угля в погребениях нет. Это свидетельствует о том, что в данных случаях поминальная тризна и погребальный костер в обряде захоронения отсутствовали.

В *Примокшанской группе* (табл. I, XLII) неопределенные разрушенные захоронения встречены в 2 погребениях (1 одиночное и 1 парное) Ражкинского могильника (Полесских М.Р., 1956, 1957; Гришаков В.В., 2005. С.29-52).

Наземные сооружения в этих погребениях отсутствовали (табл. XLIII).

Ориентировка могильной ямы известна лишь в одном погребении, которое было ориентировано по линии С-Ю, о другом захоронении данных нет (табл. XLIV).

Форма могильной ямы и внутримогильные конструкции (табл. XLVI). Одно погребение совершено в яме прямоугольной формы с отвесными стенками и ровным дном, в другом случае проследить форму могильной ямы не удалось.

Внутримогильные конструкции отсутствовали.

Размеры могильных ям зафиксированы в одном погребении (табл. XLV). Длина этого погребения была равна 201 см, ширина – 51 см, глубина – 51 см.

В другом погребении размеры могильной ямы неизвестны.

Степень разрушения костей в погребениях (табл. XLIX). В обоих погребениях мелкие фрагменты костей были разбросаны по всей могильной яме.

Ориентировка погребенных осталась неопределенной (табл. L).

Пол и возраст в обоих погребения определить не удалось, так как костяки были сильно разрушены и практически не сохранились (табл. XLVIII).

Инвентарь представлял собой оружие (копья), детали одежды (пряжки) и украшения (бусы) (Полесских М.Р., 1956, 1957) (табл. LVII). В одном погребении он находился в нетронутном состоянии возле пояса, в другом беспорядочно разбросан по дну могильной ямы (табл. LIII).

Посуда найдена в обоих погребениях. В одном погребении она располагалась, скорее всего, в изголовье, о расположении посуды в другом погребении данных нет (табл. LVIII).

В одном захоронении Ражкинского могильника найден уголь на дне могильной ямы (табл. LI). Кости животных и фрагменты керамики в погребениях отсутствуют.

В IV-V вв. неопределенные разрушенные погребения появляются в Степановском (Пензенском) (Полесских М.Р., 1970, 1972, 1973, 1975) и Селикса-Трофимовском (Полесских М.Р. 1967, 1968) могильниках *Верхнесурской группы* (рис.1, табл. I, XLII). Это три одиночных и одно парное захоронение, для которых характерно следующее:

Отсутствие наземных сооружений (табл. XLIII).

Ориентировка могильных ям по линии СВ-ЮЗ (табл. XLIV).

По форме могильных ям неопределенные разрушенные погребения этих могильников распределялись следующим образом (табл. XLVI): 2 погребения Селикса-Трофимовского могильника совершены в ямах овальной формы. В 2 погребениях определить форму могильной ямы не удалось. Дно в 3 погребениях было ровным. В одном погребении (Селикса-Трофимовский могильник) дно не прослеживалось. В 1 погребении Селикса-Трофимовского могильника стенки сужались ко дну. В 3 погребениях стенки могильной ямы не прослежены.

Внутримогильные конструкции отсутствуют во всех погребениях.

По длине, ширине и глубине данные захоронения не отличались от погребений совершенных по обряду трупоположения. Они имели следующие размеры могильных ям (табл. XLV): длина одного погребения была равна 200 см (Селикса-Трофимовский могильник), в трех погребениях – 201-250 см (1 погребение Степановского и 2 погребения Селикса-Трофимовского могильника). Ширина в одном погребении составляла 45 см (Селикса-Трофимовский могильник), в двух погребениях – 51-100 см (1 погребение Степановского и 1 погребение Селикса-Трофимовского

могильника). В одном погребении Селикса-Трофимовского могильника ширина составляла свыше 101 см. Глубина одного погребения Селикса-Трофимовского могильника равнялась 50 см, в трех погребениях (1 погребение Степановского и 2 погребения Селикса-Трофимовского могильника) – 51-100 см.

Степень разрушения костей (табл. XLIX). Кости были очень сильно смещены с первоначального положения, но причина смещения неизвестна. Скорее всего, кости в погребениях были смещены в результате естественных причин, так как каких-либо разрушений костяков в этих погребениях нет.

Ориентировка погребенных (табл. L). В трех погребениях покойные были ориентированы головой на СВ, в одном на ЮЗ.

Пол и возраст покойных определен в трех погребениях (табл. XLVIII): одно мужское (Степановский могильник), одно женское (Селикса-Трофимовский могильник), еще одно погребение Селикса-Трофимовского могильника было парным и принадлежало женщине и ребенку. В 1 погребении Селикса-Трофимовского могильника пол и возраст не установлен.

Инвентарь в двух погребениях располагался в порядке ношения, в одном в центре ямы и в одном погребении был разбросан по всему дну (табл. LIII). Он состоял из оружия (стрелы, копья), орудий труда (ножи), деталей одежды (пряжки), украшений (бусы) (Полесских М.Р., 1967, 1968, 1970, 1972, 1973, 1975) (табл. LIV, LV).

Во всех неопределенных разрушенных захоронениях Селикса-Трофимовского могильника найдена глиняная посуда, которая располагалась у головы и ног покойного (табл. LVIII), а также в одном из погребений этого могильника присутствует уголь (табл. LI). А в Степанов-

ском могильнике в засыпке и на дне погребения найдены фрагменты керамики (табл. LX).

В V-VIII вв. неопределенные разрушенные захоронения на территории Окско-Сурского междуречья присутствуют в двух погребениях Ивановского могильника *Нижнесурской группы* (Воронина Р.Ф., 1970-1972) (рис. 1,2, табл. I, XLII).

В обоих погребениях этого могильника о наличии каких-либо наземных сооружений данных нет (табл. XLIII). Ориентировка могильной ямы известна лишь в одном погребении. Оно ориентировано по линии СЗ-ЮВ (табл. XLIV).

Форма могильной ямы также известна только в одном погребении (табл. XLVI). Оно было совершено в яме прямоугольной формы с отвесными стенками и ровным дном.

Внутримогильные конструкции отсутствовали.

Размеры ямы также известны в одном погребении (табл. XLV). Длина этого погребения равнялась 205 см, ширина – 51 см, глубина – 55 см.

Костяки в обоих погребениях были разрушены полностью, кости находились на разной глубине (табл. XLIX). Поэтому определить обряд захоронения здесь совершенно невозможно.

Ориентировка покойных неизвестна, так как кости были сильно перемешаны (табл. L).

Пол и возраст покойных не определялась по той же причине (табл. XLVIII).

Инвентарь присутствовал лишь в одном захоронении и располагался, как ни странно при таком разрушении, в порядке ношения (Воро-

нина Р.Ф., 1970-1972) (табл. LIII). Он состоял из различных украшений (бусы, бисер, перстни) и деталей одежды (пряжки) (табл. LVII).

Посуда, уголь, кости животных, фрагменты керамики в погребениях отсутствовали.

В VIII-X вв. неопределенные разрушенные погребения вновь появляются на территории *Примокшанской группы*. В это время тут функционирует могильник Красный Восток (Полесских М.Р., 1963, 1964), в котором раскопано два разрушенных захоронения (рис. 2, табл. I, XLII). К сожалению, сведений об этих погребениях очень мало.

О наличии наземных сооружений данных нет (табл. XLIII).

Ориентировка могильных ям в этих погребениях неизвестна (табл. XLIV).

О форме могильных ям и наличии внутримогильных конструкций сведений также нет (табл. XLVI).

Размеры могильных ям были равны (табл. XLV): длина одного погребения составляла 201 см, ширина – 101 см. Длина и ширина еще одного погребения неизвестна. Глубина обоих погребений – 100 см.

Степень разрушения костей в погребениях была различной (табл. XLIX). В одном погребении костяк был разрушен полностью и кости сохранились лишь фрагментами, в другом погребении кости покойного также плохо сохранились и были разбросаны по всему дну ямы.

Об ориентировке погребенных данных нет (табл. L).

Пол и возраст погребенного определялся в одном случае (табл. XLVIII): погребение принадлежало ребенку. В другом захоронении пол и возраст покойного неизвестны.

Инвентарь в одном погребении располагался беспорядочно (табл. LIII). Он представлял собой орудия труда (ножи) (табл. LVI). Другое по-

гребение было безинвентарным (табл. LVII) (Полесских М.Р., 1963, 1964).

Посуда, фрагменты керамики, уголь, кости животных в обоих погребениях отсутствуют.

В XI-XIII вв. кроме Примокшанской группы неопределенные разрушенные захоронения появляются и Тешской группе (рис.2,3).

В *Примокшанской группе* неопределенные разрушенные захоронения зафиксированы в 12 из 32 погребений могильника Татарская Лака II (Расторопов А.В., 1993; Белорыбкин Г.Н., 2002; рис. 16-18) (табл. I, XLII). Если учесть, что 19 погребений этого могильника были обезврежены, то можно считать, что население, оставившее этот могильник, широко практиковало обряд ритуального разрушения. Раньше на территории Примокшанья этот обряд популярен не был.

Для всех этих погребений характерны следующие черты:

Наземные сооружения (табл. XLIII). Нет данных.

Ориентировка могильных ям была следующая (табл. XLIV): 10 могил ориентированы по линии С-Ю, 2 погребения – по линии СВ-ЮЗ.

Форма могильной ямы и внутримогильные конструкции (табл. XLVI). В 8 погребениях захоронения были совершены в ямах прямоугольной формы, в 3 – в ямах овальной формы, в 1 – в круглой яме. Дно во всех погребениях было ровным, стенки отвесные.

Внутримогильные конструкции найдены в одном погребении. Они представляют собой заплечики (табл. XLVII).

Размеры могильных ям зафиксированы во всех погребениях (табл. XLV).

Длина одного погребения составляла 100 см, в четырех погребениях – 101-150 см, в одном погребении – 151-200 см, в шести погребениях

– 201-250 см. Ширина в одном погребении равнялась 50 см, в одиннадцати – 51-100 см. Глубина в 9 погребениях не превышала 50 см, в двух погребениях она была равна 100 см и в одном свыше 101 см.

Степень разрушения костей в погребениях была различной (табл. XLIX).

В шести погребениях разрушенные кости находились на разной глубине, в одном – фрагменты трубчатых костей были рассыпаны в центре могильной ямы, в четырех погребениях кости были найдены на дне и в засыпке.

Ориентировка погребенных была зафиксирована в 5 погребениях (табл. L). Эти покойные были ориентированы головой на Ю. В 7 захоронениях ориентировка неизвестна, так как они были очень сильно разрушены.

Пол и возраст (табл. XLVIII) не определен в 9 случаях. Зафиксировано лишь 2 мужских и 1 женское погребение.

Инвентарь состоял из оружия (стрелы), орудий труда (ножи, пряслица), украшений (накосники, браслеты, бусы), деталей одежды (пряжки, поясные накладки, пуговицы, сьюльгамы, поясные кольца) (Белорыбкин Г.Н., 2002) (табл. LIV, LV, LVII). Располагался он следующим образом: у ног в одном погребении, беспорядочно в трех погребениях, в засыпке и на дне в одном погребении, в центре ямы в трех погребениях (табл. LIII). В пяти погребениях инвентарь отсутствовал (табл. LIV, LV, LVII).

Глиняная посуда встречена в трех погребениях могильника (у ног, в центре и в южном конце могильной ямы) (табл. LVIII). Фрагменты керамики найдены в двух погребениях на дне ямы (табл. LX), кости жи-

вотных (лошади) – в засыпке одного погребения данного могильника (табл. LXI).

В *Теишской группе* неопределенные разрушенные захоронения в XI-XIII вв. присутствовали в могильниках Погиблово, Заречное II, Сыресево II, Выползово I, II, VI, Пятницы VII, Личадеево V, Стексово II, Красное I (Горюнова Е.И., 1948в. С.88-111; Жиганов М.Ф., 1975; Мартьянов В.Н., 1988а. С.118-131; 1988б. С.80-100; 1990. С.53-63; 1992. С.53-68; 1998. С. 91-105., 2001. С. 33-98, 247-249, 205-238, 196-204, 187-195, 99-186) (табл. I, XLII). Всего в этой группе нами было выделено 237 разрушенных захоронений, из них 9 парных. Это самая многочисленная группа разрушенных захоронений. Кроме того, в этой же группе нами было отмечено очень много обезвреженных захоронений.

Наземные сооружения (табл. XLIII). В 73 погребениях наземных сооружений не было. О наличии таких сооружений у 164 погребений данных нет.

Ориентировка могильных ям (табл. XLIV). Для данной группы ориентировка могильной ямы была зафиксирована в 179 погребениях. Основная масса погребений ориентирована по линии СЗ-ЮВ – 147, по линии В-З – 19 погребений, по линии С-Ю – 8 погребений, по линии СВ-ЮЗ – 5 погребений.

Форма могильных ям и внутримогильные конструкции (табл. XLVI). Форма могильной ямы зафиксирована в 221 погребении этой группы: 218 захоронений были совершены в ямах прямоугольной формы и 3 в ямах овальной формы.

Дно ямы было прослежено в 225 погребениях. Во всех этих захоронениях оно было ровным.

Отвесные стенки зафиксированы в 221 погребении

Внутримогильные конструкции присутствовали в двух погребениях могильников Выползово II и Погиблово (табл. XLVII). Эти погребения имели заплечики и ямки по краям могильной ямы.

В 49 погребениях встречены остатки лубяной подстилки, в одном погребении следы гробовища и в одном погребении остатки бересты на дне ямы (табл. LI).

Размеры могильных ям распределились следующим образом (табл. XLV):

Длину до 100 см имели 3 погребения, 101-150 см – 8 погребений, 151-200 см – 63 погребения, 201-250 см – 150 погребений. В 13 погребениях длина не зафиксирована.

Ширина в 10 погребениях равнялась 50 см, в 203 погребениях – 50-100 см, в 11 погребениях – свыше 101 см и в 13 погребениях ширина не зафиксирована.

Глубина: до 50 см – 106 погребений, от 51-100 см – 112 погребений, свыше 101 см – 12 погребений. В 7 погребениях глубина не выявлена.

Степень разрушения костяков была различной (табл. XLIX). 31 погребение могильника Красное I было разрушено полностью, причем кости находились на разной глубине. В 13 погребениях (могильники Выползово VI, Пятницы VII, Личадеево V, Стекосово II, Красное I) мелкие фрагменты трубчатых костей лежали в центре могильной ямы. В 173 погребениях полностью разрушенные кости сохранились фрагментами. В 6 погребениях (могильники Заречное II и Стекосово II) кости были разбросаны по всему дну могильной ямы. А в 14 погребениях могильников Стекосово II и Красное I сохранились только трубчатые кости в разных частях могильной ямы (Мартьянов В.Н., 2001).

Ориентировка погребенных определялась в 121 погребении (табл. L): ССЗ – 7 погребений, С – 6 погребений, ССВ – 1 погребение, ЗЮЗ – 3 погребения, ЮЗ – 1 погребение, З – 9 погребений, ЗСЗ – 21 погребение, СЗ – 94 погребений. Определить ориентировку погребенного не удалось в 95 погребениях.

Пол и возраст погребенных (табл. XLVIII): 82 разрушенных погребения принадлежали мужчинам, 62 – женщинам, 2 погребения были детскими. Также было раскопано 9 парных погребений (мужчина и женщина). Пол 82 покойных определить не удалось.

Инвентарь по составу был такой же, как и в погребениях с обрядом трупоположения (Мартьянов В.Н., 2001): оружие (стрелы, копья), орудия труда (топоры, кресало, ножи, пряслица), украшения (бусы, височные кольца, перстни, браслеты, гривны, нагрудные бляхи, серьги, наконечники), детали одежды (пряжки, поясные кольца, сьюльгамы, поясные накладки, пуговицы) (табл. LIV, LV, LII). Следует также отметить, что в этой группе в мужских захоронения присутствовали женские вещи. Располагался он следующим образом (табл. LIII): у головы – в 9 погребениях, у пояса – в 15 погребениях, на груди – в 4 погребениях, у ног в 10 погребениях, у головы и пояса в 5 погребениях, у головы и ног – в 4 погребениях, у ног и пояса – в 2 погребениях, в порядке ношения – в 10 погребениях, беспорядочно инвентарь лежал в 31 погребении, в засыпке и на дне могильной ямы – в 100 погребениях, у головы, пояса ног – в 3 погребениях, в центре ямы – в 7 погребениях. Также в 37 погребениях инвентарь отсутствовал (табл. LIV, LVII).

В 54 погребениях встречена глиняная посуда (в изголовье, в засыпке и в центре погребения), в 9 – медные котлы (в ногах и засыпке), в 2 погребениях – деревянные ковши (у ног и в изголовье) (табл. LVIII).

Также в могильниках Заречное II и Стексово II найдены ритуально обезвреженные ножи и серп (табл. LIX).

В заполнении неопределенных разрушенных погребений Тешской группы отмечены фрагменты керамики (табл. LX), уголь (табл. LI) и кости животных (табл. LXI), что свидетельствует о наличии тризны у населения, оставившего эти могильники.

В XIV вв. погребения неопределенные разрушенные захоронения появляются на территории *Поволжской группы* (рис.4). Данные погребения присутствуют в Муранском могильнике (3 одиночных захоронения) (Алихова А.Е., 1954. С.259-301) (табл. XLII).

В этих погребениях наземные сооружения отсутствуют (табл. XLIII).

Ориентировка могильных ям (табл. XLIV) была зафиксирована в одном погребении: оно располагалось по линии СЗ-ЮВ. О двух погребениях данных нет.

О форме могильных ям этих погребений данных нет (табл. XLVI).

Внутримогильные конструкции отсутствовали.

Размеры могильных ям (табл. XLV). Длина и ширина могильных ям также неизвестна. Глубина в одном погребении была равна 50 см, в двух погребениях 51-100 см.

Степень разрушения костяков (табл. XLIX). Во всех погребениях фрагменты разрушенных костей были разбросаны по всему дну ямы и встречались в засыпке.

Ориентировка погребенных (табл. L). Двое покойных лежали головой на ЮВ. В одном погребении ориентировка покойного не определена.

Пол и возраст погребенных (табл. XLVIII). В данном могильнике зафиксировано одно детское разрушенное погребение. В двух погребениях пол не определен, так как костяки сильно разрушены.

Инвентарь найден в засыпке и на дне одного погребения (табл. LIII). Он представлял собой лишь неопределенные обломки (табл. LVI). В двух погребениях инвентаря не было (Алихова А.Е., 1954).

Посуда, уголь, фрагменты керамики и кости животных в этих захоронениях отсутствовали.

Таким образом, первые неопределенные разрушенные захоронения относятся к III-IV вв. В это время они появились на территории Посурья и в Примокшанья. В это же время на данных территориях появляются обряды вторичного захоронения и обезвреживания.

В Посурье неопределенные разрушенные захоронения этого периода были найдены в простых грунтовых ямах, ориентированных по линии С-Ю. Внутримогильные конструкции в погребениях отсутствовали. И лишь в одном погребении была найдена лубяная подстилка. Степень разрушения костяков была различной. В одних погребениях найдены лишь мелкие фрагменты костей, в других костяки сохранились полностью, но кости были сильно смещены со своего первоначального положения. Все неопределенные разрушенные захоронения принадлежали женщинам.

Инвентарь был достаточно разнообразен. Это свидетельствует о том, что погребения не были ограблены. По своему составу он был точно такой же, как и в погребениях с труположениями. Располагался он либо среди перемешанных костей и в засыпке могильной ямы, либо лежал в порядке ношения.

В Примокшанье неопределенные разрушенные захоронения встречены в двух погребениях Ражкинского могильника, где найдены и обезвреженные захоронения. Поэтому можно предположить, что и в этих погребениях практиковался тот же обряд. Однако в обоих погребениях сохранились лишь очень мелкие фрагменты костей, разбросанные по дну могильной ямы.

Инвентарь в данных погребениях по своему составу ничем не отличался от других захоронений. Интересен тот факт, что в одном из захоронений, несмотря на большую степень разрушения костей, инвентарь лежал в порядке ношения.

Неопределенные разрушенные захоронения IV-V вв. найдены только в Посурье, на территории Примокшанья данные погребения исчезают.

Для неопределенных разрушенных погребений в этот период были характерны следующие черты: захоронение в простых ямах, ориентированных по линии С-Ю. Внутримогильные конструкции отсутствовали. По своим размерам могильные ямы этих погребений ничем не отличались от погребений с труположениями. Кости в данных погребениях были сильно смещены со своего первоначального положения. Захоронения принадлежали мужчинам, женщинам и детям.

Инвентарь в неопределенных разрушенных погребениях состоял из оружия, орудий труда, деталей одежды и украшений. Располагался он либо в порядке ношения, либо был разбросан по всему дну могильной ямы.

На следующем этапе, в V-VIII вв., неопределенные разрушенные захоронения на территории Окско-Сурского региона присутствуют только в Нижнесурской группе.

По параметрам могильных ям неопределенные разрушенные погребения данного периода ничем не отличались от захоронения предыдущего этапа. Костяки в погребениях были разрушены полностью, кости находились на разной глубине. Тем не менее, инвентарь находился в порядке ношения, что при таком разрушении очень странно.

В VIII-XI вв. неопределенные разрушенные захоронения вновь наблюдаются в Примокшанье, но количество их на данной территории невелико.

Эти погребения были найдены преимущественно в ямах прямоугольной формы с отвесными стенками и ровным дном. Размеры по своим параметрам не отличались от других погребений. Степень разрушения костяков была различной, но практически во всех погребениях кости были разрушены полностью и находились на разной глубине. По этой причине пол покойных определить было невозможно.

Инвентарь в погребениях, как правило, был разбросан по всему дну могильной ямы и находился в засыпке.

Однако уже в XI-XIII вв. количество таких захоронений здесь резко возрастает. В это время разрушенные захоронения появляются и на р. Теше.

На этой территории неопределенные разрушенные погребения были найдены в ямах прямоугольной формы, ориентированных по линии С-Ю с небольшими отклонениями. Дно во всех ямах было ровным, стенки отвесными. В некоторых погребениях были найдены внутримогильные конструкции в виде заплечиков и ямок на дне могильной ямы. Также в некоторых погребениях присутствовали следы лубяной подстилки, бересты и даже остатки гробовищ. Костяки во всех погребениях Тешской группы были разрушены полностью, кости сохранились лишь

фрагментами. Разрушению подвергались как мужские, так и женские погребения. Детских разрушенных захоронений всего два. Также на этой территории есть и парные разрушенные захоронения.

Инвентарь неопределенных разрушенных захоронений по своему составу был такой же, как в других погребениях. Во всех погребениях он был разбросан по дну могильной ямы и находился в засыпке. В нескольких погребениях были найдены ритуально обезвреженные ножи и серпы.

В заполнении присутствовала керамика, кости животных и уголь. Это свидетельствует о наличии поминальной тризны у населения, оставившего эти могильники.

В XIV веке количество неопределенных разрушенных погребений резко сокращается, и они были обнаружены лишь в нескольких погребениях Поволжской группы.

На этой территории неопределенные разрушенные погребения по своим параметрам ничем не отличались от разрушенных погребений предыдущего периода. Кости в них были разбросаны по всему дну могильной ямы, инвентарь находился в засыпке и на дне могильной ямы. Керамика, уголь, кости животных в погребениях отсутствовали.

Итак, неопределенные разрушенные захоронения на территории Окско-Сурского междуречья присутствовали на всем протяжении рассматриваемого периода с III по XIV вв. Они составляют примерно половину всех ритуально разрушенных погребений этого региона и присутствуют в тех же могильниках, в которых были найдены погребения с обрядом обезвреживания и вторичного захоронения. Этот факт, а также большое количество инвентаря в данных захоронениях, который иногда даже был не тронут со своего первоначального положения, свидетельст-

вует о том, что и здесь практиковались обряды обезвреживания или вторичного захоронения. Но из-за сильного разрушения костяков и плохого состояний костей (в некоторых погребениях сохранились лишь небольшие фрагменты трубчатых костей) невозможно точно определить, какой же ритуал здесь применялся.

Таким образом, благодаря анализу погребений с разрушенными костяками, можно сделать вывод, что в III-XIX вв. у населения Окско-Сурского междуречья существовало несколько обрядов ритуального разрушения костяков.

Это вторичные захоронения и погребения с обрядом обезвреживания. Оба этих обряда существовали одновременно, но при этом имели собственные черты и истоки. Кроме того, была выделена группа погребений с неопределенными разрушенными костяками, которые в силу вышеуказанных причин не вошли ни в одну группу.

Заключение

Изучение погребального обряда является важнейшим источником по истории духовной жизни различных племен и народов. Особенно актуально это для средневековой истории Окско-Сурского междуречья, где сохранилось большое количество могильников с разнообразными способами захоронения, что свидетельствует о богатой палитре духовных представлений средневекового населения. Среди них наименее изученными являются погребения с разрушенными костяками.

Ритуально разрушенные захоронения в эпоху средневековья получили широкое распространения среди народов Восточной Европы и Средней Азии. Есть они и в могильниках Окско-Сурского региона, изучение которых началось еще XIX в.

Долгое время на подобного рода погребения в археологической науке практически не обращали внимание. Поэтому в данной ситуации большой заслугой стало упоминание отдельных исследователей (Матвеевой Г.И., Плетневой С.А., Ворониной Р.Ф., Голдиной Р.Д.) о существовании ритуально разрушенных захоронений. Это привело к тому, что в настоящее время многие исследователи стали проявлять повышенный интерес к таким захоронениям, в связи с чем появились целые работы, посвященные обрядам разрушения погребенных (Мельник В.И., 1991; Флеров В.С., 1993, 2000, 2005).

Специальных исследований, посвященных средневековым разрушенным захоронениям Окско-Сурского региона, нет. Поэтому целью настоящего исследования стало создание базы данных и анализ разрушенных захоронений данного региона. В результате выделено три группы разрушенных захоронений: вторичные, обезвреженные и те погребения, которые по ряду причин были отнесены к группе неопределенных.

Разрушенные погребения в средневековых могильниках Окско-Сурского междуречья появились в III-IV вв. Причем в это время были как вторичные, так и обезвреженные захоронения. Кроме того, в некоторых могильниках зафиксированы неопределенные разрушенные погребения. К вторичным захоронениям отнесены те погребения, где хоронились очищенные кости, сложенные на дне могильной ямы, как правило, компактными кучками, к обезвреженным – погребения, которые вскрывались с целью разрушения костяка, что, по мнению средневекового населения, защищало живых от мертвых, а к неопределенным разрушенным погребениям – все те захоронения, где различия между обрядом обезвреживания и вторичного захоронения недостаточно четко зафиксированы из-за плохой сохранности костей и небольшого количества инвентаря.

Первые вторичные захоронения на территории Окско-Сурского региона появились в Посурье в погребениях Шемышейского могильника (III-IV вв.). Они составляли 61,5% разрушенных захоронений этого периода. Это были погребения в простых грунтовых ямах, ориентированных по линии С-Ю. На дно ямы иногда клалась лубяная подстилка. Такому ритуалу погребения чаще всего подвергали мужчин. Кости во всех захоронениях либо лежали компактными кучками, либо были разбросаны по дну могильной ямы. Инвентарь располагался среди перемешанных костей. По своему составу он был таким же, как и в погребениях с труположениями.

В отличие от погребений с обрядом вторичного захоронения, обезвреженные погребения в этот период присутствовали в Ражкинском могильнике на территории Примокшанья. Они составляли 7,69 %. Однако, по своим параметрам они практически ничем ни отличались от вторич-

ных захоронений Посурья: также были совершены в простых грунтовых ямах, ориентированных по линии С-Ю без каких-либо внутримогильных конструкций. Однако кости во всех захоронениях были разрушены лишь частично. Разрушению подвергалась область груди и череп покойного. Это дало возможность констатировать присутствие именно обряда обезвреживания на данной территории, а не вторичных захоронений. Кроме того, во всех погребениях данной территории и инвентарь располагался строго в порядке ношение, что также подтверждает вывод о присутствии здесь обряда обезвреживания.

Погребения с неопределенными разрушенными захоронениями составляли 30,8 % и присутствовали как на территории Посурья, так и в Примокшанье.

В Посурье разрушенные захоронения были в том же Шемышейском могильнике, где отмечены и вторичные. Они представляли собой погребения, где кости были либо несколько смещены со своего первоначального положения, либо находились в сильно истлевшем состоянии и сохранились лишь фрагментарно. Поэтому отнести их к какому-либо виду ритуального разрушения нельзя.

В Примокшанье неопределенные разрушенные захоронения присутствовали в Ражкинском могильнике, в котором были найдены и обезвреженные. Поэтому можно предположить, что разрушение захоронений произошло также в результате обезвреживания. Точно сказать о наличии данного обряда в этих погребениях мешает тот факт, что кости в них сильно истлели и сохранились лишь их мелкие фрагменты.

Далее, в IV-V вв., обезвреженные и вторичные захоронения одновременно присутствовали и на территории Посурья (Степановском (Пензенском), Селикса-Трофимовском могильниках), и в Примокшанье (Те-

зиковском могильнике). В этот период вторичные захоронения составляли 79,5 % от общего числа разрушенных захоронений этого периода, а вот обезвреженных погребений было гораздо меньше – всего 11,3 %.

В погребениях с обрядом вторичного захоронения на территории Посурья существенных изменений не произошло. Они по-прежнему были совершены в ямах прямоугольной формы, ориентированных по линии С-Ю. Однако в этот период появляются детские вторичные захоронения, а также погребения одних черепов. Кроме того, в некоторых погребениях инвентарь стали класть компактными кучками отдельно от костей.

Несколько иные черты обряд вторичного захоронения приобретает в Примокшанье. Это, скорее всего, было связано с местными традициями населения данной территории. Могильные ямы таких захоронений были ориентированы как по линии С-Ю, так и по линии З-В. Также в некоторых вторичных захоронениях присутствовали внутримогильные конструкции на дне могильной ямы, чего на территории Посурья не наблюдалось. И, наоборот, во вторичных захоронениях Примокшанья на дно ямы клали подстилку, а на территории Посурья ее не было. В остальном вторичные захоронения на данной территории были схожи с обрядом в Посурье.

Некоторые изменения в IV-V вв. происходят с обрядом обезвреживания в Примокшанье, где этот обряд существовал и ранее. Так здесь стали появляться погребения в ямах овальной формы с отвесными стенками и ровным дном, ориентированных по линии З-В. Надо отметить, что некоторые вторичные захоронения на данной территории также были ориентированы по линии З-В. Покойных клали головой либо на З, либо на В (на предыдущем этапе покойного клали головой на С). Обезвреживанию подвергали и мужчин, и женщин. Несколько изменился и

способ обезвреживания: если раньше кости покойных разрушали в области груди и черепа, то теперь разрушению также подвергались кисти рук и стопы покойных.

На территории Посурья обряд обезвреживания погребенных приобрел точно такие же черты, как и в Примокшанье, за исключением формы могильных ям. В данном случае они были прямоугольные.

К неопределенным разрушенным погребениям в данный период мы отнесли 9,09 % погребений. Интересен тот факт, что в отличие от предыдущих групп такие захоронения есть только в Посурье. К данным захоронениям отнесены мужские, женские и детские погребения, совершенные в ямах прямоугольной формы. Кости во всех захоронениях были смещены с первоначального места. Вполне возможно, что в данном случае здесь также практиковался обряд обезвреживания, так как такие погребения присутствуют в Посурье (Степановский (Пензенский) и Селикса-Трофимовский могильники). Однако в неопределенных разрушенных захоронениях этого региона не прослежено целенаправленного разрушения грудной клетки, черепа и т.д. Поэтому их отнесли к третьей группе погребений.

В VI-VII вв. обряды вторичного захоронения и обезвреживания с территории Примокшанья неожиданно исчезают. Их количество несколько уменьшается и в Посурье. Это было связано с прекращением функционирования ряда могильников, таких как Степановский (Пензенский), Селикса-Трофимовский. Однако они появляются на новых территориях.

Так, вторичные захоронения, кроме Посурья, появляются на реке Цне. В данный период этот обряд составляет 86,4 % от всех разрушенных погребений этого периода. Он практикуется населением, оставив-

шим Армиевском I могильник. По обряду вторичного захоронения хоронили и мужчин, и детей, и женщин. Кроме того, в ряде погребений присутствовали внутримогильные конструкции, что раньше было характерно для вторичных захоронений Примокшанья. Еще одной интересной чертой является то, что в некоторых вторичных захоронениях инвентарь раскладывали в порядке ношения, как при труположении.

Несколько в иной форме этот обряд проявился на реке Цне в Серповском и Пановском могильниках. Во-первых, по обряду вторичного захоронения здесь хоронили только женщин и детей, а во-вторых, кости во всех погребениях раскидывали по всему дну ямы.

Погребения с обрядом обезвреживания в этот период составляют только 4,5 % и присутствуют лишь в Ивановском могильнике Нижне-сурской группы. Однако, в отличие от предыдущих периодов в обезвреженных захоронениях V-VII вв. кости не изымались, а лишь перемешивались. Кроме того, впервые в обряде обезвреживания захоронений на территории Окско-Сурского междуречья стали применять огонь.

К неопределенным разрушенным захоронениям отнесено 9,09 % погребений (как и предыдущий период). Характерно, что такие захоронения выделены так же, как и обезвреженные, в Ивановском могильнике. Кости в этих погребениях были очень сильно перемешаны и находились на разной глубине во фрагментарном состоянии. Однако инвентарь при этом оставался в порядке ношения, что достаточно странно при таком разрушении. Можно предположить, что в данном случае все же практиковался обряд обезвреживания, хотя это трудно доказать.

В конце VIII в. обряд обезвреживания вновь появляется в Примокшанье (могильник Красный Восток) и до X в. присутствует только на этой территории, а обряд вторичного захоронения с IX по XI вв. широко

практикуется на территории Посурья в погребениях Армиевского курганно-грунтового могильника.

Причем, в это время количество вторичных погребений несколько возрастает и составляет теперь 89,7 %, а количество обезвреженных захоронений уменьшается до 3,4 %. Скорее всего, увеличение вторичных захоронений в Окско-Сурском регионе было связано с приходом нового населения, исповавшего этот обряд. Об этом говорят и такие факты, как наличие плах и гробовищ в захоронениях, а также присутствие поминальной тризны и погребального костра. Несколько меняется и ориентировка могильных ям, если ранее в могильниках Посурья они располагались по линии С-Ю, то теперь – по линии В-З. В остальном вторичные захоронения были такими же, как и в предыдущее время: кости либо разбрасывались по всему дну, либо лежали кучками на дне. Инвентарь, как правило, также располагался компактными кучками на дне ямы.

Некоторые изменения произошли и в погребениях с обрядом обезвреживания. Если ранее обезвреживанию подвергались только одиночные захоронения, то теперь появились парные обезвреженные погребения, где находился взрослый и ребенок. Однако разрушению подвергался только костяк взрослого. Несколько меняется и способ обезвреживания. Теперь у погребенных лишь отсекали кисти рук и стопы. Грудная клетка и череп оставались нетронутыми. Также меняется и ориентировка самого погребенного с северной на южную. Это свидетельствует о приходе на данную территорию какого-то нового населения. Таким образом, обряд сохранялся, но менялось его реальное использование.

К неопределенным разрушенным захоронениям этого периода нами были отнесены 6,89 % захоронений Примокшанской группы (могильник Красный Восток). Как и в предыдущий период кости в этих за-

хоронениях были сильно перемешаны, находились на дне и в засыпке могильной ямы. Скорее всего, данные погребения все же относятся к обезвреженным, но состояние костей в них очень плохое. Поэтому их отнесли к третьей группе погребений.

В XI-XIII вв. могильники на территории Посурья исчезают, и обряд вторичного захоронения перемещается на реку Теша (могильники Заречное II, Стексово II, Красное I). Тут он составил 1,65 %, что говорит о резком уменьшении количества вторичных захоронений на территории Окско-Сурского междуречья в это время. Однако со сменой территории каких-либо изменений в самом обряде не произошло.

Одновременно с вторичными на р. Теша появляются и обезвреженные захоронения (могильники Погиблово, Заречное II, Выползово II, VI, Пятницы VII, Личадеево V, Стексово II, Красное I). Кроме того, этот обряд продолжал практиковаться и в Примокшанье (могильник Татарская Лака II). В целом, по сравнению с предыдущим периодом, количество таких захоронений возросло. Они составили теперь 29,55 % всех разрушенных захоронений, что говорит о большом увеличении таких погребений по сравнению с предыдущими периодами. Несколько изменяются и способы обезвреживания. Если раньше у покойных разрушали только грудную клетку, череп или кости конечностей, то теперь появляются и полностью разрушенные захоронения. Причем разрушению подвергались преимущественно мужские погребения, а вот детские совсем отсутствуют. Несколько меняется и состав инвентаря. Теперь в мужских захоронениях Тешской группы появляются женские вещи и обезвреженные предметы (ножи, серпы). Кроме того, новой чертой в данном обряде стало наличие поминальной тризны.

На той же территории, что и обезвреженные захоронения в XI-XIII вв., отмечены и неопределенные разрушенные захоронения (могильники Татарская Лака II, Погиблово, Заречное II, Сыресево II, Выползово I, II, VI, Пятницы VII, Личадеево V, Стексово II, Красное I). К данной категории погребений отнесены 68,8 % всех разрушенных захоронений. Кости во всех погребениях были разрушены полностью, кости сохранились лишь фрагментами. Однако преобладание мужских разрушенных захоронений, наличие обезвреженного инвентаря позволяют предположить, что и в данном случае тут практиковался обряд обезвреживания погребенных.

В XIV в. вновь меняется ареал распространения как вторичных, так и обезвреженных захоронений.

Вторичные погребения после некоторого перерыва появляются в Примокшанье в погребениях Паньжинского и Беднодемьяновского могильника. Однако в этот период на данной территории никаких изменений в основных чертах обряда не происходит.

Одновременно с Примокшаньем вторичные захоронения появляются на новой территории в Поволжье (Комаровский и Аткарский могильники) и здесь в погребениях с обрядом вторичного захоронения происходят некоторые изменения: кости покойного складывают в черепную коробку.

В целом погребения с обрядом вторичного захоронения в XIV вв. составили 38,09 %, что говорит о большом увеличении таких захоронений по сравнению с предыдущим периодом.

Обезвреженные захоронения в это время из Примокшанья и р. Тешы также перемещаются в Поволжскую группу (Комаровский и Муранский могильники) и составляют здесь всего 47,6 %. Однако по способам

обезвреживания такие погребения очень схожи с обезвреженными погребениями Тешской группы предыдущего периода.

Неопределенные разрушенные захоронения в этот период составляли всего 14,28 % и присутствовали также в погребениях Муранского могильника Поволжской группы.

В целом все ритуально разрушенные захоронения по параметрам могильных ям, ориентировки погребенных и составу инвентаря практически ничем не отличались от погребений с обрядом трупоположения. Скорее всего, это связано с тем, что данные обряды связаны с местным населением.

Таким образом, погребения с разрушенными костяками на территории Окско-Сурского междуречья существовали на всем протяжении III-XIV вв. Их количество на данной территории то уменьшалось, то резко увеличивалось, и они несколько меняли свои черты, что видимо, связано с притоком инородного населения и изменением исторической ситуации. Они могли исчезнуть на одной территории, но тут же спорадически возникали на другой. Как правило, исчезновение разрушенных захоронений было связано с исчезновением могильников в данной области, но никогда они не были связаны с отказом самого народа от практики разрушать захоронения. В связи с этим можно считать, что ритуально разрушенные захоронения являются неотъемлемой частью погребальных обрядов населения Окско-Сурского междуречья.

В то же время, учитывая достаточно большой процент неопределенных разрушенных захоронений, имеются перспективы для дальнейшего изучения этой темы.

Список использованных источников и литературы

Неопубликованные источники

Акимов Н.А. Отчет об археологических исследованиях Мордовско-Паркинского могильника в Краснослободском районе Мордовской ССР в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16627.

Акимов Н.А. Отчет об археологических исследованиях Мордовско-Паркинского могильника в Краснослободском районе Мордовской ССР в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16958.

Африканов Ю.А. Отчет о раскопках Аткарского могильника в 1989 году // Архив ИА РАН.

Белорыбкин Г.Н. Отчет об археологических исследованиях могильника «Татарская Лака II» в 2002 году // Архив Пензенского государственного педагогического университета

Беляев Я.В. Отчет об исследовании могильника у села Мордовская Козловка в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7882.

Букина О.В. Погребения с остатками трупосожжений в могильниках поволжских финнов в IV-XI вв. н.э. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук // Библиотека Удмуртского государственного университета. Ф. 4/1. Д.9.

Вихляев В.И. Отчет об археологических работах в Наровчатском районе Пензенской области в 1970 году // РФ Пензенского государственного объединенного краеведческого музея. № 646/1.

Воронина Р.Ф. Отчет о раскопках Крюково-Кужновского могильника Моршанского района Тамбовской области в 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4228

Воронина Р.Ф. Отчет Чебоксарской экспедиции за 1970 г. Часть II. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4229.

Воронина Р.Ф. Отчет II чувашского отряда за 1971 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4627.

Жиганов М.Ф. Отчет о раскопках могильника у пос.Заря в Zubovo-Полянском районе МАССР в 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1577.

Жиганов М.Ф. Отчет о мордовской археологической экспедиции за 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1804.

Жиганов М.Ф. Отчет о работах Мордовской археологической экспедиции в 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1913.

Жиганов М.Ф. Отчет о работах Мордовской археологической экспедиции в 1960, 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3877.

Жиганов М.Ф. Отчет о работах археологической экспедиции Мордовского университета им. Н.П.Огарева в 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4169.

Жиганов М.Ф. Отчет о работе археологической экспедиции Мордовского государственного университета им. Н.П.Огарева в 1971 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4675.

Жиганов М.Ф. Отчет о работе археологической экспедиции Мордовского государственного университета им. Н.П.Огарева в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5127.

Жиганов М.Ф. Отчет о работе археологической экспедиции Мордовского государственного университета им. Н.П.Огарева в 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5356.

Жиганов М.Ф. Отчет о работе археологической экспедиции Мордовского государственного университета им. Н.П.Огарева в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5864.

Зеленева Ю.А. Отчет о работе 2-го отряда совместной археологической экспедиции Мордовского государственного университета и Мор-

довского республиканского краеведческого музея за 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9500.

Мартьянов В.Н. Отчет о работе археологической экспедиции в Арзамасском, Ардатовском и Дивеевском районах Горьковской области в 1986 г. // Архив ИА РАН.

Мартьянов В.Н. Отчет о раскопках могильника Красное I в Арзамасском районе и Личадеево V в Ардатовском районе Горьковской области в 1988 гг. // Архив ИА РАН.

Михеев А.В. Эволюция погребального обряда марийцев в средние века (VI – начало XVIII вв.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук // Библиотека Удмуртского государственного университета. Ф. 4/1. Д.30.

Отчет Ворониной Р.Ф. О раскопках Ивановского могильника в 1972 г. (Второй Чувашский отряд Чебоксарской экспедиции) // Архив ИА РАН. Р-1. № 4918.

Первушкин В.И. История культуры мордвы-мокши XII-XVI вв. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. // Библиотека Пензенского государственного педагогического университета.

Петербургский И.М. Отчет об археологических раскопках II Старобадиковского могильника и Второго Журавкинского могильника в Zubovo-Полянском районе Мордовской АССР в 1975 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 6003.

Петербургский И.М. Отчет об археологических раскопках II Старобадиковского могильника в Zubovo-Полянском районе Мордовской АССР в 1976 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 6366.

Петербургский И.М. Отчет об археологических раскопках II Старобадиковского могильника в Zubovo-Полянском районе Мордовской АССР в 1977 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 6715.

Полесский М.Р. Отчет об археологической разведке в Пензенской области 1952 года // РФ Пензенского государственного объединенного краеведческого музея. № 645/3.

Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1953 г. // РФ Пензенского государственного объединенного краеведческого музея. № 106.

Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1954 году // РФ Пензенского государственного объединенного краеведческого музея. № 198.

Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях в Пачелмском, Вадинском и Шемышейском районах Пензенской области в 1955 г. // РФ Пензенского государственного объединенного краеведческого музея.

Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях 1956 года в Пензенской области // РФ Пензенского государственного объединенного краеведческого музея. № 248/3.

Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях 1957 года в Пензенской области // РФ Пензенского государственного объединенного краеведческого музея. № 277.

Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1722.

Полесских М.Р. Отчет об археологических раскопках и разведках 1959 года в Пензенской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 1884.

Полесских М.Р. Отчет об археологических раскопках и разведках 1960 года в Пензенской области // Рукописный фонд Пензенского государственного объединенного краеведческого музея. № 341.

Полесских М.Р. Отчет об археологических раскопках и разведках в Пензенской области 1961 года // Рукописный фонд Пензенского государственного объединенного краеведческого музея. № 644.

Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1963 г., произведенных экспедицией Пензенского краеведческого музея // Архив ИА РАН. Р-1. № 2695.

Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области за 1964 год // Рукописный фонд Пензенского государственного объединенного краеведческого музея. № 399/2.

Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1967 году // Рукописный фонд Пензенского государственного объединенного краеведческого музея. № 645/7.

Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1968 году // Рукописный фонд Пензенского государственного объединенного краеведческого музея. № 431.

Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1969 году // Рукописный фонд Пензенского государственного объединенного краеведческого музея. № 445.

Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1970 году // Рукописный фонд Пензенского государственного объединенного краеведческого музея. № 645/8.

Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1971 году // Рукописный фонд Пензенского государственного объединенного краеведческого музея. № 645/9.

Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1972 году // Рукописный фонд Пензенского государственного объединенного краеведческого музея. № 645/10.

Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1973 году // Рукописный фонд Пензенского государственного объединенного краеведческого музея. № 645/11.

Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1975 году // Рукописный фонд Пензенского государственного объединенного краеведческого музея. № 645/13.

Расторопов А.В. Отчет об археологических исследованиях в Вадинском районе Пензенской области в 1993 г. // Рукописный фонд Пензенского государственного объединенного краеведческого музея.

Трубникова Н.В. Отчет о раскопках 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1259.

Халиков А.Х. Отчет о работах Армиевской археологической экспедиции в 1980 г. // Архив Пензенского государственного педагогического университета

Халиков А.Х. Отчет о работах Армиевской археологической экспедиции в 1981 г. // Архив Пензенского государственного педагогического университета

Халиков А.Х. Отчет о работах Армиевской археологической экспедиции в 1982 г. // Архив Пензенского государственного педагогического университета

Халиков А.Х. Отчет о работах Армиевской археологической экспедиции в 1983 г. // Архив Пензенского государственного педагогического университета

Халиков А.Х. Отчет о работах Армиевской археологической экспедиции в 1986 г. // Архив Пензенского государственного педагогического университета

Халиков А.Х. Отчет об исследованиях Серго-Поливановского курганно-грунтового могильника в 1987 году // Архив Пензенского государственного педагогического университета

Циркин А.В., Шитов В.Н. Шокшинский могильник, раскопки 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3606. Приложение.

Циркин А.В. Отчет о раскопках на Шокшинском могильнике в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №. 3664.

Шитов В.Н. Отчет об археологических работах в Теньгушевском районе республики Мордовия в 1995 г. (раскопки Шокшинского могильника) // Архив ИА РАН. Р-1. № 20151.

Опубликованные источники

Аксенов В.Н., Гришаков В.В. Тенишевский могильник // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тысячелетия н.э. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 93. Саранск, 1988. – С.63-79.

Алексеев С.И., Зеленева Ю.А., Мартыанов В.Н. Могильник Красное III // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Йошкар-Ола, 1990. – С.83-100.

Алихова А.Е. Перемчалкинский могильник // Археологический сборник. Вып. 1. Саранск, 1948а. – С.173-211.

Алихова А.Е. Старосотенский могильник // Археологический сборник. Вып. 1. Саранск, 1948б. – С. 212-258.

Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // МИА. Вып. 42. Т.1. М., 1954. – С.259-301.

Алихова А.Е. Серповский могильник // Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 93. Саранск, 1959.

Аннинский С.А. Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. – 272 с.

Архипов Г.А. Дубовский могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1984. – С. 113-159.

Беляев Я.В. Погребальный памятник XI-XIV вв. у с. Старое Бадиково (раскопки 1981-1982 гг.) // Материалы по археологии Мордовии. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 85. Саранск, 1988. – С.104-117.

Беляев Я.В., Вихляев В.И., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Кельгинский могильник. Саранск, 1998. – 186 с.

Богачев А.Ф. Тоторшевский могильник // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып.63. Саранск, 1979. – С.163-170

Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В. Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977-1978 гг.: Труды отдела Охранных раскопок ИА РАН. Том 3. М., 2005. – 176 с.

Генинг В.Ф. Деменковский могильник – памятник Ломоватовской культуры // ВАУ. Вып. 6. – С.94-162.

Горюнова Е.И. Ефаевский могильник // Археологический сборник. Вып. 1. Саранск, 1948а. – С.112-172

Горюнова Е.И. Коринский могильник // Археологический сборник. Вып. 1. Саранск, 1948б. – С.56-87.

Горюнова Е.И. Погибловский могильник // Археологический сборник. Вып. 1. Саранск, 1948в. – С.88-111.

Горюнова Е.И. Сарлейский могильник // Археологический сборник. Вып. 1. Саранск, 1948 г. – С.6-55.

Ефименко П.П. Иваньковский и Гавердовский могильники древней мордвы // Материалы по археологии и этнографии мордвы. Тр. МНИИ-ЯЛИЭ. Вып. 48. Саранск, 1975. – С.7-36.

Жиганов М.Ф. Старший Кужендеевский могильник // СА. № 1. 1959.

Зеленева Ю.А. Дубровский могильник // Материалы по археологии Мордовии. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 52. Саранск, 1976б.

Иванов П.П. Материалы по истории мордвы VIII – XI вв. Моршанск, 1952. – 232 с.

Мартьянов В.Н. Могильник Красное I // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тысячелетия н.э. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 93. Саранск, 1988б. – С.80-100.

Мартьянов В.Н. Могильник Личадеево V // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып.99. Саранск, 1990. – С.53-63.

Петербургский И.М. Второй Журавкинский могильник // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып.63. Саранск, 1979. – С.57-103.

Петербургский И.М. Второй Старобадиковский могильник // Вопросы истории мордовского народа. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып.80. Саранск, 1987. – С.50-78.

Петербургский И.М., Аксенова Т.В., Гришаков В.В., Первушкин В.И. Стародевиченский могильник // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып.99. Саранск, 1990. – С.64-99.

Петербургский И.М., Первушкин В.И. Стародевический могильник // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып.107. Саранск, 1992. – С.69-104.

Петербургский И.М., Дивлишов А.В., Охотина Т.Н., Седышев О.В. Степановский могильник // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Труды ГИМ. Вып. 135. М., 2002. – С.136-141.

Полесских М.Р. Тезиковский могильник IV-V вв. // Исследования по истории, этнографии и археологии Мордовской АССР. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. XXX. Саранск, 1966. – С.268-296.

Полесских М.Р. Армиевский могильник // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып.63. Саранск, 1979. – С.5-56.

Степанов П.Д. Паньжинский могильник // Из древнейшей и средневековой истории мордовского народа. Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск. 1959. – С. 195-201.

Шитов В.Н. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В.Н. Глазова в 1902 г.) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тысячелетия н.э. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып.93. Саранск, 1988а. – С.4-43.

Шитов В.Н. Сергачский могильник «Святой ключ» // Материалы по археологии Мордовии. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып.85. Саранск, 1988б. – С.134-141.

Шитов В.Н. Старокадомский могильник // Материалы по археологии Мордовии. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып.85. Саранск, 1988в. – С.23-70.

Литература

Аксенов В.С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры // РА. № 3. М., 2002. – С.98-114.

Алёкшин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (По археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока). Ленинград, 1986. – 192 с.

Алихова А.Х. Мордовские могильники X-XIV веков // КСИИМК. Вып. 25. 1949а. – С.137-138.

Алихова А.Е. Мордва и мурома // КСИИМК. Вып. 30. 1949б. – С.26-30.

Алихова А.Е. Среднецнинская мордва. Материальная культура среднецнинской мордвы VIII-XI вв. По материалам раскопок П.П. Иванова за 1927-1928 гг. Саранск, 1969. – 176 с.

Аникин И.С. Об этнической принадлежности курганных погребений средневековой мордвы (по материалам раскопок Сарлейского могильника // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья. Саранск, 2000. – С.67-70.

Архипов Г.А., Вайнер И.С., Каховский В.Ф. Краснов Ю.А., Никитина Г.Ф., Патрушев В.С., Цветкова И.К. Работы Чебоксарской экспедиции // АО 1971 г. М., 1972. – С.174-180.

Ашихмина Л.И. О ритуальных нарушениях погребений эпохи великого переселения народов в бассейне Вычегды (предварительные заметки) // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Материалы международной научной конференции. Пермь, 2003. – С.184-187.

Бакшаев Т.С. От усопшего к божеству (ритуальный процесс по-
смертной деификации на Окинаве) // Теоретические и методические
подходы к изучению погребального обряда в современной археологии.
Тезисы докладов всероссийской научной конференции. М., 2005. – С.4-
5.

Бейлекчи В.В. Древности муромы (погребальный обряд и поселе-
ния). М., 2005. – 278 с.

Белорыбкин Г.Н., Халиков А.Х. Раскопки Армиевского могильни-
ка // АО 1983. М. – С.138.

Белорыбкин Г.Н., Кишинская С.А. Историография древней исто-
рии Пензенского края. (Учебно-методическое пособие для студентов ис-
торического факультета). Пенза, 1995. – 107 с.

Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза, 2003.
– 199 с.

Беляев Я.В., Шитов В.Н. К истории древней мордвы Среднего
Примокшанья // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья.
Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып.99. Саранск, 1990. – С.47-52.

Бражник О.И. Обряд ритуального обезвреживания покойников (по
материалам грунтовых погребений Осиновского IV могильника) // Меж-
дународное (XVI Уральское) археологическое совещание. Материалы
международной научной конференции. Пермь, 2003. – С.190-191.

Винничек В.А., Губанов А.А. Могильник «Татарская Лака II» в
системе средневековых памятников мордвы // Археология восточноев-
ропейской лесостепи. Сборник материалов Всероссийской научной кон-
ференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Е. Алиховой.
Пенза, 2003.

Вихляев В.И. Культурные связи сурско-цнинской мордвы с аланскими племенами Северного Кавказа и Дона во второй половине I тыс. н.э. // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып.45.Саранск, 1974. – С.57-69.

Вихляев В.И. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск, 1977. – 99 с.

Вихляев В.И. О генезисе культуры южномордовских племен // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып.63. Саранск, 1979. – С.140-147.

Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск, 2000. – 132 с.

Вихляев В.И. К вопросу о ранней стадии пензенских могильников // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Труды ГИМ. Вып. 135. М., 2002.

Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.

Воронина Р.Ф., Колышницына О.М. Раскопки Иваньковского могильника // АО 1971 г. М., 1972. – С.181-182.

Воронина Р.Ф. О некоторых чертах верований средневековой мордвы VIII-XI вв. // СА. № 1. 1975.

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализационно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев, 1990. – 304 с.

Голдина Р.Д. Погребальный обряд Худяковского могильника // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья I тыс. до н.э. – I тыс.н.э. Йошкар-Ола, 1987. – С.41-63.

Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск, 1989.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990. – 173 с.

Гольмстен В.В. Наземные погребения в Среднем Поволжье // КСИИМК. Вып. 5. 1940. – С.56-58.

Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961.

Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. М.-Л., 1930. – 280 с.

Гришаков В.В. К истории населения правобережья Нижней Оки в конце I тысячелетия нашей эры // Материалы по археологии Мордовии. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып.85. Саранск, 1988. – С. 71-103.

Гришаков В.В., Зеленева Ю.А. Муром VII-XI вв. Йошкар-Ола, 1990. – 77 с.

Гришаков В.В. О ранней стадии пензенских могильников // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории). Тезисы конференции. Саранск, 2000. – С. 8-15.

Гришаков В.В. Население верховьев Мокши и Суры накануне средневековья. Саранск, 2005. – 95 с.

Дорошенко Е.А. Зороастрийцы в Иране. М., 1982.

Древнейшие государства Кавказа и средней Азии / Археология СССР. М., 1985.

Дубынин А.Ф. Малышевский могильник (К истории Нижней Оки в I тысячелетии н.э.) // КСИИМК. Вып. 25. 1949а. – С.134-136.

Жиганов М.Ф. К истории мордовских племен в конце I тыс. н.э. // СА. № 4. 1961.

Жиганов М.Ф. Память веков. Изучение археологических памятников мордовского народа за годы советской власти. Саранск, 1976. – 136 с.

Зайцева О.В., Ражев Д.И. Тафономические индикаторы вторичности погребения // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии. Тезисы докладов всероссийской научной конференции. М., 2005. – С.9-11.

Зеленеев Ю.А. Погребальный обряд населения Западной части Среднего Поволжья в I тыс. н.э. Инструментарий исследования. Саранск, 1976а. – 14 с.

Зеленеев Ю.А. Элементы погребального обряда мордвы VI-XI вв. // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья I тыс. до н.э. – I тыс.н.э. Йошкар-Ола, 1987. – С.90-116.

Зеленеев Ю.А. Основные модели погребального обряда мордвы V-IX вв. // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Йошкар-Ола, 1990. – С.115-126.

Зеленеев Ю.А. Задачи изучения мордовской погребальной обрядности VI-X вв. и история накопления источников // Историко-археологическое изучение Поволжья. Межвузовский сборник. Йошкар-Ола, 1994. – С.49-56.

Зеленеев Ю.А. Методика исследования погребального обряда мордвы VI-X вв. // Методика и методологические предпосылки археологических исследований. Йошкар-Ола, 1995а.

Зеленеев Ю.А. Погребальный обряд мордвы и этнокультурные процессы в Волго-Окском регионе в VI-X в. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Йошкар-Ола, 1995б.

Зеленеев Ю.А., Шитов В.Н. О планировке Старокадомского могильника // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып.63. Саранск, 1979. – С.134-139.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

Зеленцова О.В. Динамика развития погребального обряда мордвы во второй половине VII – XI в. (по материалам среднецнинских могильников) // Финно-угорский мир: история и современность. Материалы конференции. Саранск, 2000.

Иванов В.А., Любчанский И.Э. Новые памятники средневековых кочевников в степях Южного Зауралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 4. Уфа, 2003. – С. 230-243.

Краснов Ю.А. Безводинский могильник. (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М., 1980. – 224 с.

Кузьмин Н.Ю. Ограбление или обряд? //Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб., 1991. – С.146-155.

Лаврин А.П. Энциклопедия смерти. Новосибирск, 1995. 768 с.

Ледяйкин В.И. О преемственности между городецкой и древне-мордовской культурами // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып.48. Саранск, 1975. – С.37-45.

Малкова Н.М. Погребальные традиции мордвы в середине XVIII – начале XIX вв. (по материалам археологических раскопок Коноваловского могильника // Самарский край в истории России. Материалы конференции. Самара, 2001. – С.214-218.

Маркелов М.Т. Культ умерших в похоронном обряде волгокамских финнов // Религиозные верования народов СССР. Т.2. М., 1931.

Мартьянов В.Н. Археологические памятники мордвы конца I – начала II тысячелетия в Горьковской области // Материалы по археологии Мордовии. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып.85. Саранск, 1988а. – С.118-131.

Мартьянов В.Н. Захоронения коней в могильниках мордвы левобережья р.Теши в конце I – начале II тысячелетия н.э. // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып.107. Саранск, 1992. – С.53-68.

Мартьянов В.Н. Могильник Заречное II // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1998. – С. 91-105.

Мартьянов В.Н. Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия. Арзамас, 2001. – 322 с.

Маскаев А.И. Мордовская народная сказка. Саранск, 1947.

Маслюженко Д.Н., Шилов С.Н. Разрушение могил в системе погребальной обрядности эпохи средней бронзы // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Материалы международной научной конференции. Пермь, 2003. – С.212-213.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997. – 226 с.

Матвеева Г.И. Обряд обезвреживания погребенных в могильниках IV-VII веков в Южном Приуралье и Среднем Поволжье // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Материалы международной научной конференции. Пермь, 2003. – С.210-212.

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV-VII вв.: именьковская культура. Самара, 2004. – 168 с.

Мельник В.И. Особые виды погребений катакомбной общности. М., 1991. – 137 с.

Можитов И.А. Курганы Южного Урала VIII – XII вв. М., 1981.

Мокшин Н.Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 1993. – 240 с.

Мокшин Н.Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск, 1998. – 248 с.

Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. Саранск, 2004. – 991 с.

Моржерин К.Ю. Обряд обезвреживания погребенных в Комаровском грунтовом могильнике мордвы XIII-XIV вв. // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории). Тезисы конференции. Саранск, 2000. – С.60-63.

Моця А.П. Население Среднего Поднепровья IX-XIII вв. по данным погребальных памятников. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Киев, 1980. – 19 с.

Моця А.П. Южнорусские земли в IX-XIII вв. (по данным погребальных памятников). Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. Киев, 1991. – 31 с.

Никитина Г.Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М., 1985. – 208 с.

Никитина Г.Ф. Анализ археологических источников могильника Черняховской культуры у села Оселивка. М., 1995. – 230 с.

Никитина Т.Б. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников). Йошкар-Ола. 1999. – 160 с.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола. 2000. – 432 с.

Овсянников В.В., Яминов А.Ф. Исследования могильника у Чертова городища в Уфе (1911-1912 годы) // Уфимский археологический вестник. Вып. 4. Уфа. 2003. – С.16-57.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядности в системе взаимосвязанных понятий // СА. № 1. 1986. С.65-76.

Ольховский В.С. Обычай и обряд как формы традиции // РА. № 2. 1997. – С.159-168.

Осипова Т.В. К проблеме обряда вторичного захоронения Среднего Поволжья // VIII Ключевские чтения. Материалы конференции. Пенза, 1999. – С.5-12.

Осипова Т.В. Основные черты обряда вторичного захоронения в Сурско-Окском междуречье // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории). Тезисы конференции. Саранск, 2000. – С.57-60.

Осипова Т.В. Семантика костюма из погребений с обрядом вторичного захоронения на территории Окско-Сурского междуречья // Культура степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Тезисы докладов III Международной археологической конференции. Самара, 2000. – С.108-109.

Осипова Т.В. Погребальный обряд Армиевского курганно-грунтового могильника (IX-XI вв.) // I Лебедевские чтения. Материалы конференции. Пенза, 2001. – С. 63-66.

Осипова Т.В. Погребения с разрушенными костяками в Окско-Сурском междуречье // Археология восточноевропейской лесостепи. Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию А.Е. Алиховой. Пенза, 2003. – С. 330-332.

Осипова Т.В. История изучения погребений с разрушенными костяками в средневековых памятниках поволжских финнов // V Лебедевские чтения. Материалы конференции. Пенза, 2004. – С.87-90.

Осипова Т.В. Об особой группе погребений средневековых памятников Верхнего Посурья и Примокшанья (8-14 веков) // Материалы XXXVI Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Пенза, 2004. – С.144-146.

Осипова Т.В. Погребения с обрядом вторичного захоронения Ивановского могильника // Материалы XXXVII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Челябинск, 2005. – С.153.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск. 1997.

Первушкин В.И. Проблема типологии мокшанского погребального обряда XII-XIV вв. // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории). Тезисы конференции. Саранск, 2000.

Перевозчикова С.А. Обряд обезвреживания погребенных по материалам могильников Неволинской культуры // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Материалы международной научной конференции. Пермь, 2003. – С.213-215.

Петербургский И.М. К вопросу о кузнечном и ювелирном ремесле мордвы (по раскопкам Шокшинского могильника VI-X вв.) // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып.45. Саранск, 1974. – С.42-56.

Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА №142. М., 1967. – 200 с.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.

Поволжье в средние века. М., 1970.

Полесских М.Р. В недрах времен. Археологические памятники в Пензенской области. Пенза, 1956. – 103 с.

Полесских М.Р. Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области // СА. № 4. 1959. – С.202-211.

Полесских М.Р., Археологические памятники Пензенской области. Путеводитель. Пенза, 1970а. – 163 с.

Полесских М.Р. Некоторые памятники мордвы-мокши конца I и начала II тысячелетий н.э. // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 39. Саранск, 1970б. – С.116-133.

Полесских М.Р. Новые памятники древнейшей мордвы // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып.45.Саранск, 1974. – С.12-32.

Полесских М.Р. К вопросу о субстрате селиксенской культуры // Материалы по археологии Мордовии. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 52. Саранск, 1976.

Полесских М.Р. Древнее население Верхнего Посурья и Примокшаня. Археологические очерки. Пенза, 1977.

Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии). М., 1971. – 128 с.

Рапопорт Ю.А. Религия древнего Хорезма: некоторые итоги исследований // Этнографическое обозрение. № 6. 1996.

Рапопорт Ю.А. Религиозные верования хорезмийцев в доисламское время // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Труды ГИМ. Вып. 135. М. 2002. – С.141-143.

Рыков П.С. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930.

Рычков Н.А. Традиция, обычай, обряд (к соотношению понятий) // РА. № 2. 1997. – С.150-158.

Седов В.В. Восточные славяне в VI - VIII вв. М., 1982. – 328 с.

Седов В.В. Об одной особенности погребальной обрядности финно-угров // Древности славян и финно-угров. Доклады советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии (6-22 мая 1986 г.). М., 1992. – С. 91-94.

Смирнов И.Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. Саранск, 2002. – 296 с.

Смирнов Ю.А. Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М., 1997. – 279 с.

Смирнов Ю.А. Погребение: морфология и интерпретация // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии. Тезисы докладов всероссийской научной конференции. М., 2005. – С.13-14.

Степанов П.Д. Древняя история мордвы-эрзи (часть II) // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 39. Саранск, 1970. – С.26-66.

Степанов П.Д. Андреевский курган. К истории мордовских племен на рубеже нашей эры. Саранск, 1980. – 108 с.

Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР. М., 1981. – 304 с.

Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990

Третьяков П.Н. П.П. Ефименко и финно-угорская археология // Материалы по археологии и этнографии мордвы. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 48. Саранск, 1975. – С.3-6.

Трубникова Н.В. Некоторые погребения Кошибеевского могильника и черты общественного строя того времени // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 39. Саранск, 1970. – С.103-115.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. М., 1987. – 510 с.

Флеров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. Волгоград, 1993. – 144 с.

Флеров В.С. Аланы Центрального Предкавказья V-VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М., 2000а. – 164 с.

Флеров В.С. Розыскания по обряду обезвреживания погребенных в раннесредневековой Восточной Европе // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2000б. Т.1 – С. 55-74.

Флеров В.С. Обряд обезвреживания погребенных Хазарии на археологическом фоне Восточной Европы в I тыс. н.э. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2005. Т.4 – С. 383-406.

Флерова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М., 2001. – 161 с.

Халиков А.Х., Валиуллина С.И. Проблемы изучения археологии Среднего Поволжья и Приуралья в Казанском университете // Страницы истории Поволжья и Приуралья. Казань, 1984. – С.162-182.

Халиков А.Х. Буртасы и их историко-археологическое определение // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртас. Пенза, 1990. – С.88-97.

Циркин А.В. Проникновение славянской культуры в быт и погребальный обряд мордвы (VII-XIII вв.) // Исследования по истории, этнографии и археологии Мордовской АССР. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 30. Саранск, 1966. – С.217-234.

Циркин А.В. Культурные связи мордвы с прикамскими племенами во II-X вв. // Материалы по археологии и этнографии мордвы. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 48. Саранск, 1975. – С.46-57.

Шитов В.Н. Шокшинский могильник: два погребения с монетами // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып.99. Саранск, 1990.

Шитов В.Н. Расселение древней мордвы (по материалам погребальных памятников) // Финно-угорский мир: история и современность. Материалы конференции. Саранск, 2000. – С.52-60.

Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. Ижевск, 2001.

Список сокращений

АО – Археологические открытия

ВАУ – Вопросы археологии Урала

ГИМ – Государственный исторический музей

ИА РАН – Институт археологии Российской Академии Наук

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

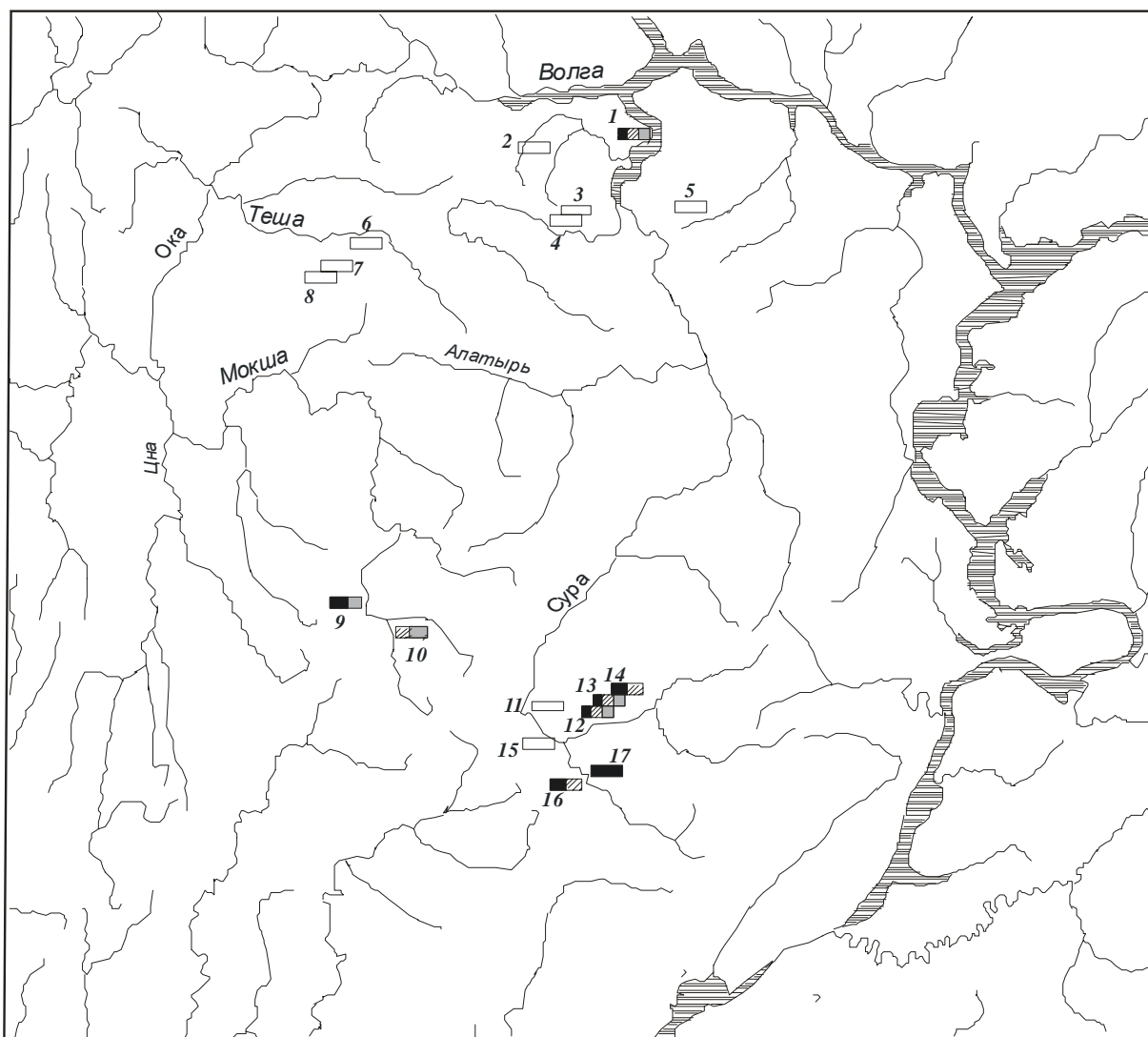
МИА – Материалы и исследования по археологии

МНИИЯЛИЭ – Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики

РА – Российская археология

СА – Советская археология

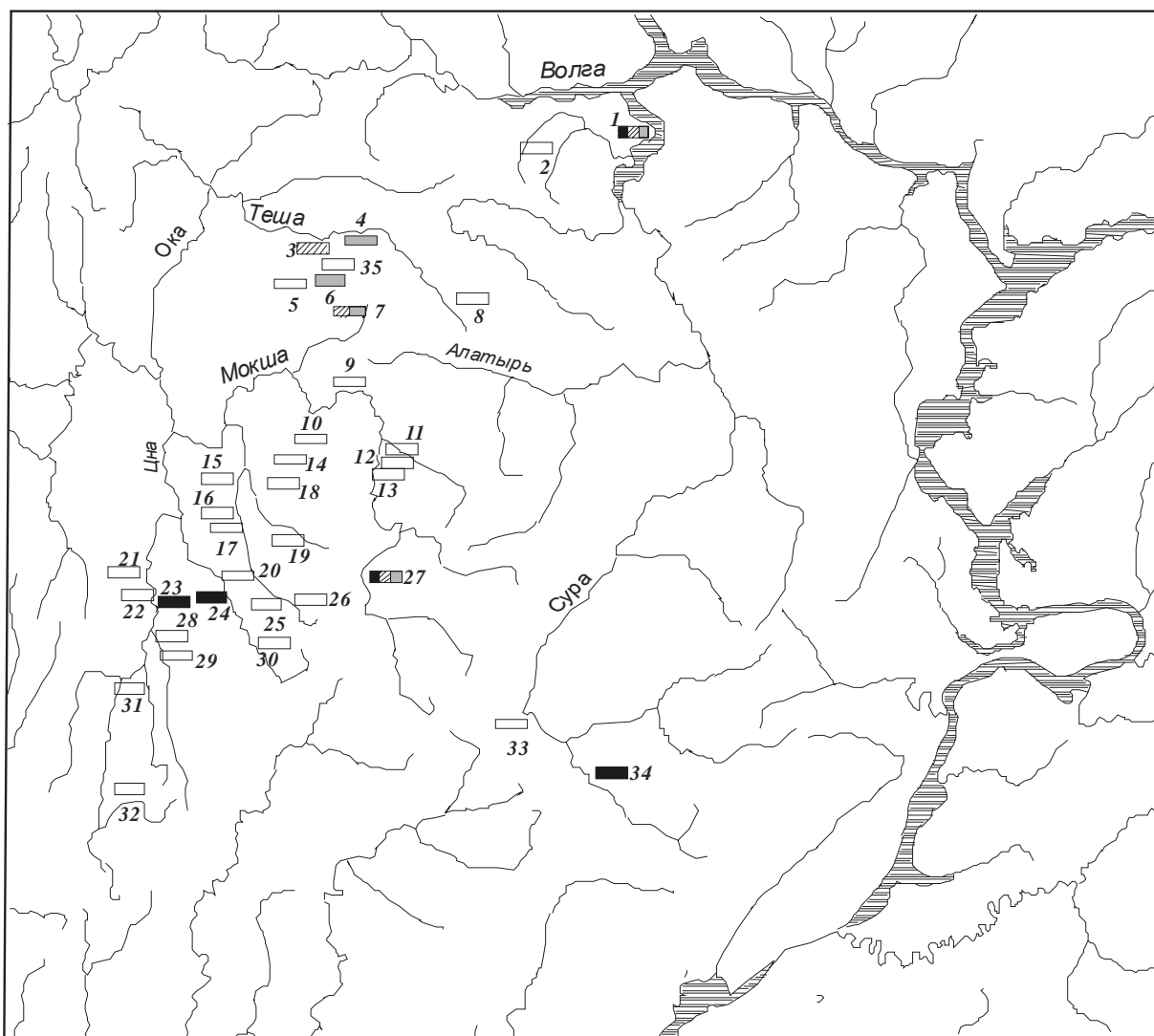
Приложение

- - могильники, где присутствует обряд вторичного захоронения
- ▨ - могильники, где присутствует обряд обезвреживания
- ▩ - могильники с неопределенными разрушенными захоронениями
- - могильники, где ритуально разрушенных захоронений нет.

Рис. 1. Погребальные памятники мордвы в III-VII вв. (по В.Н. Шитову).

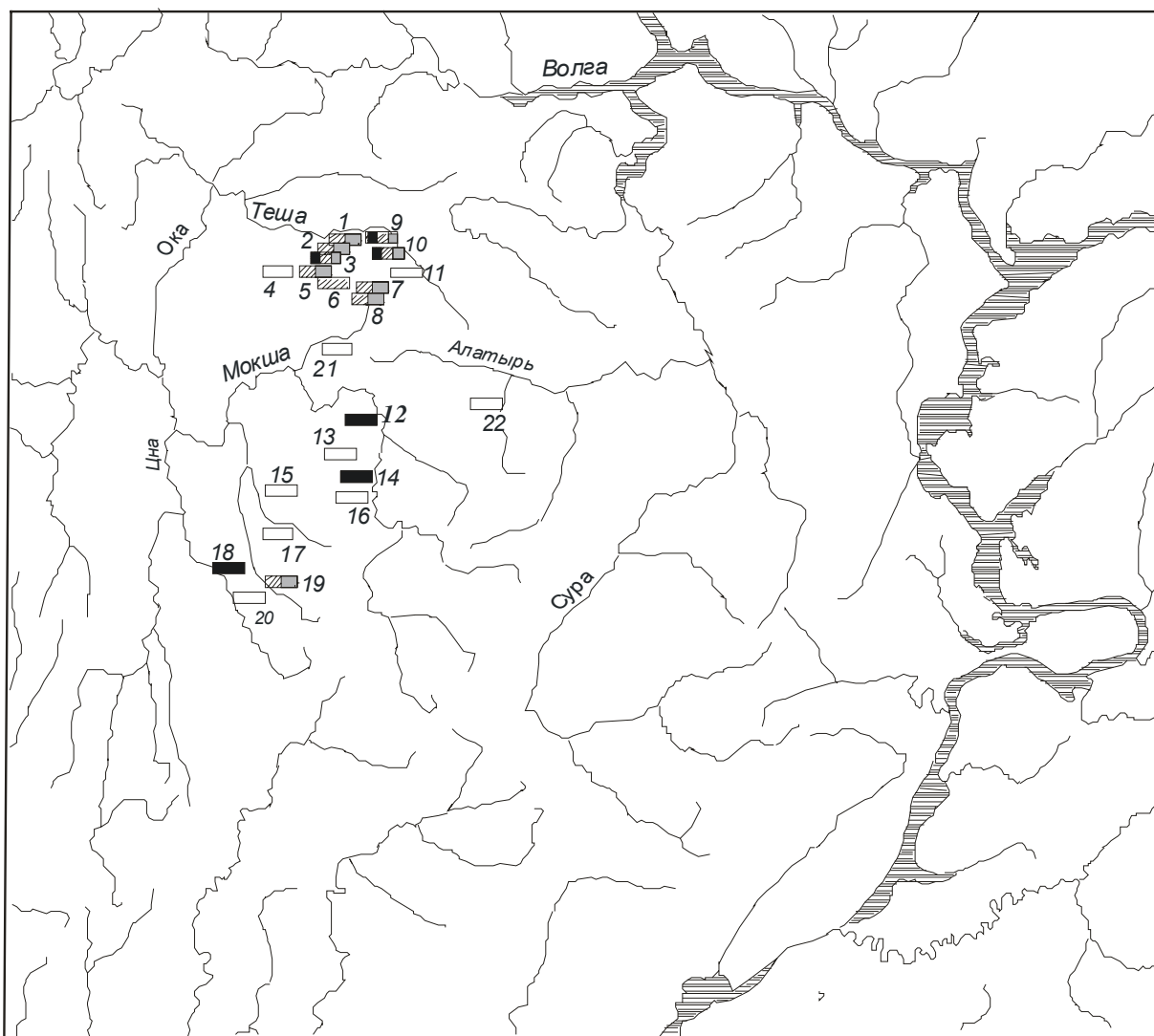
1- Ивановский; 2- Волчихинский; 3- Сергачский («Святой ключ»); 3- Сергачский («Кожина слобода»); 5- Таутовский; 6- Абрамовский; 7- Стексовский; 8- Погибловский; 9- Тезиковский; 10- Ражкинский; 11- Пензенский; 12- Селиксенский; 13- Селикса-Трофимовский; 14- Степановский (Пензенский); 15- Алферьевский; 16- Шемышейский; 17- Армиевский I.

- - могильники, где присутствует обряд вторичного захоронения
- ▨ - могильники, где присутствует обряд обезвреживания
- ▩ - могильники с неопределенными разрушенными захоронениями
- - могильники где ритуально разрушенных захоронений нет.

Рис. 2. Погребальные памятники мордвы в VII-XI вв. (по В.Н. Шитову).

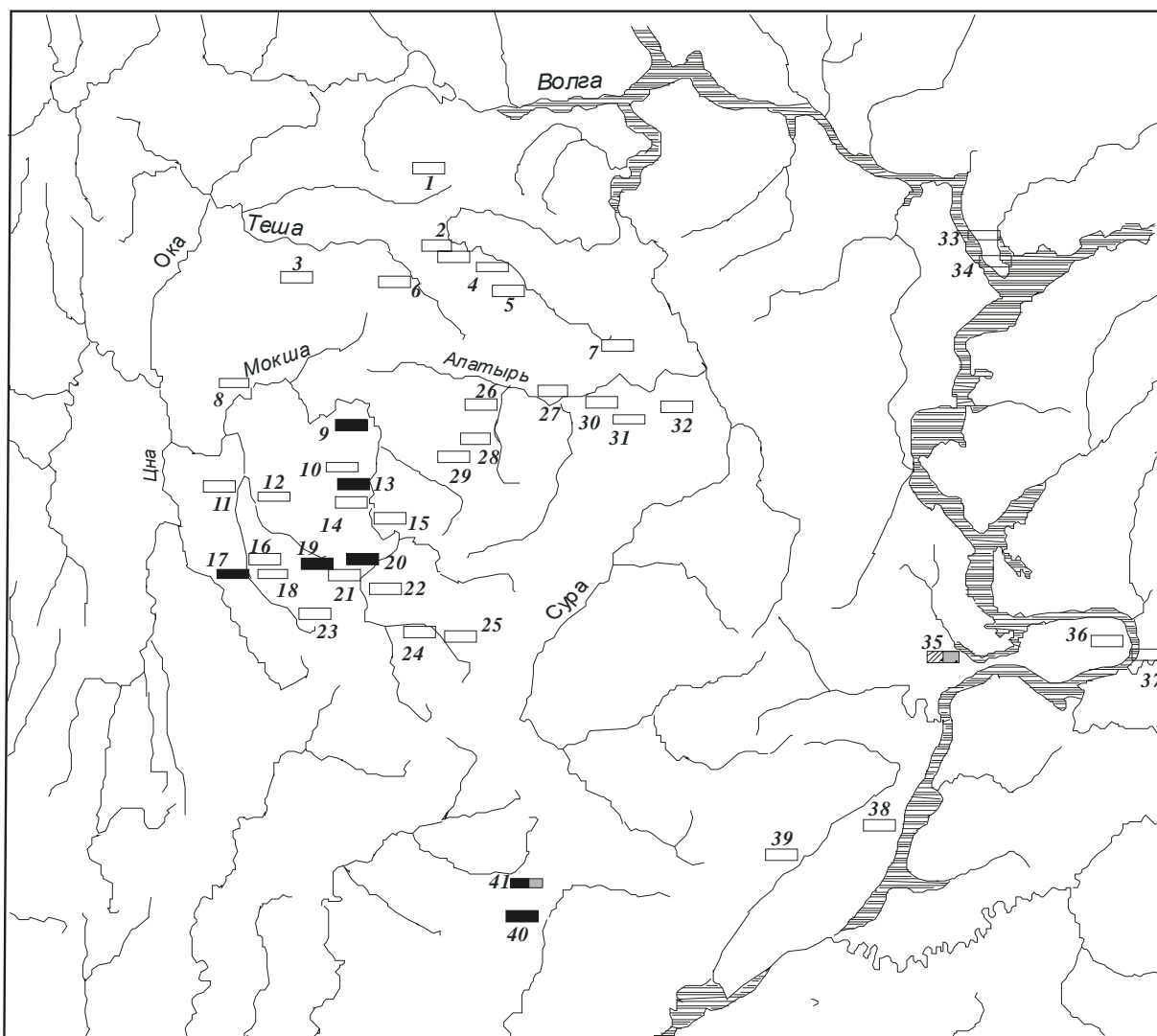
1- Ивановский; 2- Волчихинский; 3- Личадеево V; 4- Красное III; 5- Старший Кужендеевский; 6- Погибловский; 7- Выползово I; 8- Перемчалкинский; 9- Пурдошанский; 10- Мордовско-Козловский; 11- Краснослободский -Мещанский лес-; 12- Старозубаревский; 13- Тенишевский; 14- Степановский; 15- «Заря» I; 16- Журавкинский I; 17- Журавкинский II; 18- Куликовский; 19- Кельгининский; 20- Старобадиковский II; 21- Томниковский; 22- Давыдовский; 23- Серповский; 24- Пановский; 25- Луговской; 26- Кармалейский; 27- «Красный-Восток»; 28- Елизавет-Михайловский; 29- Крюково-Кужновский; 30- Малоижморский; 31- Кулеватовский; 32- Лядинский; 33- Кривозерский; 34- Армиевский II; 35- Хохловский.

- - могильники, где присутствует обряд вторичного захоронения
- ▨ - могильники, где присутствует обряд обезвреживания
- ▧ - могильники с неопределенными разрушенными захоронениями
- - могильники где ритуально разрушенных захоронений нет.

Рис. 3. Погребальные памятники мордвы в XI-XIII вв. (по В.Н. Шитову).

1- «Пятница» VII; 2- Личадеево V; 3- Стековский II; 4- Младший Кужендеевский; 5- Погибловский; 6- Сыресевский; 7- Выползово II; 8- Выползово VI; 9- Красное I; 10- Заречное II; 11- Коринский; 12- Стародевиченский; 13- Мордовско-Паркинский; 14- Ефаевский; 15- Куликовский; 16- Черемисский; 17- Кельгининский; 18- Старобадиковский I; 19- Татаро-Лакинский; 20- Сядемский; 21- Саровский; 22- Дубровский.

- - могильники, где присутствует обряд вторичного захоронения
- - могильники, где присутствует обряд обезвреживания
- ▨ - могильники с неопределенными разрушенными захоронениями
- - могильники где ритуально разрушенных захоронений нет.

Рис. 4. Погребальные памятники мордвы в XIII- XIV вв. (по В.Н. Шитову).

1- Сарлейский; 2- Ичалковский; 3- Младший Кужендеевский; 4- Борнуковский I,II; 5- Гагинский; 6- Коринский; 7- Большеигнатовский; 8- Нароватовский; 9- Стародевиченский; 10- Мордовско-Паркинский; 11- «Заря» II; 12- Куликовский; 13- Ефаевский; 14- Черемисский; 15- Волгапинский; 16- Калиновский; 17- Старобадиковский I; 18- Пичпандинский; 19- Беднодемьяновский; 20- Паньжинский; 21- Старосотенский; 22- «Казбек»; 23- Кармалейский; 24- Долгоруковский; 25- Черноезерский; 26- Дубровский; 27- Кендянский; 28- Василевский; 29- Вертелимский; 30- Папулевский; 31- Киржеманский; 32- Манадышский; 33- Карташихинский I; 34- Карташихинский II; 35- Муранский; 36- Усинский II; 37- Барбашинский; 38- Черемшанский; 39- Покровский; 40- Аткарский; 41- Комаровский.

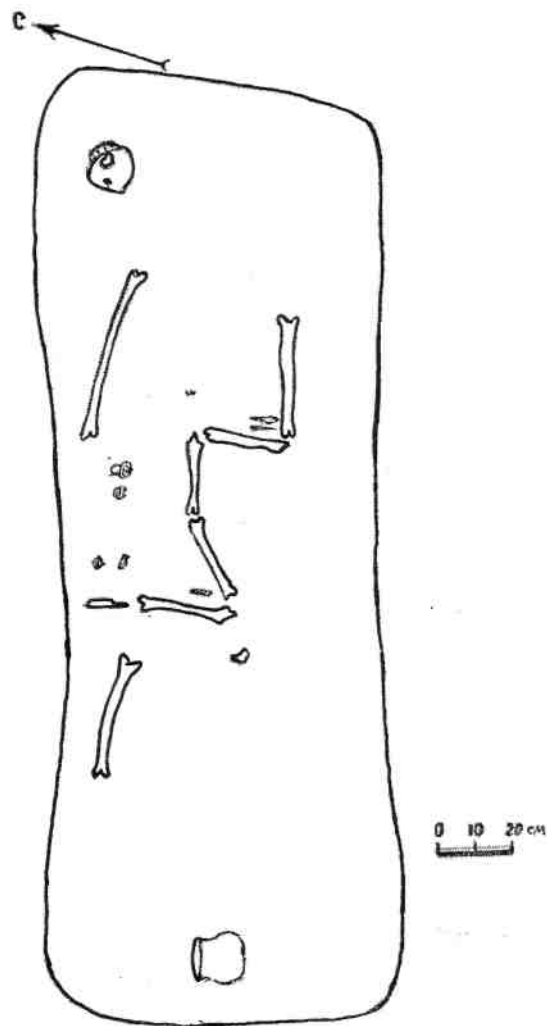

Рис.5. Погребение 57 Тезиковского могильника (вторичное)

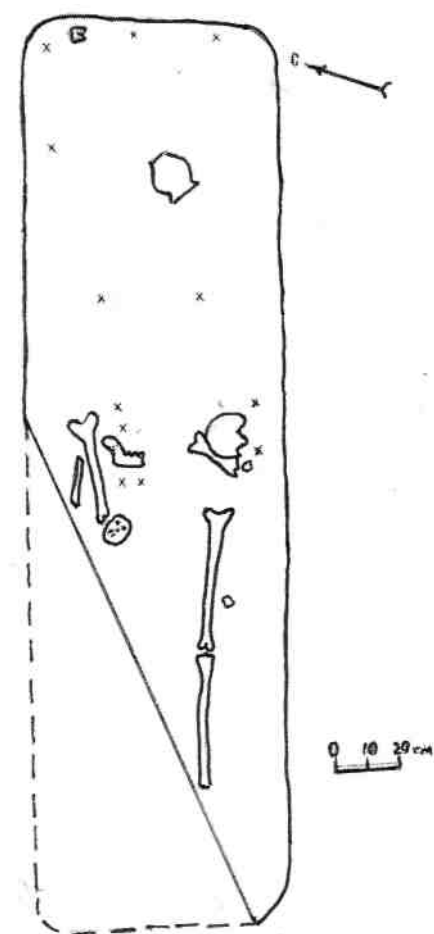

Рис.6 Погребение 58 Тезиковского могильника (вторичное)

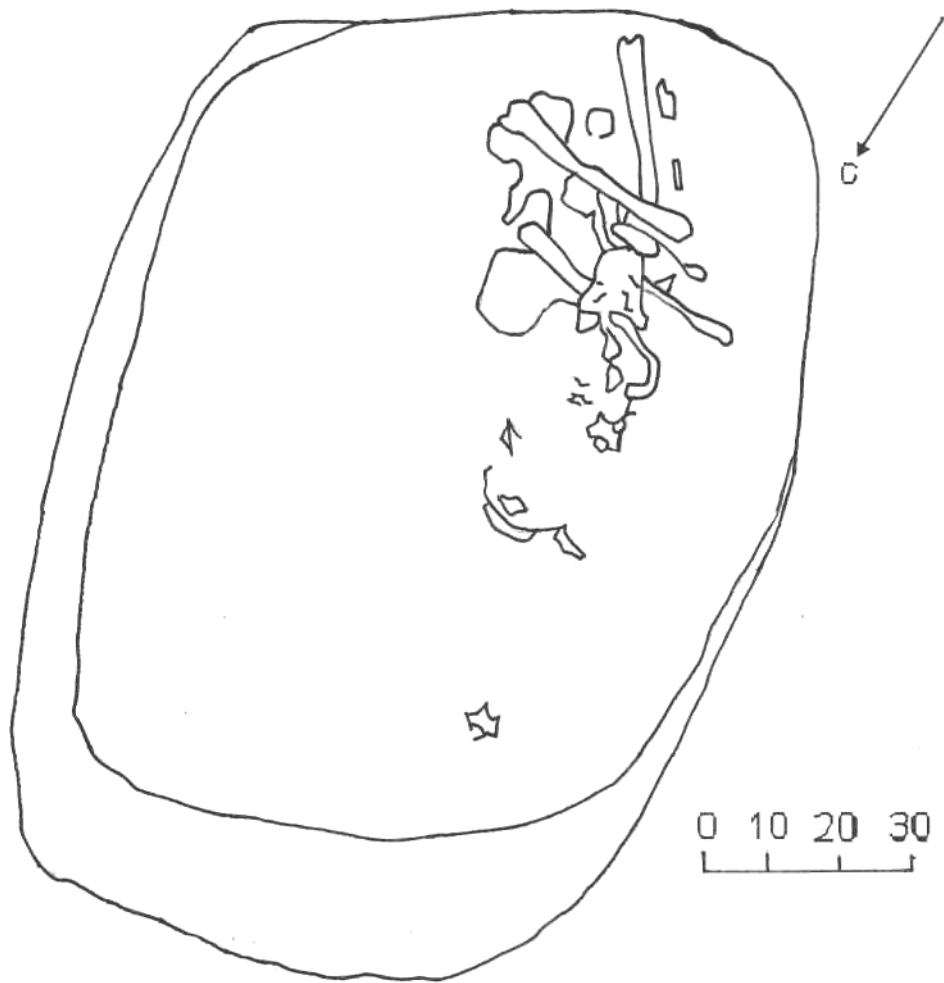

Рис.7. Погребение 71 Иваньковского могильника (вторичное)

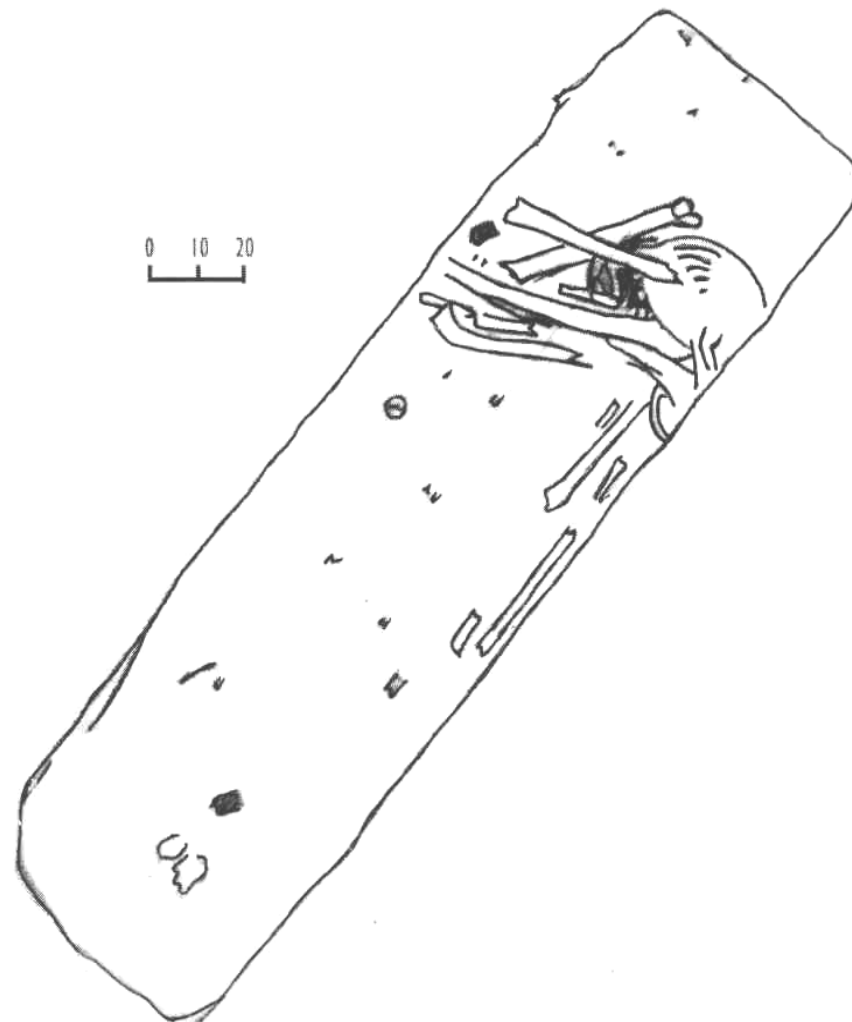

Рис.8. Погребение 55 Селикса-Трофимовского могильника (вторичное)

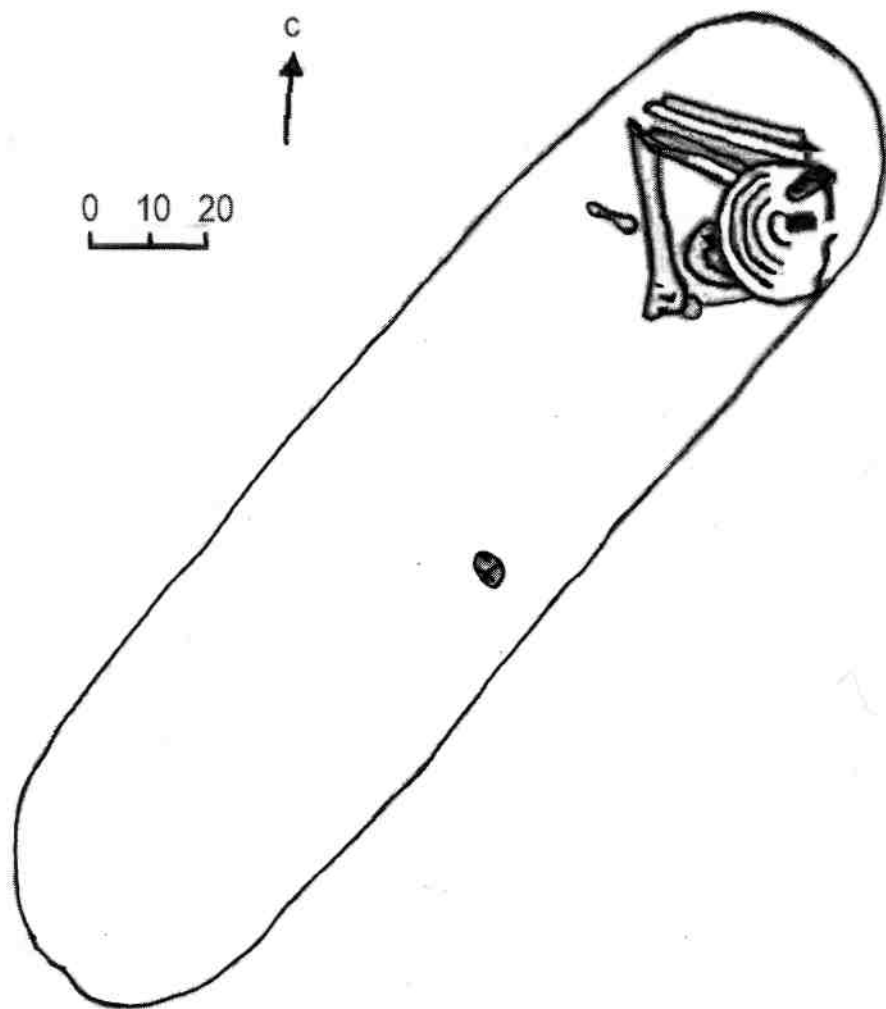

Рис.9. Погребение 54 Селикса-Трофимовского
могильника (вторичное)

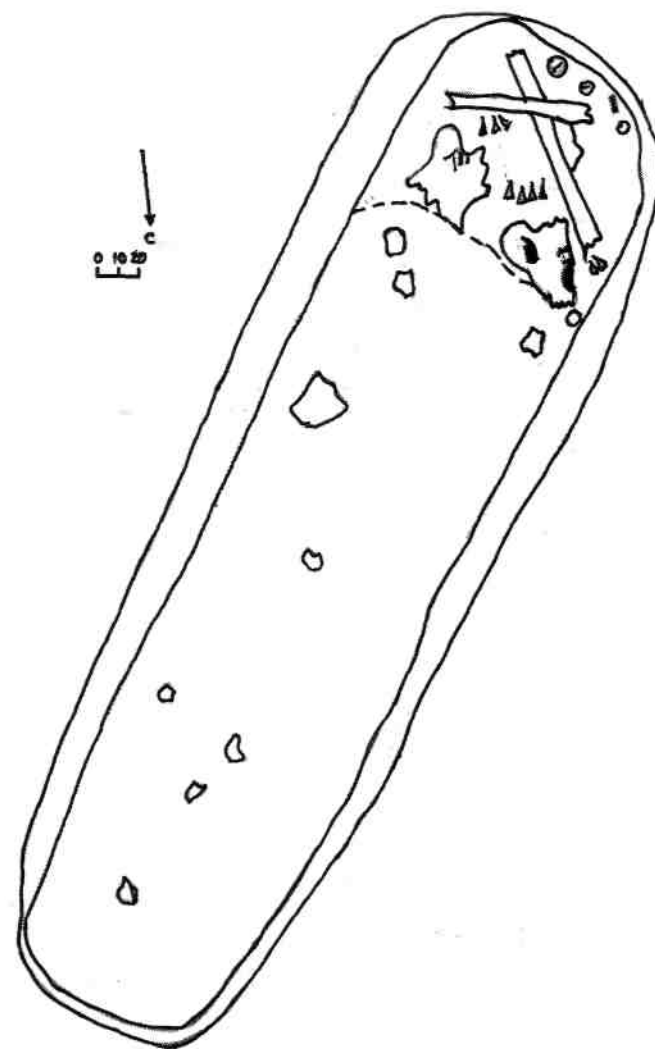

Рис.10. Погребение 228 Армиевского I
могильника (вторичное)

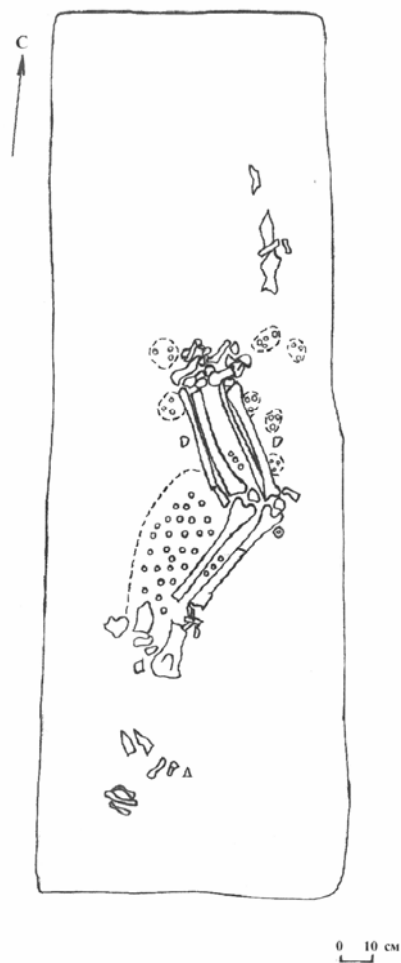

Рис. 11. Погребение 28 могильника Татарская Лака II
(обезвреженное)

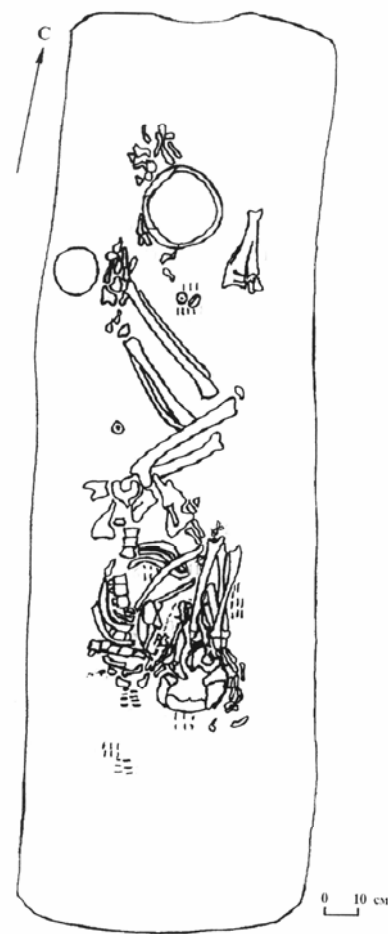

Рис. 12. Погребение 7а могильника Татарская Лака II
(обезвреженное)

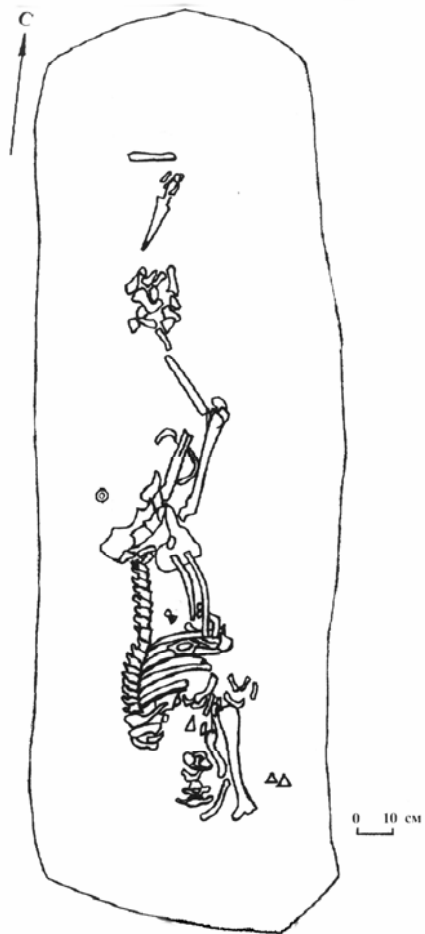

Рис. 13. Погребение 27 могильника Татарская Лака II
(обезвреженное)

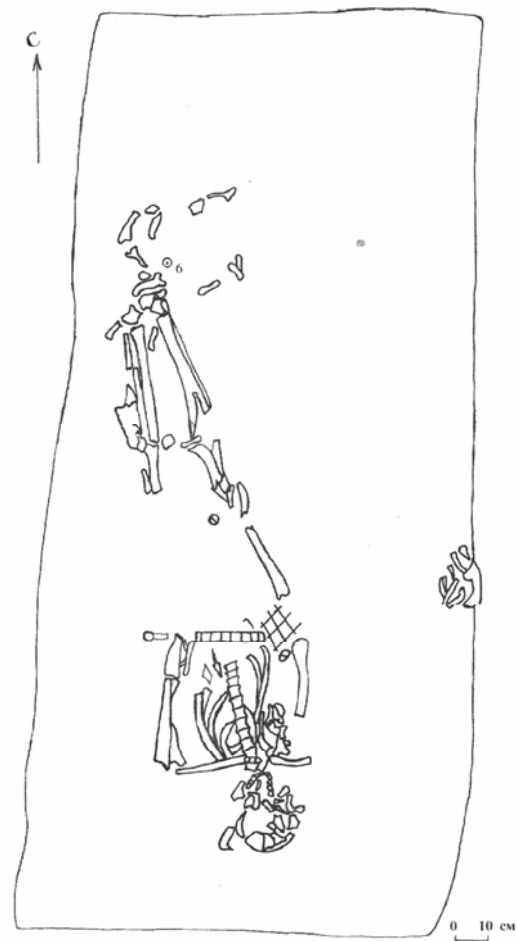

Рис. 14. Погребение 17 могильника Татарская Лака II
(обезвреженное)

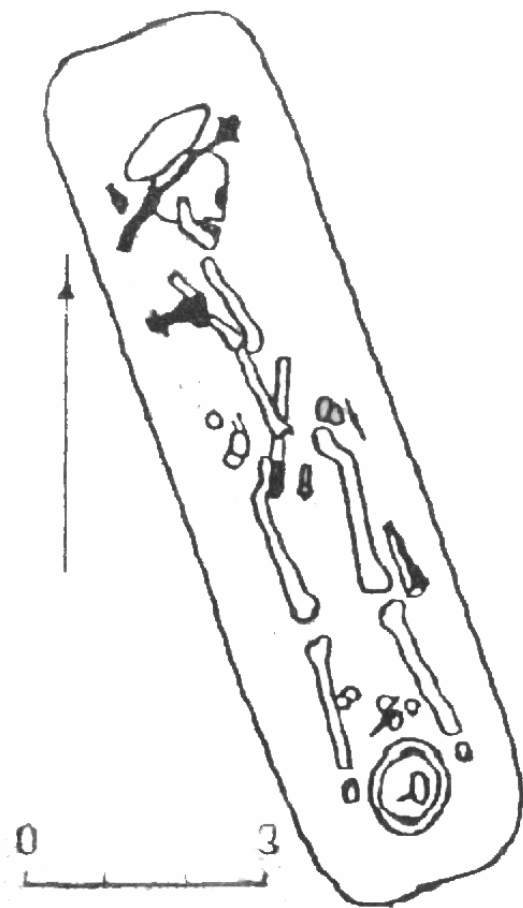

Рис 15. Погребение 18 могильника Заречное II (обезвреженное)

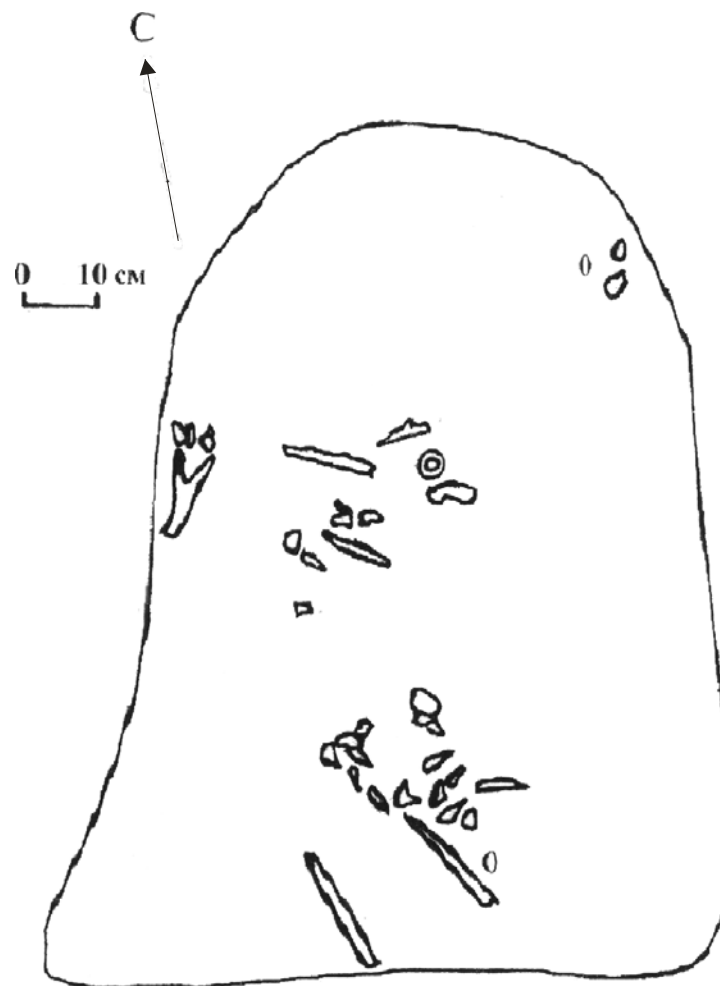

Рис. 16. Погребение 3 могильника Татарская Лака II (неопределенное разрушенное захоронение)

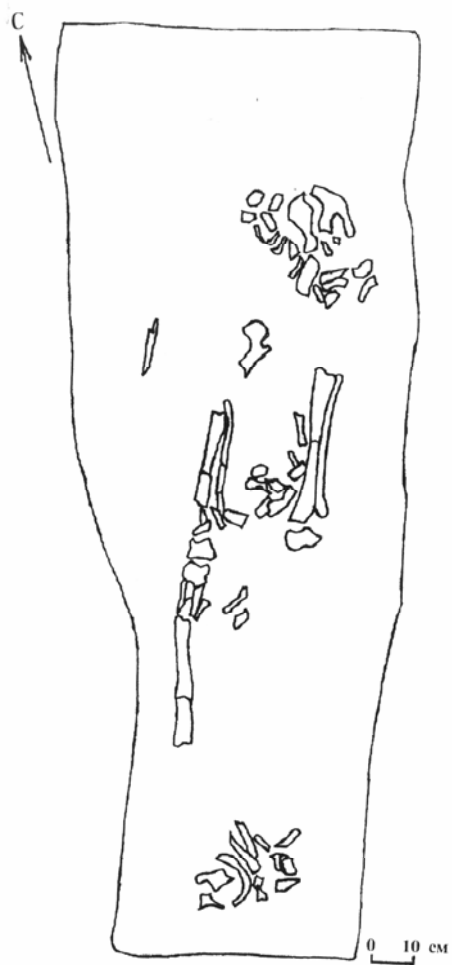

Рис. 17. Погребение 27а могильника Татарская Лака II
(неопределенное разрушенное захоронение)

Рис. 18. Погребение 2 могильника Татарская Лака II
(неопределенное разрушенное захоронение)

Таблица I. Распределение погребальных обрядов в могильниках с ритуально разрушенными костяками

№	Название могильника	Время существования	Всего погребений	труположения	трупосождения	вторичные захоронения	обезвреженные захоронения	неопределенные разрушенные	неопределенные	конское
Верхнесурская группа										
1	Шемышейский	III-IV	18	1 (5,56 %)	-	8 (44,44 %)	-	2 (11,11 %)	7 (38,88 %)	-
2	Селиксенский	III-VII	160	12 (7,5 %)	3 (1,87 %)	24 (15 %)	10 (6,25 %)	11 (0,06 %)	100 (62,5 %)	-
3	Степановский (Пензенский)	IV-V	11	1 (9,09 %)	-	5 (45,45 %)	-	1 (9,09 %)	4 (36,36 %)	-
4	Селикса-Трофимовский	IV-V	64	14 (21,87 %)	1 (1,56 %)	23 (35,93 %)	2 (3,12 %)	3 (4,64 %)	21 (32,8 %)	-
5	Армиевский I	VI-VII	239	219 (91,6 %)	8 (3,34 %)	5 (2,09 %)	-	-	7 (2,92 %)	-
6	Армиевский к-г.	IX-XI	315	13 (4,12 %)	8 (2,5 %)	25 (7,93 %)	-	-	269 (85,39 %)	-
Итого			807	260 (32,2 %)	20 (2,47 %)	90 (11,15 %)	12 (1,48 %)	17 (2,1 %)	408 (50,55 %)	-
Примокшанская группа										
7	Ражкинский	III-IV	144	136 (94,4 %)	2 (1,38 %)	-	1 (0,69 %)	2 (1,38 %)	3 (2,08 %)	-
8	Тезиковский	IV-V	58	34 (58,62 %)	-	7 (12,06 %)	3 (5,17 %)	-	14 (24,13 %)	-
9	Красный Восток	VIII-X	31	19 (61,29 %)	1 (3,22 %)	1 (3,22 %)	1 (3,22 %)	2 (6,45 %)	7 (22,58 %)	-
10	Татарская Лака II	XI-XIII	32	1 (3,12 %)	-	-	19 (53,37 %)	12 (37,5 %)	-	-
11	Старое Бадиково I	XI-XIV	28	24 (85,7 %)	-	4 (14,28 %)	-	-	-	-
12	Стародевиченский	XI-XIV	136	128 (94,1 %)	-	3 (2,2 %)	-	-	5 (3,67 %)	-
13	Ефаевский	XII-XIV	46	5 (10,86 %)	-	1 (2,17 %)	-	-	40 (86,95 %)	-

Продолжение таблицы I.

14	Паньжинский	XIII-XIV	36	31 (86,11 %)	-	5 (13,88 %)	-	-	-	-
15	Беднодемьяновский	XIII-XIV	20	19 (95 %)	-	1 (5 %)	-	-	-	-
Итого			531	397 (74,76 %)	3 (0,56 %)	22 (4,14 %)	24 (4,51 %)	16 (3,01 %)	69 (12,99 %)	-
Циннская группа										
16	Серповский	VI-VII	39	23 (58,97 %)	10 (25,64 %)	4 (10,25 %)	-	-	2 (5,12 %)	-
17	Пановский	VIII-IX	144	83 (57,63 %)	8 (5,55 %)	1 (0,69 %)	-	-	52 (36,11 %)	-
Итого			183	106 (57,92 %)	18 (9,83 %)	5 (2,73 %)	-	-	54 (29,5 %)	-
Тешская группа										
18	Красное III	VIII-XIII	10	-	-	-	7 (70 %)	-	3 (30 %)	-
19	Погибловский	XI-XIII	35	7 (20 %)	-	-	1 (2,85 %)	6 (17,14 %)	21 (60 %)	-
20	Заречное II	XI-XIII	150	27 (18 %)	-	4 (2,66 %)	35 (23,33 %)	73 (48,66 %)	3 (2 %)	8 (5,33 %)
21	Сыресево II	XI-XIII	3	-	-	-	-	2 (66,66 %)	-	1 (33,33 %)
22	Выползово I	XI-XIII	12	-	-	-	-	1 (8,33 %)	11 (91,66 %)	-
23	Выползово II	XI-XIII	27	5 (18,51 %)	-	-	8 (29,62 %)	9 (33,33 %)	5 (18,51 %)	-
24	Выползово VI	XI-XIII	32	-	1 (3,12 %)	-	6 (18,75 %)	18 (56,25 %)	6 (18,75 %)	1 (3,12 %)
25	Пятницы VII	XI-XIII	17	-	-	-	2 (11,76 %)	13 (76,47 %)	1 (5,88 %)	1 (5,88 %)
26	Личадеево V	XI-XIII	23	1 (4,34 %)	1 (4,34 %)	-	3 (13,04 %)	16 (69,56 %)	1 (4,34 %)	1 (4,34 %)

Продолжение таблицы I.

27	Стексово II	XI-XIII	115	1 (0,86 %)	7 (6,08 %)	1 (0,86 %)	25 (21,73 %)	58 (50,43 %)	19 (16,52 %)	4 (3,47 %)
28	Красное I	XI-XIII	74	3 (4,05 %)	1 (1,35 %)	1 (1,35 %)	8 (10,81 %)	41 (55,4 %)	15 (20,27 %)	5 (6,75 %)
Итого			498	44 (8,83 %)	10 (2 %)	6 (1,2 %)	95 (19,07 %)	237 (47,59 %)	85 (17,06 %)	21 (4,21 %)
Поволжская группа										
29	Комаровский	XIII-XIV	39	35 (89,74 %)	-	1 (2,56 %)	3 (7,69 %)	-	-	-
30	Аткарский	XIII-XIV	70	69 (98,57 %)	-	1 (1,42 %)	-	-	-	-
31	Муранский	XIV	483	472 (97,72 %)	1 (0,2 %)	-	7 (1,44 %)	3 (0,62 %)	-	-
Итого			592	576 (96,64 %)	1 (0,16 %)	2 (0,33 %)	10 (1,68 %)	3 (0,5 %)	-	-
Нижнесурская группа										
32	Иваньковский	V-VIII	98	61 (62,24 %)	16 (16,32 %)	9 (9,18 %)	1 (1,02 %)	2 (2,04 %)	9 (9,18 %)	-
Итого			98	61 (62,24 %)	16 (16,32 %)	9 (9,18 %)	1 (1,02 %)	2 (2,04 %)	9 (9,18 %)	-
Всего			2709	1444 (53,30 %)	68 (2,51 %)	134 (4,95 %)	142 (5,24 %)	275 (10,1 %)	625 (23,07 %)	21 (0,77 %)

Таблица II. Распределение погребений с обрядом вторичного захоронения в могильниках Окско-Сурского междуречья

№	Название могильника	Время существования	№ погребения	Одиночные погребения	Парные погребения	Коллективные	Захоронения черепов
Верхнесурская группа							
1	Шемьшейский	III- IV	П.3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 12	7	1		
2	Селиксенский	III-VII	П.11, 12, 41, 58, 65, 66, 72, 79, 84, 102, 103, 113, 119, 120, 135, 137, 139, 144, 147, 152, 156, 157, 158, 159	23			1
3	Степановский (Пензенский)	IV-V	П.5, 6, 8, 10, 11	5			
4	Селикса-Трофимовский	IV-V	П.2, 3, 4, 5, 10, 11, 13, 18, 19, 23, 24, 35, 37, 42, 43, 45, 46, 54, 55, 59, 60, 62, 63	20	1	1	1
5	Армиевский I	VI-VII	П. 109, 151, 177, 212, 228	5			
6	Армиевский к-г.	IX-XI	Р II: П.2, 5, 7, 8, 12, 13, 14, 16, 18, 25, РIII:5, Р.V: 1, 9, Р X: 6, Р XVI: 7в, 7г, 10, Р. XVII: 2, 8, Р. XVIII: 9, Р XXII: 4, 8, 10, 21, 34	24	1		
Итого				84	3	1	2
Примокшанская группа							
7	Тезиковский	IV-V	П.17, 24, 32, 37, 40, 57, 58	6			1
8	Красный Восток	VIII-X	П.8	1			
9	Старое Бадиково I	XI-XIV	П.21, кв.Б ₁ , Б ₃ , В ₃			1	3

Продолжение таблицы II.

10	Стародевиченский	XI-XIV	П.16, 87, 37a	3			
11	Ефаевский	XII-XIV	П.12	1			
12	Паньжинский	XIII-XIV	П.2,5,20,30,33	4			1
13	Беднодемьяновский	XIII-XIV	П.16	1			
Итого				16		1	5
Цнинская группа							
14	Серповский	VI-VII	П.7,27,28,29	4			
15	Пановский	VIII-IX	П.65	1			
Итого				5			
Тешская группа							
16	Заречное II	XI-XIII	П.19, 20, 121, 147	2		1	1
17	Стексово II	XI-XIII	П.34				1
18	Красное I	XI-XIII	П.32	1			
Итого				3		1	2
Поволжская группа							
19	Комаровский	XIII-XIV	П.34	1			
20	Аткарский	XIII-XIV	П.27	1			
Итого				2			
Нижнесурская группа							
21	Иваньковский	V-VIII	П.17, 22, 24,42, 50, 59, 62, 71, 72,	8			1
Итого				8			1
Всего				118	3	3	10

Таблица III. Ориентировка могильных ям погребений с обрядом вторичного захоронения

Название могильника	Ориентировка могильных ям								
	СВ-ЮЗ	ЮЮЮВ- ССЗ	ЮВ-СЗ	В-З	С-Ю	ЗСЗ-ВЮВ	ССЗ- ЮЮЮВ	СЗ-ЮВ	Нет дан- ных
Верхнесурская группа									
Шемьшейский					7				1
Селиксенский	2			4	5				13
Степановский (Пензенский)	5								
Селикса-Трофимовский	20			1				2	
Армиевский I	4								1
Армиевский к-г.	2		3	16	1				3
Итого	34		3	21	13			2	18
Примокшанская группа									
Тезиковский	2			4					1
Красный Восток									1
Старое Бадиково I	1								3
Стародевиченский		1	1						1
Ефаевский									1
Паньжинский									5
Беднодемьяновский									1
Итого	3	1	1	4					13
Цнинская группа									
Серповский									4
Пановский									1
Итого									5
Тешская группа									
Заречное II								3	1
Стексово II									1
Красное I	1								
Итого	1							3	2
Поволжская группа									
Комаровский	1								
Аткарский									1

Продолжение таблицы III.

Итого	1								1
Нижнесурская группа									
Иваньковский						1	1	5	2
Итого						1	1	5	2
Всего	38	1	4	25	13	1	1	10	41

Таблица IV. Размеры могильной ямы в погребениях с обрядом вторичного захоронения

Название могильника	Длина (см)					Ширина (см)				Глубина (см)			
	до 100	101- 150	151- 200	201 и выше	неоп- ред.	до 50	51-100	101 и выше	неоп- ред.	до 50	51-100	101 и выше	неоп- ред.
Верхнесурская группа													
Шемьшейский		3	1	4			6	2				8	
Селиксенский		3	14	6	1	3	20		1	1	15	7	1
Степановский (Пензенский)			3	2			5			3			2
С.- Трофимовский	1	1	9	9	3	8	12	1	2	7	13	2	1
Армиевский I			1	4		1	3	1			1	4	
Армиевский к-г.	1	2	5	11	6	3	15	6	1	10	11	4	
Итого	2	9	33	36	10	15	61	10	4	21	40	25	4
Примокшанская группа													
Тезиковский			1	6			7					7	
Красный Восток					1				1	1			
Ст.Бадиково I			1		3		1		3		1		3
Стародевичен- ский			1		2		1		2	3			
Ефаевский					1				1		1		
Паньжинский		1	1		3		2		3	3	1		1
Беднодемьянов- ский					1				1	1			
Итого		1	4	6	11		11		11	8	3	7	4
Цнинская группа													
Серповский					4				4		4		
Пановский				1				1				1	
Итого				1	4			1	4		4	1	
Тешская группа													
Заречное II		1	2	1			3	1		2	2		
Стексово II					1				1		1		
Красное I				1			1			1			
Итого		1	2	2	1		4	1	1	3	3		

Продолжение таблицы IV.

Поволжская группа													
Комаровский					1				1				1
Аткарский					1				1	1			
Итого					2				2	1			1
Нижнесурская группа													
Иваньковский	1	1	2	3	2	1	5	1	2		1	8	
Итого	1	1	2	3	2	1	5	1	2		1	8	
Всего	3	12	41	48	30	16	81	13	24	33	51	41	9

Таблица V. Форма могильной ямы и внутримогильные конструкции в погребениях с обрядом вторичного захоронения

Название могильника	Форма могильной ямы					Дно			Стенки				Внутримогильные конструкции
	прямоугольная	овальная	круглая	неправильная	неопред.	Ровное	неровное	неопред.	Отвесные	расширяются ко дну	сужаются ко дну	неопред.	
Верхнесурская группа													
Шемьшейский	2	1	1		4	3	5		1		1	6	
Селиксенский	10	7		1	6	13	4	7	13		4	7	+
Степановский (Пензенский)		2	1		2		5				3	2	
С.-Трофимовский	10	6	1	4	2	15	7	1	13		6	5	
Армиевский I	3	2				3	2		4		1		+
Армиевский к-г.	6	8		6	5	25			9	3	4	9	+
Итого	31	26	3	11	19	59	23	8	40	3	19	29	
Примокшанская группа													
Тезиковский	3	3			1	1	6		2		3	1	+
Красный Восток					1			1				1	
Ст.Бадиково I	1				3	1		3	1			3	
Стародевиченский	1				2	2	1		2			1	
Ефаевский					1	1						1	
Паньжинский	2				3	5						5	
Беднодемьяновский					1			1				1	
Итого	7	3			12	10	7	5	5		3	13	

Продолжение таблицы V.

Цнинская группа													
Серповский					4	4						4	
Пановский	1					1			1				
Итого	1				4	5			1			4	
Тешская группа													
Заречное II	3	1				4			4				
Стексово II					1			1				1	
Красное I	1					1			1				
Итого	4	1			1	5		1	5			1	
Поволжская группа													
Комаровский					1		1				1		
Аткарский					1			1				1	
Итого					2		1	1			1	1	
Нижнесурская группа													
Иваньковский	4	2	2		1	6	2	1	8		1		+
Итого	4	2	2		1	6	2	1	8		1		
Всего	47	32	5	11	39	85	33	16	59	3	24	48	

Таблица VI. Виды внутримогильных конструкций в погребениях с обрядом вторичного захоронения

Название могильника	Ямки на дне погребения	Плахи	Уступка	С заплечиками	Подбой
Верхнесурская группа					
Селиксенский	1				1
Армиевский I	1		1		
Армиевский к-г.		3	2	1	
Итого	2	3	3	1	1
Примокшанская группа					
Тезиковский	1				
Итого	1				
Нижнесурская группа					
Иваньковский	1				
Итого	1				
Всего	4	3	3	1	1

Таблица VII. Распределение способов расположения костей во вторичных захоронениях

Название могильника	Способы расположения костей																
	Сложены в центре	Сложены в какой-либо части могилы							Кости сложены кучкой в одной части могилы, череп отдельно	Кости рук и ног сложены в противополож. концах могилы, череп отдельно	Кости сложены в противоположных концах могилы	Кости разбросаны по одной из частей ямы, череп в центре	Кости сложены в центре и в одной из частей могилы	Кости лежат на уступке и на дне могилы	Кости сложены в специально вырытой ямке на дне могилы	Разбросаны по всему дну могилы	В черепной коробке ребра и фаланги пальцев рук
		СЗ	СВ	С	В	З	ЮЗ	Ю									
Верхнесурская группа																	
Шемышейский	1			1							1						5
Селиксенский	3			3							2						10
Степановский (Пензенский)			1								1		1				2
С.-Трофимовский	2		8	2			1	2			1		1				6
Армиевский I	1							1			1			1			1
Армиевский к-г.	3	1			2	2	1		1					1			14
Итого	11	1	9	5	2	2	2	8	1		6		2	2			38
Примокшанская группа																	
Тезиковский		1											2				3
Красный Восток									1								
Стародевический		1							1	1							
Ефаевский									1								
Паньжинский													1				3
Беднодемьяновский								1									
Итого		2						1	3	1			2	1			6
Цнинская группа																	
Серповский				1													3

Продолжение таблицы VII.

Пановский				1													
Итого				2												3	
Тешская группа																	
Заречное II	2																1
Красное I	1																
Итого	3																1
Поволжская группа																	
Комаровский											1						
Аткарский																	1
Итого											1						1
Нижнесурская группа																	
Иваньковский	1			2			1	1	1	1						1	
Итого	1			2			1	1	1	1						1	
Всего	14	3	9	10	2	2	3	10	5	2	7	2	3	2	1	48	1

Таблица VIII. Захоронения одних черепов

Название могильника	№ погр.	Количес- тво чере- пов в погребе- нии	Расположение черепов в погребении			
			В разных частях мо- гилы и в центре	В центре	В одной из частей мо- гилы	В неболь- шой ямке
Верхнесурская группа						
Селиксенский	12	1			+	
С.-Трофимовский	5	1				+
Примокшанская группа						
Тезиковский	17	1			+	
Старое Бадиково I	21	3	+			
	Кв.Б1	3				+
	Кв.Б3	1				+
	Кв.В3	1				+
Паньжинский	30	2	+			
Тешская группа						
Заречное II	147	2	+			
Стексово II	34	1				+
Нижнесурская группа						
Иваньковский	59	1			+	
Итого:	11					

Таблица IX. Ориентировка погребенных в могилах с обрядом вторичного захоронения

Название могильника	неоп ред.	Ориентировка погребенного															
		ССЗ	С	ССВ	СВ	ВСВ	В	ВЮВ	ЮВ	ЮЮВ	Ю	ЮЮЗ	ЮЗ	ЮЗЗ	З	ЗСЗ	СЗ
Верхнесурская группа																	
Шемышейский	8																
Селиксенский	9										14					1	
Степановский (Пензенский)	4				1												
С.-Трофимовский	19				1												3
Армиевский I	3												2				
Армиевский к-г.	23															2	
Итого	66				2						14		2			2	3
Примокшанская группа																	
Тезиковский	4						2										1
Красный Восток	1																
Старое Бадиково I	3																1
Стародевиченский	2									1							
Ефаевский	1																
Паньжинский	2										3?						
Беднодемьянов- ский											1?						
Итого	13						2			1	4?						
Цнинская группа																	
Серповский	4																
Пановский	1																
Итого	5																
Тешская группа																	
Заречное II	4																
Стексово II	1																
Красное I																	1
Итого	5																1
Поволжская группа																	

Комаровский	1																
Продолжение таблицы IX.																	
Аткарский	1																
Итого	2																
Нижнесурская группа																	
Иваньковский	9																
Итого	9																
Всего	100				2		2			1	18		2		3		6

Таблица X. Пол и возраст погребенных во вторичных захоронениях

Название могильника	Муж-ское	Женское	Детское	Коллективное						неопреде-ленное
				муж-ское	женское	муж-ское и женское	муж-ское и детское	женское и дет-ское	Муж-ское, женское и дет-ское	
Верхнесурская группа										
Шемышейский	4	1				1				2
Селиксенский	7	14	1							2
Степановский (Пензенский)	2	3								
С.-Трофимовский	5	8							1	9
Армиевский I	3	2								
Армиевский к-г.		1	1							23
Итого	21	29	2			1			1	36
Примокшанская группа										
Тезиковский	5	1								1
Красный Восток		1								
Старое Бадиково I										4
Стародевиченский	3									
Ефаевский										1
Паньжинский			2							3
Беднодемьяновский										1
Итого	8	2	2							10
Цнинская группа										
Серповский		2	1							1
Пановский										1
Итого		2	1							2
Тешская группа										
Заречное II	1								1	2
Стексово II										1
Красное I										1

Итого	1								1	4
-------	---	--	--	--	--	--	--	--	---	---

Продолжение таблицы X.

Поволжская группа										
Комаровский		1								
Аткарский			1							
Итого		1	1							
Нижнесурская группа										
Иваньковский	1									8
Итого	1									8
Всего	31	34	6			1			2	60

Таблица XI. Виды подстилок в погребениях с обрядом вторичного захоронения

Название могильника	Вид подстилки		
	дерево	гробовище	луб
Верхнесурская группа			
Шемышейский			1
Селиксенский			1
С.-Трофимовский			2
Армиевский I	1		
Армиевский к-г.	3	2	
Итого:	4	2	4

Таблица XII. Способы расположения инвентаря во вторичных погребениях

Название могильника	Разбросаны по всему дну	В центре и в одной из частей могилы	В порядке ношения	В центре могильной ямы	Под костями кучкой	Среди перемешанных костей, сосуд в ногах	В одной из частей ямы	Под костями и в одной из частей ямы	Рядом с черепом	Под черепом	Среди перемешанных костей	На костях и в одной из частей ямы	В засыпке
Верхнесурская группа													
Шемышейский	1										6		
Селиксенский	4		3				2			1	13		
Степановский (Пензенский)			1								4		
Селикса-Трофимовский	2	4	2	1			2				7		
Армиевский I			3								2		
Армиевский к-г.	11	1		1			4				3	1	
Итого	18	5	9	2			8			1	35	1	
Примокшанская группа													
Тезиковский	2		2			1	1						
Красный Восток		1											
Ст. Бадиково I		1											
Стародевиченский			1		2								
Ефаевский											1		
Паньжинский	1		1	1					1				

Продолжение таблицы XII.

Беднодемьяновский									1				
Итого	3	2	4	1	2	1	1		2		1		
Цнинская группа													
Серповский	2							1	1				
Пановский								1					
Итого	2							2	1				
Тешская группа													
Заречное II											3		
Стексово II													
Итого											1		
Поволжская группа													
Комаровский	1												
Итого	1												
Нижнесурская группа													
Иваньковский					2		1	1	1		2		
Итого					2		1	1	1	1	2		
Всего	24	7	13	3	4	1	10	3	4	1	41	1	

Таблица XIII. Наличие инвентаря в мужских погребениях с обрядом вторичного захоронения

Название могильника	Конское снаряжение			Оружие					Орудия труда					Украшения							Детали одежды					Дар	Неопр. обломки	Безинвентарные погребения								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25				26	27	28	29				
Верхнесурская группа																																				
Шемышейский		+			+							+		+			+											+							+	
Селиксенский												+		+														+				+			+	1
Степановский (Пензенский)		+							+																			+							+	
С.-Трофимовский		+			+																+							+								1
Армиевский I				+										+													+				+					
Примокшанская группа																																				
Тезиковский	+	+										+		+													+								+	
Стародевический				+						+		+		+		+	+			+							+	+	+	+					+	
Нижнесурская группа																																				
Иваньковский																+																+		+	+	

1 – уздечные пряжки, 2 – удила, 3 – стремя, 4 – стрелы, 5 – копьё (пика), 6 – кельт, 7 – кинжал (меч), 8 – колчан, 9 – кольчуга, 10 – топор, 11 – гвозди, 12 – кресало и кремь, 13 – долото, 14 – нож, 15 – пряслице, 16 – бусы (бисер), 17 – височные кольца, подвески, 18 – кольцо (перстень), 19 – наконечник, 20 – браслет, 21 – гривна, 22 – нагрудные бляхи, 23 – серьги, 24 – ожерелье, 25 – пряжки, 26 – поясные кольца, 27 – сюльгама, 28 – поясные накладки и бляшки, 29 – пуговицы

Таблица XIV. Наличие инвентаря в женских погребениях с обрядом вторичного захоронения

Название могильника	Кон- ское сна- ряже- ние			Оружие					Орудия труда					Украшения							Детали одежды					Не- опр. об- ломки	Безин- вента- рные погре- бения											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25			26	27	28	29							
Верхнесурская группа																																						
Шемышейский																+	+				+	+													+			
Селиксенский		+										+		+	+	+	+				+	+			+													
Степановский (Пензенский)																+	+																			+		
С.-Трофимовский		+														+	+	+			+	+	+													+		1
Армиевский I		+			+	+		+								+	+			+	+	+																
Примокшанская группа																																						
Тезиковский																+																						
Красный Восток																+				+	+																	
Цнинская группа																																						
Серповский																	+			+	+					+												
Тешская группа																																						
Заречное II																+				+																	1	
Примокшанская группа																																						
Комаровский																				+	+																	

1 – уздечные пряжки, 2 – удила, 3 – стремя, 4 – стрелы, 5 – копьё (пика), 6 – кельт, 7 – кинжал (меч), 8 – колчан, 9 – кольчуга, 10 – топор, 11 – гвозди, 12 – кресало и кремь, 13 – долото, 14 – нож, 15 – пряслице, 16 – бусы (бисер), 17 – височные кольца, подвески, 18 – кольцо (перстень), 19 – наконник, 20 – браслет, 21 – гривна, 22 – нагрудные бляхи, 23 – серьги, 24 – ожерелье, 25 – пряжки, 26 – поясные кольца, 27 – сьюльгама, 28 – поясные накладки и бляшки, 29 – пуговицы

Таблица XV. Наличие инвентаря в детских погребениях с обрядом вторичного захоронения

Название могильника	Конское снаряжение			Оружие					Орудия труда					Украшения					Детали одежды					Не-опр. обломки	Безинвентарные погребения										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23			24	25	26	27	28	29				
Верхнесурская группа																																			
Селиксенский																+	+																		
С.-Трофимовский																+	+					+													
Армиевский к-г.																					+														
Примокшанская группа																																			
Паньжинский																+																		1	
Цнинская группа																																			
Серповский																+					+	+					+								
Поволжская группа																																			
Аткарский																																			1

1 – уздечные пряжки, 2 – удила, 3 – стремя, 4 – стрелы, 5 – копьё (пика), 6 – кельт, 7 – кинжал (меч), 8 – колчан, 9 – кольчуга, 10 – топор, 11 – гвозди, 12 – кресало и кремь, 13 – долото, 14 – нож, 15 – пряслице, 16 – бусы (бисер), 17 – височные кольца, подвески, 18 – кольцо (перстень), 19 – наосник, 20 – браслет, 21 – гривна, 22 – нагрудные бляхи, 23 – серьги, 24 – ожерелье, 25 – пряжки, 26 – поясные кольца, 27 – сьюльгама, 28 – поясные накладки и бляшки, 29 – пуговицы

Таблица XVI. Наличие инвентаря в погребениях с обрядом вторичного захоронения, где пол неопределен

Название могильника	Конское снаряжение			Вооружение					Орудия труда					Украшения					Детали одежды					Неопр. обломки	Безинвентарные погребения														
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23			24	25	26	27	28	29								
Верхнесурская группа																																							
Шемышейский																	+				+		+													1			
Селиксенский		+		+	+									+			+	+				+	+					+											
С.-Трофимовский		+															+	+	+			+						+	+								+	4	
Армиевский к-г.				+					+	+				+			+				+				+			+	+	+	+	+	+				+	3	
Примокшанская группа																																							
Тезиковский																																						1	
Ефаевский															+					+															+				
Паньжинский															+				+																	+		1	
Беднодемьяновский																	+																			+			
Цнинская группа																																							
Серповский															+						+															+			
Пановский	+	+			+						+										+																		
Тешская группа																																							
Стексово II				+																	+															+			
Красное I																																							1
Нижнесурская группа																																							
Иваньковский		+				+					+						+																			+			2

1 – уздечные пряжки, 2 – удила, 3 – стремя, 4 – стрелы, 5 – копьё (пика), 6 – кельт, 7 – кинжал (меч), 8 – колчан, 9 – кольчуга, 10 – топор, 11 – гвозди, 12 – кресало и кремь, 13 – долото, 14 – нож, 15 – пряслице, 16 – бусы (бисер), 17 – височные кольца, подвес-

ки, 18 – кольцо (перстень), 19 – наконник, 20 – браслет, 21 – гривна, 22 – нагрудные бляхи, 23 – серьги, 24 – ожерелье, 25 – пряжки, 26 – поясные кольца, 27 – сюльгама, 28 – поясные накладки и бляшки, 29 – пуговицы

Таблица XVII. Посуда в погребениях с обрядом вторичного захоронения

Название могильника	Глиняная посуда									Деревянная посуда								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Верхнесурская группа																		
Шемышейский			2	1			1											
Селиксенский			1	7			8	1										
Степановский (Пензенский)			1					1										
С.-Трофимовский			1	6			3											
Армиевский I			1	1				1										
Армиевский к-г.	1	1	1	7	1													
Итого:	1	1	3	22	1		12	3										
Примокшанская группа																		
Тезиковский			2	2														
Стародевиченский		1																
Паньжинский	1			1														
Итого	1	1	2	3														
Цнинская группа																		
Серповский						1												
Пановский											1							
Итого						1					1							
Тешская группа																		
Заречное II							1	1										
Итого							1	1										
Всего	2	2	21	25	1	1	13	4			1							

1 – слева от костей, 2 – справа от костей, 3 – в ногах, 4 – в головах, 5 – несколько сосудов в разных частях ямы, 6 – нет данных, 7 – развал сосуда среди костей, 8 – части сосуда в противоположных сторонах ямы, 9 – в засыпке

Таблица XVIII. Керамика в погребениях с обрядом вторичного захоронения

Название могильника	Один фрагмент		Несколько и более фрагментов		
	на дне	в заполне- нии	на дне	в заполнении	на дне и в за- полнении
Верхнесурская группа					
Шемышейский	3		1		
Селиксенский			3	1	
Степановский (Пензенский)	1		1		
С.- Трофимовский			5	2	
Армиевский I	1	1	1	1	
Армиевский к- г.				21	
Итого	5	1	11	25	
Примокшанская группа					
Тезиковский			2		1
Красный Вос- ток	1				
Стародевичен- ский	1				
Паньжинский				1	
Итого	2		2	1	1
Тешская группа					
Заречное II				4	
Итого				4	
Нижнесурская группа					
Иваньковский				1	
Итого				1	
Всего	7	1	13	31	1

Таблица XIX. Наличие остатков погребального костра в погребениях с обрядом вторичного захоронения

Название могильника	в заполнении могильной ямы	на дне могильной ямы	в заполнении и на дне могильной ямы	Следы прокала на дне
Верхнесурская группа				
Селиксенский			2	
С.-Трофимовский		5	4	
Армиевский I			1	
Армиевский к-г.	23		1	1
Итого	23	5	8	1
Примокшанская группа				
Тезиковский			5	
Старое Бадиково I	1			
Итого	1		5	
Тешская группа				
Заречное II	4			
Итого	4			
Поволжская группа				
Комаровский	1			
Итого	1			
Нижнесурская группа				
Иваньковский	7		1	
Итого	7		1	
Всего	36	5	14	1

Таблица XX. Наличие костей животных в погребениях с обрядом вторичного захоронения

Название могильника	Расположение костей			Целостность костяка				Вид животного				
	На дне	В за-сыпке	В горш-ке	целый		фраг-менты	зубы	ло-шадь	Круп-ный рогатый скот	свинья	птица	Неоп-ред.
				Разру-шенный	Нераз-рушен-ный							
Верхнесурская группа												
Шемышейский		1				+					+	
Селиксенский	2						+	+				
С.-Трофимовский	2					+	+	+				+
Армиевский I		1					+	+				
Армиевский к-г.		17				+	+	+	+			
Примокшанская группа												
Тезиковский	1					+	+	+				+
Паньжинский		1	1			+	+		+		+	
Цнинская группа												
Пановский	1							+				
Итого:	6	20	1									

Таблица XXI. Распределение погребений по количеству погребенных в захоронениях с обрядом обезвреживания

№	Название могильника	Время существования	№ погребения	Одиночные погребения	Парные погребения	Коллективные	Взрослое и детское
Верхнесурская группа							
1	Селиксенский	III-VII	П.10, 19, 28, 34, 36, 39, 43, 48, 108, 153	10			
2	Селикса-Трофимовский	IV-V	П.38, 47	2			
	Итого			12			
Примокшанская группа							
3	Ражкинский	III-IV	П.9,	1			
4	Тезиковский	IV-V	П.27,42,43	3			
5	Красный Восток	VIII-X	П.14		1		
6	Тат.Лака II	XI-XIII	П.1,5,6, 7, 7а, 8,9,9а,10,15,16,17,19, 20,22,23,25 27,28	16			3
	Итого			20	1		3
Тешская группа							
7	Красное III	VIII- XIII	П.1, 2, 5, 7, 8, 9, 10	7			
8	Погибловский	XI-XIII	П.5а	1			
9	Заречное II	XI-XIII	П.1, 2, 5, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 16, 17, 18, 30, 34, 38, 39, 40, 43, 45, 49, 53, 56, 57, 88, 104, 108, 114, 115, 117, 120, 122, 125и126, 130, 143	32	3		
10	Выползово II	XI-XIII	П.1, 3, 11, 12, 15, 20, 21, 24	8			
11	Выползово VI	XI-XIII	П. 3, 8, 11, 19, 25, 30	6			
12	Пятницы VII	XI-XIII	П. 4, 14	2			
13	Личадеево V	XI-XIII	П. 16, 19, 21	3			
14	Стексово II	XI-XIII	П. 28,32, 35, 37, 40, 42, 44, 55, 56, 57, 64, 66, 67, 68	25			

Продолжение таблицы XXI.

			74, 78, 86, 87, 93, 94, 95, 96, 104, 107, 111				
15	Красное I	XI-XIII	П. 1, 2, 31, 35, 51, 53, 65, 69	8			
	Итого			91	3		
Поволжская группа							
16	Комаровский	XIII- XIV	П.1, 21, 32	2	1		
17	Муранский	XIV	РІ: П5, РІІ: П.1, 4, 8, 10, 11, 14	6			1
	Итого			8	1		1
Нижнесурская группа							
18	Иваньковский	V-VIII	П.40	1			
	Итого			1			
	Всего: 142			133	5		4

Таблица XXII. Наличие наземных сооружений в погребениях с обрядом обезвреживания

Название могильника	есть	нет	Нет данных
Верхенсурская группа			
Селиксенский		10	
Селикса-Трофимовский		2	
Итого		12	
Примокшанская группа			
Ражкинский		1	
Тезиковский		3	
Красный Восток			1
Татарская Лака II			19
Итого		4	20
Тешская группа			
Красное III			7
Погибловский			1
Заречное II			35
Выползово II			8
Выползово VI			6
Пятницы VII			2
Личадеево V			3
Стексово II			25
Красное I			8
Итого			95
Поволжская группа			
Комаровский			3
Муранский	6	1	
Итого	6	1	3
Нижнесурская группа			
Иваньковский		1	
Итого		1	
Всего	6	18	118

Таблица XXIII. Ориентировка могильных ям погребений с обрядом обезвреживания

Название могильника	С-Ю	В-З	СЗ-ЮВ	СВ-ЮЗ	ЮВ-СЗ	Нет данных
Верхенсурская группа						
Селиксенский	8					2
Селикса-Трофимовский				1	1	
Итого	8			1	1	2
Примокшанская группа						
Ражкинский						1
Тезиковский						3
Красный Восток						1
Татарская Лака II	13		3	3		
Итого	13		3	3		5
Тешская группа						
Красное III	1			1	5	
Погибловский						1
Заречное II	1				33	1
Выползово II		4	4			
Выползово VI			6			
Пятницы VII			2			
Личадеево V		1	2			
Стексово II	1		24			
Красное I			8			
Итого	3	5	46	1	38	2
Поволжская группа						
Комаровский				3		
Муранский			1		4	2
Итого			1	3	4	2
Нижнесурская группа						
Иваньковский			1			
Итого			1			
Всего	24	5	51	8	43	11

Таблица XXIV. Размеры могильных ям обезвреженных захоронений

Название могильника	Длина (см)					Ширина (см)				Глубина (см)			
	до 100	101- 150	151- 200	201 и выше	неоп- ред.	до 50	51- 100	101 и выше	неоп- ред.	до 50	51-100	101 и выше	неопред.
Верхенсурская группа													
Селиксен- ский			7	3		2	8			2	5	2	1
Селикса- Трофимов- ский			1	1		2					2		
Итого			8	4		4	8			2	7	2	1
Примокшанская группа													
Ражкин- ский			1				1				1		
Тезиков- ский				3			3				1	2	
Красный Восток				1			1				1		
Тат. Лака II			6	13		1	14	4		19			
Итого			7	17		1	19	4		19	3	2	
Тешская группа													
Красное III			4	3			7			5		2	
Погиблов- ский					1				1		1		
Заречное II			12	23			35			15	20		
Выползово II			2	6			8			8			
Выползово VI			1	5			5	1		2	4		
Пятницы VII				2			2			1	1		
Личадеево V			1	2			3			2	1		
Стексово II			3	22		2	23				16	9	

Продолжение таблицы XXIV.

Красное I				8			8			8			
Итого			23	71	1	2	91	1	1	41	43	11	
Поволжская группа													
Комаров-ский					3				3				3
Муранский					7				7		5	2	
Итого					10				10		5	2	3
Нижнесурская группа													
Иваньков-ский				1			1					1	
Итого				1			1					1	
Всего			38	93	11	7	119	5	11	62	58	18	4

Таблица XXV. Формы могильных ям в погребениях с обрядом обезвреживания

Название могильника	Форма могильной ямы				Дно			Стенки				Внутримогильные конструкции	
	прямоугольная	овальная	круглая	Неопред.	ровное	неровное	Неопред.	отвесные	расширяются ко дну	Сужаются ко дну	Неопред.	Есть	Нет
Верхнесурская группа													
Селиксенский	7	1		2	7	1	1	7	1	1	2		+
Селикса-Трофимовский		2			1	1				1	1		+
Итого	7	3		2	8	2	1	7	1	2	3		
Примокшанская группа													
Ражкинский	1				1			1					+
Тезиковский		3			1	2		3					+
Красный Восток		1			1			1					+
Татарская Лака II	16	3			19			19				+	
Итого	17	7			22	2		24					
Тешская группа													
Красное III	7				7			7					+
Погибловский	1				1			1					+
Заречное II	35				35			35					+
Выползово II	8				8			8					+
Выползово VI	5	1			6			6					+
Пятницы VII	2				2			2					+
Личадеево V	3				3			3					+
Стексово II	25				25			25					+
Красное I	8				8			8					+
Итого	94	1			95			95					
Поволжская группа													
Комаровский	3				3			3					+
Муранский				7			7				7		+

Продолжение таблицы XXV.

Итого	3			7	3		7	3			7		
Нишнесурская группа													
Иваньковский	1				1			1					+
Итого	1				1			1					
Всего:	122	11		9	129	4	9	130	1	2	9		

Таблица XXVI. Виды внутримогильных конструкций в погребениях с обрядом обезвреживания

Название могильника	№ погребения	Уступы в конце могильной ямы
Примокшанская группа		
Татарская Лака II	П.1	1

Таблица XXVII. Возраст погребенных в захоронениях с обрядом обезвреживания

Название могильника	Взрослое	Детское	Взрослое и детское	Неопределенное
Верхнесурская группа				
Селиксенский	8			2
Селикса-Трофимовский	2			
Итого	10			2
Примокшанская группа				
Ражкинский	1			
Тезиковский	3			
Красный Восток			1	
Татарская Лака II	15	1	3	
Итого	19	1	4	
Тешская группа				
Красное III	7			
Погибловский	1			
Выползово II	8			
Выползово VI	6			
Пятницы VII	2			
Личадеево V	3			
Стексово II	25			
Красное I	8			
Итого	60			
Поволжская группа				
Комаровский	3			
Муранский	3	1	1	2
	6	1	1	2
Нижнесурская группа				
Иваньковский	1			
	1			
Всего:	130	2	5	5

Таблица XXVIII. Распределение способов обезвреживания погребенных и пол погребенных

Название могильни- ка	Способ обезвреживания																	
	В об- ласти голо- вы	В об- ласти груди и рук	В об- ласти груди и таза	В об- ласти пояса	В об- ласти голо- вы и груди	В об- ласти голо- вы, груди, таза	В об- ласти голо- вы, груди, ног	В об- ласти голо- вы, груди, рук	В об- ласти груди, таза, рук	В об- ласти ног	В об- ласти рук	В об- ласти рук и ног	В об- ласти груди, рук и ног	В об- ласти голо- вы и ног	В об- ласти груди, таза, ног	В об- ласти груди и ног	В об- ласти таза и ног	раз- руше- но пол- но- стью
Верхнесурская группа																		
Селиксен- ский	+м					+м, +ж		+ж						+?, +ж, +ж				+м, +ж, +ж
Селикса- Трофимов- ский						+ж							+м					
Итого	1м					1м, 2ж		1ж					1м	+?, 2ж				
Примокшанская группа																		
Ражкин- ский					+м													
Тезиков- ский								+ж						+ж, +м				
Красный Восток												+м-д						
Тат.Лака II						+д, +м, +м	+м, +ж	+м, +?, +?	+жид , +м	+ж			+жид ?	+?		+ж	+жид	+м, +ж, +м, +ж
Итого					1м	1д, 2м	1м, 1ж	1ж, 1м, 2?	1жид, 1м	1ж		1м-д	1жид ?	1ж, 1м, 1?		1ж	1жид	
Тешская группа																		
Красное III		+ж					+м, +?, +м	+ж	+ж									+м

Продолжение таблицы XXVIII.

Погиблово								+Ж										
Заречное II		+м, +ж, +ж, +м, +ж, +ж,	+ж	+м		+ж, +м, +м, +м, +м, +м, +м, +м, +м, +м		+ж	+м, +м, +ж, +ж, +?, +миж			+м	+м	+м, +м	+м	+м		+м, +м, +миж , +миж
Выползово II		+ж				+м, +м	+м, +?		+м						+ж			+?
Выползово VI											+ж		+ж					+ж, +ж, +ж, +м
Пятницы VII						+ж												+?
Личадеево V															+ж			+м, +ж
Стексово II			+м		+м, +м	+м, +?, +м, +м, +ж, +ж, +ж, +ж, +ж, +м	+ж, +ж	+ж, +м	+м									+м, +м, +м, +ж, +м, +ж, +ж
Красное I						+ж, +?, +м, +ж	+ж		+м			+м			+м			

Продолжение таблицы XXVIII.

Итого		2м,6 ж	1м, 1ж	1м	2м	15м, 6ж, 1?	3м, 3ж, 2?	1м, 4ж	3ж, 2ж, 1?, 1миж			2м, 1ж	1м	2м, 1ж	2м, 2ж	1м		9м, 7ж, 2?, 2миж	
Поволжская группа																			
Комаров- ский									+ж							+ж			+м- *, д,
Муранский								+ж, +ж					+м	+м					+?,+?, +д
Итого								2ж	1ж				1м	1м	1ж				2?, 1д, 1м-д,
Нижнесурская группа																			
Иваньков- ский								+ж											
Итого								1ж											
Всего	1м	2м, 6ж	1м, 1ж	1м	3м	19м, 10ж, 1д, 2?	4м, 4ж, 2?	2м, 9ж, 2?	7м, 4ж, 2 пар- ных, 1?	1ж		2м, 1ж, 1 пар- ное	3м, 1 пар- ное	4м, 4ж, 2?	2м, 3ж	1м, 1ж	1 пар- ное	12м, 11ж, 1 д, 4?, 3 пар- ных	

*+м-д – детское не обезврежено

Таблица XXIX. Степень разрушения погребенных в захоронениях с обрядом обезвреживания

Название могильника	Кости изымались	Кости перемешивались	Часть изымалась, часть перемешивалась	Ноги предварительно связывались
Верхнесурская группа				
Селиксенский		9	1	1
Селикса-Трофимовский			2	
Итого		9	3	1
Примокшанская группа				
Ражкинский		1		
Тезиковский		2	1	1
Красный Восток		1		
Татарская Лака II	2	4	13	
Итого	2	8	14	1
Тешская группа				
Красное III			7	
Погибловский	1			
Заречное II		1	34	
Выползово II	1		7	
Выползово VI	2		4	
Пятницы VII			2	
Личадеево V	1		2	
Стексово II	25			
Красное I	6			
Итого	36	1	56	
Поволжская группа				
Комаровский			3	1
Муранский		6	1	
Итого		6	4	1
Нижнесурская группа				
Иваньковский		1		
Итого		1		
Всего	38	27	77	3

Таблица XXX. Ориентировка погребенных в обезвреженных захоронениях

Название могильника	неоп- ред.	Ориентировка погребенного)															
		ССЗ	С	ССВ	СВ	ВСВ	В	ВЮВ	ЮВ	ЮЮВ	Ю	ЮЮЗ	ЮЗ	ЗЮЗ	З	ЗСЗ	СЗ
Верхнесурская группа																	
Селиксенский	3								1		6						
Селикса- Трофимовский					2												
Итого	3				2				1		6						
Примокшанская группа																	
Ражкинский			1														
Тезиковский							2							1			
Красный Восток											1						
Татарская Лака II										1	18						
Итого			1				2			1	19			1			
Тешская группа																	
Красное III		3	1													3	
Погибловский																1	
Заречное II	2	2	1												1	29	
Выползово II	1												3	4			
Выползово VI															4	2	
Пятницы VII	1															1	
Личадеево V													2	1			
Стексово II														1	12	12	
Красное I																8	
Итого	4	5	2										5	6	17	56	
Поволжская группа																	
Комаровский																3	
Муранский	1								4	1	1						
Итого	1								4	1	1					3	
Нижнесурская группа																	
Иваньковский																1	
																1	
Всего	8	5	3		2		2		5	2	26			5	7	17	60

Таблица XXXI. Наличие погребального костра в погребениях с обрядом обезвреживания

Название могильника	нет	в заполнении могильной ямы	на дне могильной ямы	в заполнении и на дне могильной ямы
Верхнесурская группа				
Селиксенский		2		
Тешская группа				
Заречное II		35		
Личадеево V		3		
Поволжская группа				
Комаровский		3		
Муранский		2		
Нижнесурская группа				
Иваньковский		1		
Всего		46		

Таблица XXXII. Наличие подстилки в погребениях с обрядом обезвреживания

№	Название могильника	Вид подстилки		
		луб	гробовища	древесный тлен
Верхнесурская группа				
1	Селиксенский	2		
2	Селикса-Трофимовский	1		
	Итого	3		
Примокшанская группа				
3	Татарская Лака II	1		2
	Итого	1		2
Тешская группа				
4	Заречное II	17		
5	Выползово II	4		
6	Выползово VI	4		
7	Пятницы VII	1		
8	Личадеево V	3		
9	Стексово II	9		
10	Красное I	2		
	Итого	40		
Поволжская группа				
11	Комаровский		1	
12	Муранский		3	
	Итого		4	
	Всего	44	4	2

Таблица XXXIII. Способы расположения инвентаря в обезвреженных погребениях

Название могильника	у головы	у пояса	у ног	у головы и пояса	у головы и ног	у ног и пояса	в порядке ношения	беспорядочно	в засыпке и на дне	в засыпке	у головы, пояса, ног	в центре ямы	у груди	у груди, пояса, ног
Верхнесурская группа														
Селиксенский	1						5	2	1		1			
Селикса-Трофимовский							2							
Итого	1						7	2	1		1			
Примокшанская группа														
Ражкинский							1							
Тезиковский							2					1		
Красный Восток							1							
Тат. Лака II			2	2	1	2	1	1	1		3	3	1	1
Итого			2	2	1	2	5	1	1		3	4	1	1
Тешская группа														
Красное III		1		2			3					1		
Погибловский							1							
Заречное II		4		5	2	4	10	1	1	1	1		1	2
Выползово II							7							
Выползово VI							6							
Пятницы VII					1		1							
Личадеево V							1	1	1					
Стексово II	1	1	1	3	2	2	4		8	3				
Красное I		1		2			1		2					
Итого	1	7	1	5	5	6	34	2	12	4	1	1	1	2
Поволжская группа														
Комаровский		1		2										

Продолжение таблицы XXXIII.

Муранский		2						2		1				2
Итого		3		2				2		1				2
Нижнесурская группа														
Иваньков-ский								1						
Итого								1						
Всего	2	10	3	16	6	8	47	8	14	5	5	5	2	6

Таблица XXXIV. Наличие инвентаря в мужских погребениях с обрядом обезвреживания

Название могильника	Конское снаряжение			Оружие					Орудия труда					Украшения					Детали одежды					Дар	Неопр. обломки	Безинвентарные погребения						
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23				24	25	26	27	28	29
Верхнесурская группа																																
Селиксенский		+				+						+		+												+			+			
Селикса-Трофимовский	+					+		+		+				+	+											+			+			
Примохшанская группа																																
Ражкинский						+								+						+						+						+
Тезиковский											+			+																		
Красный Восток										+		+		+						+									+			
Татарская Лака II			+	+			+							+		+										+		+	+			+
Тешская группа																																
Красное III		+				+						+		+												+			+			+
Заречное II	+	+	+	+	+	+				+		+		+	+	+		+		+					+	+	+	+	+		1	
Выползово II	+	+	+	+								+		+											+	+	+	+			+	
Личадеево V				+							+	+		+	+	+	+								+	+						
Стексово II	+			+	+							+		+	+	+	+	+		+					+	+	+	+			+	
Красное I				+	+							+		+	+	+						+			+	+	+	+			1	
Поволжская группа																																
Муранский																							+		+	+		+			+	

1 – уздечные пряжки, 2 – удила, 3 – стремя, 4 – стрелы, 5 – копьё (пика), 6 – кельт, 7 – кинжал (меч), 8 – колчан, 9 – кольчуга, 10 – топор, 11 – гвозди, 12 – кресало и кремьень, 13 – долото, 14 – нож, 15 – пряслице, 16 – бусы (бисер), 17 – височные кольца, подвески, 18 – кольцо (перстень), 19 – наконсник, 20 – браслет, 21 – гривна, 22 – нагрудные бляхи, 23 – серьги, 24 – ожерелье, 25 – пряжки, 26 – поясные кольца, 27 – сюльгама, 28 – поясные накладки и бляшки, 29 – пуговицы.

Таблица XXXV. Наличие инвентаря в женских погребениях с обрядом обезвреживания

Название могильника	Конское снаряжение			Оружие					Орудия труда					Украшения								Детали одежды					Неопр. обломки	Безинвентарные погребения						
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26			27	28	29			
Верхнесурская группа																																		
Селиксенский				+												+	+	+										+					+	
Селикса-Трофимовский																+												+						
Примокшанская группа																																		
Тезиковский													+			+	+			+	+						+	+				+		
Татарская Лака II													+	+		+		+	+						+	+		+					1	
Тешская группа																																		
Красное III																+		+	+	+								+						
Погибловский																+		+															+	
Заречное II														+		+	+	+	+	+	+							+					+	
Выползово II														+		+				+							+	+						
Выползово VI															+	+	+		+	+	+						+	+						
Пятницы VII														+		+		+		+								+						
Личадаево V																	+	+		+						+								
Стексово II														+	+	+	+		+	+			+				+				+			
Поволжская группа																																		
Комаровский																			+	+							+							
Муранский																+			+								+							
Нижнесурская группа																																		
Иваньковский														+		+	+			+							+	+				+		

1 – уздечные пряжки, 2 – удила, 3 – стремя, 4 – стрелы, 5 – копьё (пика), 6 – кельт, 7 – кинжал (меч), 8 – колчан, 9 – кольчуга, 10 – топор, 11 – гвозди, 12 – кресало и кремь, 13 – долото, 14 – нож, 15 – пряслице, 16 – бусы (бисер), 17 – височные кольца, подвески, 18 – кольцо (перстень), 19 – наконечник, 20 – браслет, 21 – гривна, 22 – нагрудные бляхи, 23 – серьги, 24 – ожерелье, 25 – пряжки, 26 – поясные кольца, 27 – сюльгама, 28 – поясные накладки и бляшки, 29 – пуговицы.

Таблица XXXVI. Наличие инвентаря в детских погребениях с обрядом обезвреживания

Название могильника	Конское снаряжение			Оружие					Орудия труда							Украшения							Детали одежды					Амулет	Неопр. обломки	Безинвентарные погребения			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27				28	29	
Примокшанская группа																																	
Татарская Лака II																										+	+						
Поволжская группа																																	
Муранский																												+				+	

1 – уздечные пряжки, 2 – удила, 3 – стремя, 4 – стрелы, 5 – копьё (пика), 6 – кельт, 7 – кинжал (меч), 8 – колчан, 9 – кольчуга, 10 – топор, 11 – гвозди, 12 – кресало и кремь, 13 – долото, 14 – нож, 15 – пряслице, 16 – бусы (бисер), 17 – височные кольца, подвески, 18 – кольцо (перстень), 19 – наконик, 20 – браслет, 21 – гривна, 22 – нагрудные бляхи, 23 – серьги, 24 – ожерелье, 25 – пряжки, 26 – поясные кольца, 27 – сюльгама, 28 – поясные накладки и бляшки, 29 – пуговицы.

Таблица XXXVII. Наличие инвентаря в неопределенных погребениях с обрядом обезвреживания

Название могильника	Конское снаряжение			Оружие					Орудия труда					Украшения					Детали одежды					Неопр. обломки	Безинвентарные погребения						
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23			24	25	26	27	28	29
Верхнесурская группа																															
Селиксенский																+	+												+		
Примокшанская группа																															
Татарская Лака II	+							+		+					+	+	+									+		+			+
Тешская группа																															
Красное III																															+
Заречное II																+				+										+	
Выползово II														+	+	+	+														
Пятницы VII										+		+		+	+															+	
Стексово II				+								+						+								+	+	+			
Красное I																										+					
Поволжская группа																															
Муранский																+													+	+	

1 – уздечные пряжки, 2 – удила, 3 – стремя, 4 – стрелы, 5 – копьё (пика), 6 – кельт, 7 – кинжал (меч), 8 – колчан, 9 – кольчуга, 10 – топор, 11 – гвозди, 12 – кресало и кремь, 13 – долото, 14 – нож, 15 – пряслице, 16 – бусы (бисер), 17 – височные кольца, подвески, 18 – кольцо (перстень), 19 – наконик, 20 – браслет, 21 – гривна, 22 – нагрудные бляхи, 23 – серьги, 24 – ожерелье, 25 – пряжки, 26 – поясные кольца, 27 – сюльгама, 28 – поясные накладки и бляшки, 29 – пуговицы.

Таблица XXXVIII. Посуда в погребениях с обрядом обезвреживания

Название могильника	Глиняная посуда								Медные котлы							Деревянная посуда						
	1	2	3	4	5	6	7	8	1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6	7
Верхнесурская группа																						
Селиксенский			1	3	1	1	2															
Итого			1	3	1	1	2															
Примокшанская группа																						
Тезиковский	1																					
Красный Восток				1																		
Татарская Лака II			1	1																		
Итого	1		1	2																		
Тешская группа																						
Красное III				1																		
Погибловский				1	1																	
Заречное II			1								9							4				
Выползово II			1																			
Выползово VI			1	1	1		1					1										
Личадеево V			1	1																		
Стексово II				8			3															
Красное I			1																			
Итого			5	12	2		4				9	1						4				
Поволжская группа																						
Муранский	1																					
Итого	1																					
Всего	2		7	17	3	1	2	4			9	1						4				

1 –слева от костей, 2 - справа от костей, 3 – в ногах, 4 – в головах, 5 – среди костей, 6 – нет данных, 7 – разбросан, 8 – в засыпке

Таблица XXXIX. Обезвреживание инвентаря в погребениях с обрядом обезвреживания

Название могильника	Серп	Нож
Тешская группа		
Заречное II		2
Выползово II	1	1
Стексово II		2
Поволжская группа		
Комаровский	1	
Всего:	2	5

Таблица XL. Керамика в погребениях с обрядом обезвреживания

№	Название могильника	Один фрагмент		Несколько и более фрагментов		
		на дне	в заполнении	на дне	в заполнении	на дне и в заполнении
Верхенсурская группа						
1	Селиксенский				1	
Примокшанская группа						
2	Татарская Ла-ка II	1		1		
Тешская группа						
3	Заречное II				35	
4	Личадеево V				3	
5	Стексово II	1			2	
	Всего	2		1	41	

Таблица XLI. Наличие костей животных в обезвреженных погребениях

Название могильника	Расположение костей		Целостность костяка				Вид животного			
	На дне	В за-сыпке	целый		кость	зубы	лошадь	Крупный рогатый скот	свинья	Неопред.
			Разрушен-ный	Не разру-шенный						
Примокшанская группа										
Татарская Лака II	2					+	+	+		
Тешская группа										
Заречное II	2			+		+	+			
Выползово VI	1			+			+			
Стексово II	1					+				+
Поволжская группа										
Муранский	1					+				+
Всего	7									

Таблица XLII. Распределение погребений по количеству погребенных в неопределенных разрушенных захоронениях

№	Название могильника	Время существования	№ погребения	Одиночные погребения	Парные погребения	Коллективные
Верхнесурская группа						
1.	Шемышейский	III-IV	П.10,11	2		
2.	Селиксенский	III-IV	П.8, 13, 14, 26, 44, 45, 51, 56, 76, 116, 154	10	1	
3.	Степановский (Пензенский)	IV-V	П.7	1		
4.	Селикса-Трофимовский	IV-V	П.30, 34, 51	2	1	
	Итого			15	2	
Примокшанская группа						
5.	Ражкинский	III-IV	П.17, 19	1	1	
6.	Красный Восток	VIII-X	П.15, 22	2		
7.	Тат.Лака II	XI-XIII	П.2, 3, 12, 13, 18, 23а, 24, 26, 27а, 29, 31, 32	12		
	Итого			15	1	
Тешская группа						
8.	Погибловский	XI-XIII	П. 2, 5, 7, 10, 11, 23-24	5	1	
9.	Заречное II	XI-XIII	П.3, 4, 8, 14, 15, 21, 22, 26, 31, 32, 33, 35, 36, 37, 50, 51, 52, 54, 55, 59, 65, 66, 69, 72, 73, 74, 76, 77, 78, 79, 80, 82, 85, 86, 87, 89, 90, 91, 93, 95, 96, 97, 100, 103, 105, 106, 107, 109, 110, 111, 113, 116, 118, 119, 123, 124, 127, 129, 131, 133, 134, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 144, 146, 148, 149, 150			
10.	Сыресево II	XI-XIII	П. 2, 3	2		
11.	Выползово I	XI-XIII	П. 4	1		
12.	Выползово II	XI-XIII	П.4, 5, 7, 8, 14, 19, 22, 23, 25	9		
13.	Выползово VI	XI-XIII	П. 1, 2, 5, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 21, 26, 27, 31, 32	18		
14.	Пятницы VII	XI-XIII	П. 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 15, 16, 17	13		

Продолжение таблицы XLII.

15.	Личадеево V	XI-XIII	П. 1, 2, 3, 4, 6, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 20, 212, 23	16		
16.	Стексово II	XI-XIII	П. 1, 2, 3, 11, 13, 15, 16, 18, 19, 20, 22, 23, 25, 29, 31, 36, 39, 41, 43, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 59, 61, 62, 63, 65, 69, 70, 71, 72, 73, 77, 82, 83, 84, 85, 88, 89, 90, 91, 92, 97, 98, 100, 101 и 102, 103, 105, 106, 108, 110	57	1	
17.	Красное I	XI-XIII	П. 3, 4, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 17, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 33, 34, 36, 38, 40, 41, 42, 44, 45, 46 и 47, 48, 49, 50, 56, 59, 66, 68, 71, 72, 73, 74	40	1	
	Итого			227	9	
Поволжская группа						
18.	Муранский	XIV	Р I: П.6,23 Р III: П. 13	3		
	Итого			3		
Нижнесурская группа						
19	Иваньковский	V-VIII	П. 26, 38	2		
	Итого:			2		
	Всего: 275			263	12	

Таблица XLIII. Наличие наземных сооружений в неопределенных разрушенных захоронениях

Название могильника	есть	нет	Нет данных
Верхнесурская группа			
Шемьшейский		2	
Селиксенский		11	
Степановский (Пензенский)		1	
С-Трофимовский		3	
Итого		17	
Примокшанская группа			
Ражкинский		2	
Красный Восток			2
Татарская Лака II			12
Итого		2	14
Тешская группа			
Погибловский			6
Заречное II		73	
Сыресево II			2
Выползово I			1
Выползово II			9
Выползово VI			18
Пятницы VII			13
Личадеево V			16
Стексово II			58
Красное I			41
Итого		73	164
Поволжская группа			
Муранский		2	1
Итого		2	1
Нижнесурская группа			
Иваньковский			2
Итого			2
Всего		94	181

Таблица XLIV. Ориентировка могильной ямы неопределенных разрушенных захоронений

Название могильника	С-Ю	В-З	С-З-Ю-В	С-В-Ю-З	Нет данных
Верхнесурская группа					
Шемьшейский	2				
Селиксенский	3	3			5
Степановский (Пензенский)				1	
С-Трофимовский				3	
Итого:	5	3		4	5
Примокшанская группа					
Ражкинский	1				1
Красный Восток					2
Татарская Лака II	10			2	
Итого:	11			2	4
Тешская группа					
Погибловский	1		1		4
Заречное II	7		52	4	10
Сыресево II			1		1
Выползово I			1		
Выползово II		3	4		2
Выползово VI		1	17		
Пятницы VII		1	11		1
Личадеево V		12	2	1	1
Стексово II			35		23
Красное I		2	23		16
Итого:	8	19	147	5	58
Поволжская группа					
Муранский			1		2
Итого:			1		2
Нижнесурская группа					
Иваньковский			1		1
Итого:			1		1
Всего	24	22	149	11	69

Таблица XLV. Размеры могильных ям неопределенных разрушенных захоронений

Название могильника	Длина (см)					Ширина (см)				Глубина (см)			
	до 100	101-150	151-200	201 и выше	неопредел.	до 50	51-100	101 и выше	неопредел.	до 50	51-100	101 и выше	неопред.
Верхнесурская группа													
Шемьшейский			2				2					2	
Селиксенский			3	4	4		8		3	1	5	4	1
Степановский (Пензенский)				1			1				1		
Селикса-Трофимовский			1	2		1	1	1		1	2		
Итого			6	7	4	1	12	1	3	2	8	6	1
Примокшанская группа													
Ражкинский				1	1		1		1		1		1
Красный Восток				1	1			1	1		2		
Татарская Лака II	1	4	1	6		1	11			9	2	1	
Итого	1	4	1	8	2	1	12	1	2	9	5	1	1
Тешская группа													
Погибловский				1	5			1	5	1	3	1	1
Заречное II	2	4	32	29	6	5	57	5	6	34	36		3
Сыресево II				2			2			1	1		
Выползово I				1			1				1		
Выползово II			2	7			9			8	1		
Выползово VI			3	15			16	2		10	8		
Пятницы VII	1		3	9		1	11		1		13		
Личадеево V				16			16			14	2		
Стексово II		3	20	35		4	54				47	11	
Красное I		1	3	35	2		37	3	1	38			3
Итого	3	8	63	150	13	10	203	11	13	106	112	12	7
Поволжская группа													
Муранский					3				3	1	2		

Продолжение таблицы XLV.

Итого					3				3	1	2		
Нижнесурская группа													
Иваньковский				1	1		1		1		1		1
Итого				1	1		1		1		1		1
Всего	4	12	70	166	23	12	228	13	22	118	128	19	10

Таблица XLVI. Форма могильных ям в неопределенных разрушенных захоронениях

Название могильника	Форма могильной ямы				Дно			Стенки				Внутримогильные конструкции	
	прямоугольная	овальная	круглая	Неопред.	ровное	неровное	Неопред.	отвесные	расширяются ко дну	Сужаются ко дну	Неопред.	Есть	Нет
Верхнесурская группа													
Шемьшейский		1		1	1	1					2		+
Селиксенский	4	3		4	6	1	4	5	1	1	4		+
Степановский (Пензенский)				1	1						1		+
Селикса-Трофимовский		2		1	2		1			1	2		+
Итого	4	6		7	10	2	5	5	1	2	9		
Примокшанская группа													
Ражкинский	1			1	1		1	1			1		+
Красный Восток				2			2				2		+
Татарская Лака II	8	3	1		12			12				+	+
Итого	9	3	1	3	13		3	13			3		
Тешская группа													
Погибловский	1			5	6			1			5	+	
Заречное II	66	3		4	67		6	67			6		+
Сыресево II	2				2			2					+
Выползово I	1				1			1					+
Выползово II	8			1	8		1	8			1	+	
Выползово VI	17			1	18			18					+
Пятницы VII	12			1	12		1	12			1		+
Личадаево V	16				16			16					+
Стексово II	58				58			58					+
Красное I	37			4	37		4	38			3		+
Итого	218	3		16	225		12	221			16		

Продолжение таблицы XLVI.

Поволжская группа													
Муранский				3			3				3		+
Итого				3			3				3		
Нишнесурская группа													
Иваньковский	1			1	1		1	1			1		+
Итого	1			1	1		1	1			1		
Всего	232	12	1	30	249	2	24	240	1	2	32		

Таблица XLVII. Виды внутримогильных конструкций в погребениях с неопределенными разрушенными захоронениями

Название могильника	С заплечиками	Ямка у края погребения
Примокшанская группа		
Татарская Лака II	1	
Тешская группа		
Погибловский		1
Выползово II	1	
Всего:	2	1

Таблица XLVIII. Возраст и пол погребенных в неопределенных разрушенных захоронениях

Название могильника	Взрослое		Детское	парное				Неопределенное
	мужское	женское		мужское	мужское и женское	женское и детское	мужское и детское	
Верхнесурская группа								
Шемьшейский		2						
Селиксенский	1	7	1					2
Степановский (Пензенский)		1						
Селикса-Трофимовский	1					1		1
Итого	2	10	1			1		3
Примокшанская группа								
Ражкинский								2
Красный Восток			1					1
Татарская Лака II	2	1						9
Итого	2	1	1					12
Тешская группа								
Погибловский	1	2	2		1			
Заречное II	28	19			6			20
Сыресево II	2							
Выползово I		1						
Выползово II	4	2						3
Выползово VI	4	7						7
Пятницы VII	2	2						9
Личадеево V	7	2						7
Стексово II	24	15			1			18
Красное I	10	12			1			18
Итого	82	62	2		9			82
Поволжская группа								
Муранский			1					2
Итого			1					2
Нижнесурская группа								
Иваньковский								2
Итого								2
Всего	86	73	5		9	1		101

Таблица XLIX. Степень разрушения костей в погребениях с неопределенными разрушенными захоронениями

Название могильника	Степень разрушения							
	разрушено полностью, кости на разной глубине	ф-ты трубчатых костей, вытянутых в центре могильной ямы	ф-ты разрушенных костей находятся в одной части могилы и в заполнении	ф-ты разрушенных костей находятся на разной глубине, часть на дне	разрушено полностью, кости сохранились фрагментами	разбросаны по всей могиле	Кости смещены с первоначального положения	Трубчатые кости в разных частях могилы
Верхнесурская группа								
Шемьшейский	1						1	
Селиксенский	2			1	1	1	6	
Степановский (Пензенский)							1	
Селикса-Трофимовский							3	
Итого	3			1	1	1	11	
Примокшанская группа								
Ражкинский						2		
Красный Восток					1	1		
Тат.Лака II	6	1	2	3				
Итого	6	1	2	3	1	3		
Тешская группа								
Погибловский					6			
Заречное II					68	5		
Сыресево II					2			
Выползово I					1			
Выползово II					9			
Выползово VI		2			16			
Пятницы VII		2			11			
Личадеevo V		1			15			
Стексово II		7			37	1		13
Красное I	31	1			8			1
Итого	31	13			173	6		14
Поволжская группа								
Муранский			1			2		

Продолжение таблицы XLIX.

Итого			1			2		
Нижнесурская группа								
Иваньковский	2							
Итого	2							
Всего	42	14	3	4	175	12	11	14

Таблица L. Ориентировка погребенных в неопределенных разрушенных захоронениях

Название могильника	неоп- ред.	Ориентировка погребенного															
		ССЗ	С	ССВ	СВ	ВСВ	В	ВЮВ	ЮВ	ЮЮ В	Ю	ЗЮЗ	ЮЗ	ЮЗЗ	З	ЗСЗ	СЗ
Верхнесурская группа																	
Шемьшейский	1										1						
Селиксенский	3										5				3		
Степановский (Пензенский)					1												
Селикса- Трофимовский					2								1				
Итого	4				3						6		1		3		
Примокшанская группа																	
Ражкинский	2																
Красный Вос- ток	2																
Татарская Лака II	7										5?						
Итого	11										5						
Тешская группа																	
Погибловский	3	2?															1?
Заречное II	31	5	5	1													30
Сыресево II	1																1
Выползово I	1																
Выползово II	1											3			4		
Выползово VI	11													1	4		2
Пятницы VII	6																7
Личадеево V	10												1		4	1	
Стексово II	13		1													16	30
Красное I	18																23
Итого	95	7	6	1								3	1		9	21	94
Поволжская группа																	
Муранский	1									2							

Продолжение таблицы L.

Итого	1								2								
Нижнесурская группа																	
Иваньковский	2																
Итого	2																
Всего	113	7	6	1	3				2		11	3	2		12	21	94

Таблица LI. Наличие погребального костра в неопределенных разрушенном погребении

Название могильника	нет	в заполнении могильной ямы	на дне могильной ямы	в заполнении и на дне могильной ямы
Верхнесурская группа				
Селиксенский		1		
Селикса-Трофимовский			1	
Примокшанская группа				
Ражкинский			1	
Тешская группа				
Погибловский			3	
Заречное II		71		
Выползово I		1		
Личадеево V		16		
Стексово II		1		
Красное I		2		
Всего		92	5	

Таблица LII. Виды подстилок в неопределенных разрушенных захоронениях

№	Название могильника	Вид подстилки		
		луб	гробовища	береста
Верхнесурская группа				
1	Шемышейский	1		
2	Селиксенский	1		
	Итого	2		
Тешская группа				
3	Погибловский		1	
4	Заречное II	15		1
5	Сыресево II	1		
6	Выползово I	1		
7	Выползово II	4		
8	Выползово VI	1		
9	Пятницы VII	2		
10	Личадеево V	2		
11	Стексово II	22		
12	Красное I	1		
	Итого	49	1	1
	Всего	51	1	1

Таблица LIII. Способы расположения инвентаря в неопределенных разрушенных погребениях

Название могильника	У головы	У пояса	На груди	У ног	У головы и пояса	У головы и ног	У ног и пояса	В порядке ношения	беспорядочно	В засыпке и на дне	У головы, пояса, ног	В центре ямы
Верхнесурская группа												
Шемьшейский								1		1		
Селиксенский								1	5		1	
Степановский (Пензенский)								1				
Селикса-Трофимовский								1	1			1
Итого								4	6	1	1	1
Примокшанская группа												
Ражкинский		1							1			
Красный Восток									1			
Тат. Лака II				1					3	1		3
Итого		1		1					5	1		3
Тешская группа												
Погибловский			1			1		2	2			
Заречное II	3	9	2	3	1		1	4	12	21	2	4
Сыресево II										2		
Выползово I									1			
Выползово II		2							4	1		
Выползово VI		2		1					4	9		
Пятницы VII	3			1		2		1		2		
Личадаево V				2	2		1	1	1	6		
Стексово II	2	1		2	2	1		2	3	36	1	3
Красное I	1	1	1	1					4	23		
Итого	9	15	4	10	5	4	2	10	31	100	3	7
Поволжская группа												
Муранский										1		
Итого										1		

Продолжение таблицы ЛШ.

Нишнесурская группа												
Иваньковский								1				
Итого								1				
Всего	9	16	4	11	5	4	2	15	42	103	4	11

Таблица LIV. Наличие инвентаря в мужских неопределенных разрушенных погребениях

Название могильника	Конское снаряжение			Оружие					Орудия труда							Украшения							Детали одежды					Дар	Неопр. обломки	Безинвентарные погребения					
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27				28	29			
Верхнесурская группа																																			
Селиксенский																																			1
Селикса-Трофимовский				+	+									+													+								
Примокшанская группа																																			
Тат. Лака II				+												+										+			+	+				1	
Тешская группа																																			
Погибловский																										+									
Заречное II				+	+					+		+		+	+	+										+	+	+	+				+	3	
Сыресево II				+									+														+	+	+						
Выползово II				+	+							+		+												+	+	+					+		
Выползово VI				+								+		+			+									+		+	+				+		
Пятницы VII				+	+									+																					
Личадеево V				+	+					+		+		+		+	+	+								+		+	+						
Стексово II				+	+					+		+		+		+	+	+		+						+	+	+	+				+		
Красное I				+	+							+				+				+						+	+	+	+				+		

1 - уздечные пряжки, 2 - удила, 3 - стремя, 4 - стрелы, 5 - копьё (пика), 6 - кельт, 7 - кинжал (меч), 8 - колчан, 9 - кольчуга, 10 - топор, 11 - гвозди, 12 - кресало и кремь, 13 - долото, 14 - нож, 15 - пряслице, 16 - бусы (бисер), 17 - височные кольца, подвески, 18 - кольцо (перстень), 19 - наконник, 20 - браслет, 21 - гривна, 22 - нагрудные бляхи, 23 - серьги, 24 - ожерелье, 25 - пряжки, 26 - поясные кольца, 27 - сюльгама, 28 - поясные накладки и бляшки, 29 - пуговицы.

Таблица LV. Наличие инвентаря в женских неопределенных разрушенных погребениях

Название могильника	Конское снаряжение			Оружие					Орудия труда							Украшения							Детали одежды					Неопр. обломки	Безинвентарные погребения			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27			28	29	
Верхнесурская группа																																
Шемьшейский																+					+	+	+							+	3	
Селиксенский				+										+	+	+	+					+	+			+				+	1	
Степановский (Пензенский)														+		+										+				+		
Селикса-Трофимовский																+																
Примокшанская группа																																
Тат. Лака II														+	+					+								+			1	
Тешская группа																																
Погибловский										+						+	+	+								+	+	+			+	
Заречное II												+		+	+	+	+	+	+	+	+					+		+	+			
Выползово I																+	+	+		+	+											
Выползово II																+	+								+		+				+	
Выползово VI																+	+	+	+		+							+				
Пятницы VII																+	+	+	+		+							+				
Личадеево V														+		+	+											+				
Стексово II																+	+	+	+	+	+							+			+	
Красное I														+	+	+	+	+	+	+							+	+			+	

1 - уздечные пряжки, 2 - удила, 3 - стремя, 4 - стрелы, 5 - копьё (пика), 6 - кельт, 7 - кинжал (меч), 8 - колчан, 9 - кольчуга, 10 - топор, 11 - гвозди, 12 - кресало и кремь, 13 - долото, 14 - нож, 15 - пряслице, 16 - бусы (бисер), 17 - височные кольца, подвески, 18 - кольцо (перстень), 19 - накосник, 20 - браслет, 21 - гривна, 22 - нагрудные бляхи, 23 - серьги, 24 - ожерелье, 25 - пряжки, 26 - поясные кольца, 27 - сюльгама, 28 - поясные накладки и бляшки, 29 - пуговицы.

Таблица XLVI. Наличие инвентаря в детских неопределенных разрушенных погребениях

Название могильника	Конское снаряжение			Оружие					Орудия труда					Украшения					Детали одежды					Неопр. обломки	Безинвентарные погребения						
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23			24	25	26	27	28	29
Верхнесурская группа																															
Селиксенский																										+					
Примокшанская группа																															
Красный Восток														+																	
Поволжская группа																															
Муранский																															+

1 - уздечные пряжки, 2 - удила, 3 - стремя, 4 - стрелы, 5 - копьё (пика), 6 - кельт, 7 - кинжал (меч), 8 - колчан, 9 - кольчуга, 10 - топор, 11 - гвозди, 12 - кресало и кремь, 13 - долото, 14 - нож, 15 - пряслице, 16 - бусы (бисер), 17 - височные кольца, подвески, 18 - кольцо (перстень), 19 - наконечник, 20 - браслет, 21 - гривна, 22 - нагрудные бляхи, 23 - серьги, 24 - ожерелье, 25 - пряжки, 26 - поясные кольца, 27 - сьюльгама, 28 - поясные накладки и бляшки, 29 - пуговицы

Таблица LVII. Наличие инвентаря в неопределенных разрушенных погребениях, где пол неопределен

Название могильника	Конское снаряжение			Оружие					Орудия труда					Украшения					Детали одежды					Неопр. обломки	Безинвентарные погребения						
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23			24	25	26	27	28	29
Верхнесурская группа																															
Селиксенский					+																	+								+	1
Селикса-Трофимовский													+																		
Примокшанская группа																															
Ражкинский					+											+														+	
Красный Восток																															1
Тат. Лака II				+									+	+	+												+	+	+	3	
Тешская группа																															
Погибловский																															8
Заречное II				+					+				+	+	+	+	+									+	+	+	+	5	
Выползово II																+										+		+		2	
Выползово VI				+							+		+	+											+	+	+	+	+	2	
Пятницы VII				+							+			+	+	+					+					+	+		3		
Личадеево V				+									+		+	+	+								+		+		3		
Стексово II				+									+		+	+		+	+							+	+	+	2		
Красное I													+				+								+	+	+	+	+	9	
Нижнесурская группа																															
Иваньковский																+		+								+				1	

1 - уздечные пряжки, 2 - удила, 3 - стремя, 4 - стрелы, 5 - копьё (пика), 6 - кельт, 7 - кинжал (меч), 8 - колчан, 9 - кольчуга, 10 - топор, 11 - гвозди, 12 - кресало и кремь, 13 - долото, 14 - нож, 15 - пряслице, 16 - бусы (бисер), 17 - височные кольца, подвески, 18 - кольцо (перстень), 19 - накосник, 20 - браслет, 21 - гривна, 22 - нагрудные бляхи, 23 - серьги, 24 - ожерелье, 25 - пряжки, 26 - поясные кольца, 27 - сьюльгама, 28 - поясные накладки и бляшки, 29 - пуговицы.

Таблица LVIII. Посуда в неопределенных разрушенных погребениях

Название могильника	Глиняная посуда									Медный котел									Деревянная посуда									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	1	2	3	4	5	6	7	8	9	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
Верхнесурская группа																												
Шемьшейский				1	1	1		1																				
Селиксенский			1	3	2	1																						
Селикса- Трофимовский			1	1																								
Итого			2	5	3	2		1																				
Примокшанская группа																												
Ражкинский				1				1																				
Татарская Лака II			1			1	1																					
Итого			1	1		1	1		1																			
Тешская группа																												
Погибловский				1																								
Заречное II				1	4	2						1		1														
Сыресево II												1																
Выползово VI					2																							
Пятницы VII				3																								
Личадеево V				1	1							1																
Стексово II				18	16									1														
Красное I				1	4							1	3									1	1					
Итого				25	27	2						4	5									1	1					
Всего			3	31	30	5	1	1	1			4	5									1	1					

1 - слева от костей, 2 - справа от костей, 3 - в ногах, 4 - в головах, 5 - в засыпке, 6 - в центре, 7 - в южном конце ямы, 8 - в северном конце могилы, 9 - нет данных

Таблица LIX. Обезвреживание инвентаря в неопределенных разрушенных погребениях

Название могильника	нож
Тешская группа	
Заречное II	4
Стексово II	2
Всего	6

Таблица LX. Керамика в неопределенных разрушенных погребениях

№	Название могильника	Один фрагмент		Несколько и более фрагментов		
		на дне	в заполнении	на дне	в заполнении	на дне и в заполнении
Верхнесурская группа						
1	Селиксенский					4
2	Степановский (Пензенский)	1				
Примокшанская группа						
3	Татарская Лака II	1		1		
Тешская группа						
4	Заречное II		1		71	
5	Сыресево II				1	
6	Личадеево V		2		16	
7	Стексово II		1			
8	Красное I		1		4	
	Всего	2	5	1	92	4

Таблица LXI. Наличие костей животных в неопределенных разрушенных погребениях

Название могильника	Расположение костей			Целостность костяка			Вид животного			
	На дне	В засыпке	Среди че- ловеческих костей	целый		фрагмен- ты	лошадь	Крупный рогатый скот	свинья	Неопред.
				Разрушенный	Неразрушен- ный					
Верхнесурская группа										
Селиксенский			1			+	+			
Примокшанская группа										
Татарская Лака II		1					+			
Тешская группа										
Заречное II	1			+			+			
Выползово VI	1					+		+		
Стексово II	5					+	+			+
Красное I		1				+	+			
Всего	7	2	1							